

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Экономика и управление

Основан в 2010 г.

№ 1 (36)

2019

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Еремينا Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент

Коротелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук

Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор

Понедельчук Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Беседин Василий Федорович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Бужин Алексей Андреевич, доктор экономических наук, профессор

Вахтина Маргарита Анатольевна, доктор экономических наук, доцент

Восколович Нина Александровна, доктор экономических наук, профессор

Денисюк Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент

Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент

Искосков Максим Олегович, доктор экономических наук, доцент

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор

Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент

Мельник Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор

Мигус Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор

Митяй Оксана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент

Мищук Ольга Витальевна, кандидат экономических наук, доцент

Музыченко Анатолий Степанович, доктор экономических наук, профессор

Пенькова Оксана Георгиевна, доктор экономических наук, доцент

Пойда-Носик Нина Никифоровна, кандидат экономических наук, доцент

Рожко Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент

Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент

Стеченко Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Тарлопов Игорь Олегович, доктор экономических наук, доцент

Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент

Уманцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40004 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 29.03.2019.

Выход в свет 27.06.2019.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 9,2.

Тираж 50 экз. Заказ 3-246-19.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Заместители главного редактора:

Еремينا Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры «Европейские исследования» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, директор Центра научных журналов, профессор кафедры «Педагогика и методики преподавания» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Понедельчук Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика предприятия, финансы и финансово-экономическая безопасность» Уманского государственного педагогического университета (Умань, Украина).

Редакционная коллегия:

Беседин Василий Федорович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Украины (Киев, Украина).

Бужин Алексей Андреевич, член-корреспондент Украинской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Философия и общественные науки» Черкасского института пожарной безопасности имени Героев Чернобыля (Черкассы, Украина).

Вахтина Маргарита Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и связям с общественностью Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти, Россия).

Восколович Нина Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика труда и персонала» экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Денисюк Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Финансовый контроль и анализ» Винницкого торгово-экономического института (Винница, Украина).

Зибарев Александр Григорьевич, член-корреспондент Российской Академии наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН (Тольятти, Россия).

Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Организация производства» Самарского государственного аэрокосмического университета (Самара, Россия).

Иванова Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Искоков Максим Олегович, доктор экономических наук, доцент, профессор департамента бакалавриата (экономических и управленческих программ) института финансов, экономики и управления Тольяттинского государственного университета, (Тольятти, Россия)

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовый менеджмент» Института экономики, управления и права (Казань, Россия).

Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий группой экономики природопользования Института экологии Волжского бассейна РАН (Тольятти, Россия).

Мельник Алексей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Политическая экономия» Киевского национального экономического университета (Киев, Украина).

Мигус Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность» Черкасского национального университета (Черкассы, Украина).

Митяй Оксана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория, коммерческое и трудовое право» Уманского государственного педагогического университета (Умань, Украина).

Мищук Ольга Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика предприятия и финансы» Уманского государственного педагогического университета (Умань, Украина).

Музыченко Анатолий Степанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятия и финансы» Уманского государственного педагогического университета (Умань, Украина).

Пенькова Оксана Георгиевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория» Уманского национального университета садоводства (Умань, Украина).

Пойда-Носик Нина Никифоровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и банковское дело» Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина).

Рождко Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Института последипломного образования Киевского национального университета (Киев, Украина).

Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и менеджмент» Национального исследовательского университета «МИСиС» (Москва, Россия).

Стеченко Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятия» Национального технического университета «Киевский политехнический институт» (Киев, Украина).

Тарлопов Игорь Олегович, доктор экономических наук, доцент, декан экономического факультета Бердянского университета менеджмента и бизнеса (Бердянск, Украина).

Терещина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственная политика и государственное управление» Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Уманцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Международная экономика» Киевского национального торгово-экономического университета (Киев, Украина).

Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Американские исследования» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО БРЕНДА В УСЛОВИЯХ ЭНЕЙРО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ С.Е. Демидова, Д. А. Суханов.....	5
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ МАКРО-, МЕЗО- И МИКРОУРОВНЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДИНАМИКУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И.В. Краснопевцева.....	12
КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ Н.В. Левкин, С.С. Верешко.....	19
ПРОБЛЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ М.Ю. Махотаева, М.А. Николаев.....	26
ОЦЕНКА УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА (НА ПРИМЕРЕ ООО ТК «РЕЙЛ КОНТИНЕНТ») Е.В. Мурач, Е.Ю. Селезнева.....	33
МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ОЖИДАНИЙ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В ВУЗ Л.С. Панченкова, С.А. Кациель, Л.В. Антонина.....	40
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ Д.А. Тиунов, Ю.В. Дубровская.....	49
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Л.Г. Уляшева.....	55
ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА РАЗВИТИЕ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА СТРАНЫ Б.Г. Хаиров, С.М. Хаирова.....	61
ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ Р.М. Шайдуллина.....	68
НАШИ АВТОРЫ.....	76

CONTENT

SPECIAL ASPECTS OF EDUCATIONAL BRAND CONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF E-NEURAL NETWORK ECONOMY S.E. Demidova, D.A. Sukhanov.....	5
THE ANALYSIS OF MACRO-, MESO – AND MICRO-LEVEL FACTORS DETERMINING THE DYNAMICS OF LABOUR PRODUCTIVITY AT THE PRODUCTION ENTERPRISES I.V. Krasnopevtseva.....	12
KEY STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE ANTITRUST REGULATION INSTITUTE IN PRE-REVOLUTION RUSSIA N.V. Levkin, S.S. Vereshko.....	19
THE PROBLEMS OF ACTIVATING THE INVESTMENT PROCESSES IN THE RUSSIAN ECONOMY M. Yu. Makhotaeva, M.A. Nikolayev.....	26
THE ASSESSMENT OF RECEIVABLES MANAGEMENT AS THE BASIC ELEMENT OF THE INTERNAL CONTROL SYSTEM OF AN ENTERPRISE OF LOGISTICS CLUSTER (BY THE EXAMPLE OF JSC TC “RAIL CONTINENT”) E.V. Murach, E. Yu. Selezneva.....	33
MARKETING RESEARCH OF THE BELIEVABILITY OF EXPECTATIONS OF APPLICANTS FOR ADMISSION TO A UNIVERSITY L.S. Panchenkova, S.A. Katsiel, L.V. Antonina.....	40
SYSTEMATIZATION OF UNEMPLOYMENT CAUSES: THE INSTITUTIONAL ASPECT D.A. Tiunov, Yu.V. Dubrovskaya.....	49
THE SIMULATION OF LOGGING ACTIVITIES WITHIN THE ACCOUNTING SPACE L.G. Ulyasheva.....	55
THE INFLUENCE OF LOGISTIC SYSTEMS ON THE DEVELOPMENT OF NON-RESOURCE EXPORTS OF THE STATE B.G. Khairov, S.M. Khairova.....	61
THE DYNAMICS OF INDICATORS OF LIVING STANDARDS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: THE COMPARATIVE ANALYSIS R.M. Shaidullina.....	68
OUR AUTHORS.....	76

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО БРЕНДА В УСЛОВИЯХ ЭНЕЙРО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2019

С.Е. Демидова, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов финансово-экономического факультета
Д.А. Суханов, магистрант финансово-экономического факультета
Псковский государственный университет, Псков (Россия)

Ключевые слова: образовательный бренд; бренд-ориентированная образовательная организация; построение бренда; брендинг; цифровизация.

Аннотация: Поиск конкурентных позиций и расширение спектра возможностей продвижения образовательных услуг вузами в условиях изменения хозяйственной координации, обусловленной развитием цифровых технологий и сетевой структуры, подтверждают потенциал исследований предложенной темы. Университеты активно используют маркетинговые технологии при формировании образовательных брендов, способствующих продвижению в национальных и международных рейтингах, дающих преимущества в конкурентов за кадровые, финансовые и иные ресурсы, в привлечении наиболее одаренных и перспективных абитуриентов.

Работа посвящена исследованию основных категорий образовательного маркетинга и декомпозиции понятий. Представленные результаты брендинговой деятельности вузов позволили выявить и систематизировать элементы бренда. В качестве концептуальной основы бренда университета выступает его миссия, обязательный атрибут – логотип. Однако недостаточное внимание уделяется брендинговой политике, брендинговой стратегии и формированию корпоративной культуры. В рамках данного исследования проведен терминологический анализ понятий «бренд», «бренд образовательной организации», «образовательный бренд», обобщены авторские подходы, выделены общее в представленных определениях, а также обозначены основные составные элементы образовательного бренда. Выделены элементы, обеспечивающие формирование успешного бренда образовательной организации, и критерии, значимые для продвижения бренда вуза. В качестве объектов анализа были выбраны ведущие российские высшие учебные заведения. Был проведен сравнительный анализ формирования и использования образовательного бренда лидерами национального рейтинга университетов. В результате исследования выделены перспективные инструменты брендинга и сделан вывод о направлениях формирования стратегии брендинга.

ВВЕДЕНИЕ

Конкуренция на рынке образовательных услуг, активное внедрение рыночных механизмов в деятельность вузов, развитие интернет-коммуникаций, сетизация и виртуализация, формирующаяся энейро-сетевая образовательная система [1] обуславливают поиск действенных механизмов, позволяющих расширять границы влияния образовательного учреждения как внутри страны, так и на международном уровне, повысить узнаваемость, привлекательность и эффективность его деятельности. Одним из путей достижения намеченных целей является построение образовательного бренда, внимание которому все чаще уделяется в работах отечественных и зарубежных ученых и практиков; отдельные элементы образовательного бренда находят отражение в стратегических инициативах программ конкурентоспособности ведущих университетов, а также механизмов их продвижения.

Авторские подходы к сущности понятия «образовательный бренд» содержат следующие положения.

И.А. Квочкина рассматривает образовательный бренд как систему знаков и символов и имидж образовательной организации. Автор выделяет следующие элементы бренда: наименование образовательной организации, логотип, образовательная услуга; миссия и ценности образовательной организации, ожидания потребителей образовательной услуги [2]. Как уникальные характеристики услуг образовательной организации рассматривают образовательный бренд Д.А. Шевченко и Н.Г. Швед [3; 4]. А.Д. Шевченко не выделяет основные элементы бренда, а Н.Г. Швед одним из ос-

новных элементов бренда называет услуги образовательной организации. Торговая марка образовательной организации рассматривалась в работе Е.В. Серковой, автор выделяет следующие элементы торговой марки: наименование образовательной организации, логотип, образовательную услугу [5]. Н.А. Анашкина, Ю.Н. Волков в имидже образовательной организации, оцениваемом потребителями, выделяют каналы передачи информации об образовательной организации и ее образовательных услугах [6]. И.А. Краева определяет образовательный бренд через систему знаков и символов образовательной организации [7].

Ряд авторов определяют образовательный бренд как совокупность характеристик образовательной организации, создающих ассоциативный ряд и делающих ее узнаваемой в глазах получателей образовательных услуг [3–6]. К образовательному бренду И.А. Квочкина относит не только совокупность уникальных характеристик вуза, но и саму образовательную услугу, ее качество, условия предоставления, компетентность профессорско-преподавательского состава и др. [2].

Оценка поведенческого отклика на результаты брендинга может проводиться такими методами, как опросы, контент-анализ; полученные результаты используются для сопоставления с прогнозируемой реакцией целевых групп. На этот отклик оказывают динамичное влияние внутренние процессы и факторы внешней среды, а также формирующееся нейро-сетевое мышление [8]. Таким образом, построение образовательного бренда в совокупности элементов является одним из стратегических и требует постоянного анализа

и совершенствования в условиях меняющейся среды, внедрения новых технологических инициатив.

Цель работы – уточнение категорий «бренд», «образовательный бренд» и анализ элементов, обеспечивающих формирование успешного бренда образовательной организации, позволяющих сформулировать предложения о направлениях формирования стратегии брендинга образовательной организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основой исследования послужил терминологический анализ авторских определений и методологических подходов к сущности категории «бренд» и понятия «образовательный бренд». Предложен механизм брендинга образовательной организации, направленный на повышение эффективности взаимодействия вуза с фокусными группами в условиях сетевизации и цифровизации [1].

Подходы исследователей к понятию «бренд» в общем характеризуют термин как совокупность экономических, эмоциональных, психологических, культурных, социальных, духовных свойств, представляющих цельный, ценный, устойчивый образ, который воздействуют на фокусные группы. Для понимания фокусной группы обратимся к определению Я. Шета, который понимает под “publics” в маркетинге «любую группу, которая имеет действительный или потенциальный интерес к способности компании добиваться своих целей или же может оказывать влияние на эту способность» [Цит. по: 8, с. 59]. Американская маркетинговая ассоциация определила бренд как «название, термин, знак, символ или их комбинация, предназначенные для идентификации товаров и услуг одного продавца или группы продавцов и отличия от товаров конкурентов» [9, с. 34].

Университет представляет собой сложный бренд; он стремится удовлетворить потребности разнообразных целевых групп (поступающие, студенты, иностранные студенты родители, работодатели, бизнес-сообщества,

спонсоры, министерства, правительства, фонды, общественность, школьники, и др.) в бренд-коммуникациях университета, так как традиционных университетских коммуникаций уже недостаточно, опыт коммуникаций молодого поколения намного сложнее и стремительнее. ВЦИОМ оценивает долю россиян, пользующихся интернетом, в 81 %, в том числе ежедневно – 65 %. Самая высокая ежедневная интернет-активность приходится на 18–24-летних молодых людей и составляет 97 % [10].

Структурно понятие бренда можно представить на рис. 1.

Под сетевым воздействием понимается сложный механизм вовлечения организаций в совместные партнерские проекты с целью централизации ресурсов для достижения поставленных целей.

Образовательный бренд – это уникальная, узнаваемая совокупность элементов, которые идентифицируются с конкретной образовательной организацией или с предоставляемым образовательным продуктом.

Несмотря на многообразие подходов к сущности понятия «образовательный бренд», единым является мнение, что предназначение рассматриваемого феномена заключается в том, чтобы потенциальные потребители захотели получить образование в конкретном учреждении в заданных условиях внешней среды. В целом в образовательном бренде можно выделить следующие основные элементы:

- нейминг (наименование образовательной организации);
- айдентика (логотип, фирменный стиль, брендбук);
- звуковая символика (гимн);
- образовательная услуга (характеристики: качество образования, профессорско-преподавательский состав, научометрические данные, условия обучения и университетской среды и пр.);
- миссия, видение, цели и ценности образовательной организации;
- сформированная корпоративная культура образовательной организации;

УСТОЙЧИВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ВОЗНИКАЮЩЕЕ У ПОТРЕБИТЕЛЯ Д'алессандро, Ф. Дэвид, Е.П. Голубков, Р.Д. Садриев [11; 12; 5]	СОВОКУПНОСТЬ ОСОБЫХ СВОЙСТВ И АТРИБУТОВ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ОТЛИЧИЕ ОТ КОНКУРЕНТОВ Д.А. Аакер, Ф. Котлер [13; 14]	УНИКАЛЬНАЯ ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ (КАПИТАЛ БРЕНДА) К. Келлер, Л. Чернатони [15; 16]	СТЕРЕОТИПЫ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ А.В. Бадьин, В.В. Тамберг, М. Ньюмейер [17; 18]
БРЕНД для фокусной группы			
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ информация о товаре, услуге [18]	ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ впечатление утверждение ценностей [18]	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ надбавка к цене за премиальность [18]	КУЛЬТУРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ценности, традиции [18]
СОЦИАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ идентификация в группе [19]	СЕТЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ идентификация в сетях	ДУХОВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ социальная ответственность [19]	

Рис. 1. Структурные элементы понятия «бренд» и виды воздействия на целевую аудиторию

– обратная связь, получаемая от потребителей образовательных услуг (отзывы).

Как метод продвижения бренда, рассматривается совокупность digital-технологий (система сайтов, социальные сети, веб-приложения, онлайн-платформы), используемых образовательной организацией. Посредством такого взаимодействия происходит обмен информацией как с внешней средой, так и внутри университета (студенты взаимодействуют с преподавателями, другими студентами, выпускниками, работодателями). Проведенный эмпирический анализ [20] свидетельствует о том, что студенты, довольные университетским digital-контентом и социальным взаимодействием, с большей вероятностью будут демонстрировать положительные результаты оценки бренда, например идентифицировать бренд вуза среди других образовательных брендов, рекомендовать вуз для обучения, а также быть готовыми нести дополнительные премиальные расходы.

В связи с тем, что предназначение образовательного бренда заключается в привлечении абитуриентов, представителей научной элиты, заинтересованных студентов и иных ресурсов, в современных реалиях внимание руководителей вузов сосредоточено на организации брендинга, под которым понимают совокупность способов и приемов формирования бренда образовательной организации [21].

В последнее время трансформация экономической среды оказала серьезное негативное влияние на финансовое положение большинства высших учебных заведений. Огромное количество университетов и колледжей на рынке часто конкурируют за одних и тех же студентов. Более того, относительно простые рекламные инструменты прошлого больше не работают. Поскольку сегодняшние абитуриенты полностью погружены в различные «цифровые миры» (социальные сети и приложения, онлайн-платформы, электронные услуги), высшие

учебные заведения должны понять и принять их потребности. Именно поэтому колледжи и университеты обращаются к брендингу, стремясь процветать, а в некоторых случаях выживать [22].

Магистральным направлением процесса построения образовательного бренда вуза является применение новых информационно-сетевых методов, связанных с процессами цифровизации и сетизации. В образовательных учреждениях в современных условиях происходят глубокие трансформационные процессы, что обусловлено переходом к цифровой нейро-сетевой стадии развития, к NBIC укладу (NBIC – аббревиатура по первым английским буквам направлений: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science), который формируется под влиянием новейшей технологической революции.

Следует отметить, что в научной литературе авторами выделяются две области построения образовательного бренда – внутреннее позиционирование и внешнее позиционирование [2; 23], представленные на рис. 2.

Процесс создания бренда образовательной услуги (брендинг) должен привести к формированию уникального набора характеристик, которые сформируют определенный облик образовательной организации и заставят потребителя сосредоточить свой выбор именно на данной организации. Эту же стратегию позиционирования используют Кембриджский и Оксфордский университеты.

Бренд-ориентированная образовательная организация, наращивая добавленную ценность, повышает и капитальную стоимость самой организации, а также раскручивается на рынках B2B и B2C. Для модели развития бренд-ориентированного вуза, предложенной С.Э. Савзихановой, обязательным условием является формирование бренд-стратегии и брендировой политики [24].

Процесс образовательного брендинга является многоэтапным, его основные этапы представлены на рис. 3.

Рис. 2. Области построения бренда образовательной организации

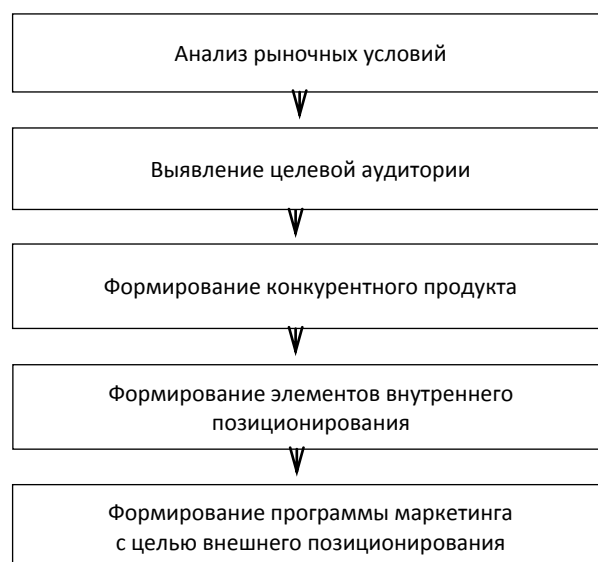

Рис. 3. Основные этапы брендинга образовательной организации

Российские вузы в последние годы активно формируют и используют бренды в качестве элементов конкурентной стратегии и стратегии рекрутинга студентов. Для построения бренда образовательной организации необходимо выявить и донести до заинтересованных сторон ее уникальные особенности, без использования интернет-решений это уже невозможно. Вузы вооружились инструментами продвижения своего бренда, такими как выставки, ивенты, экспертные группы, реклама, PR, социальные сети и сервисы, использование программ-консультантов и др.

Основная особенность брендинга учебного заведения заключается в том, что деятельность студентов, родителей, выпускников, преподавателей и сотрудников тесно связана с ним. При этом образовательный бренд – это абстрактная, нематериальная реальность, которую нельзя определить или показать кому-либо. Для создания материальных элементов бренда необходимо начать с формулирования стратегии и нематериальных концепций.

С целью оценки качества формирования и использования образовательных брендов вузами РФ была проведена сравнительная характеристика лидеров образовательного рынка по версии рейтингового агентства «Интерфакс» [25] (таблица 1). Применяются следующие показатели: успешность элит, позиция сайта, медиаактивность, международная и национальная наукометрия.

В целом можно отметить, что сводная позиция по рейтингу и позиция по бренду достаточно близки. Топ-10 университетов по бренду находятся на позициях 1–15 основного рейтинга. Наибольший разрыв отмечен между позициями Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (бренд – 4 место, сводный – 14). Отметим, что вуз занимает 33 место по блокам «образование» и «инновация». Российский университет дружбы народов (РУДН) занял 10 место в общем рейтинге и 17 место по бренду. Однако уже в феврале 2019 года по уровню вовлеченности студентов в социальные сети с официальных страниц вуза РУДН занял 1 место в рейтинге.

Следует отметить, что указанные в таблице 1 вузы являются лидерами российского образовательного рынка, что позволяет сделать вывод о высоком качестве предоставляемых образовательных услуг, которые являются основным элементом образовательного бренда. Университеты, чьи позиции в рейтингах не так высоки, стремятся овладеть инструментами брендинга. Вузы сосредотачивают свое внимание на создании графических и иных символов, которые позволяют идентифицировать вуз среди других образовательных организаций. В меньшей степени образовательные организации уделяют внимание формированию корпоративной культуры.

Российские вузы в последние годы уделяют значительное внимание брендингу, формируют основные элементы образовательного бренда, при этом целью должно быть повышение качества образования по направлениям подготовки, соответствие показателям мониторинга Минобрнауки по следующим блокам: образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, международная деятельность, финансово-экономический блок, уровень заработной платы, результаты трудоустройства выпускников.

Особое внимание образовательная организация должна уделять внешнему позиционированию, например участию в разработке и реализации важнейших проектов социально-экономического развития территорий и соответствующих отраслей, достижению компетентностного баланса выпускников, формированию экспертного сообщества, продвижению российского образования на международном образовательном рынке.

Сегодня необходим переход к новой модели развития брендинга образовательных учреждений, основанной на глобальных сетях, на инновационных технологиях. Нейромаркетинг позволяет определить, какие именно атрибуты и формы привлекут потенциального потребителя. Уже созданы специализированные лаборатории по нейромаркетингу, например Consumer Neuroscience (США) или внутреннее подразделение у Coca-Cola. В России применение нейромаркетинга сдерживается

Таблица 1. Наличие основных элементов образовательного бренда у лидеров российского образовательного рынка по версии рейтингового агентства «Интерфакс» (2018 год) [25]

Наименование образовательной организации	Позиция в рейтинге (баллы)		Элемент образовательного бренда				
	Сводный	Бренд	Миссия	Гимн	Логотип	Корпоративная культура	Обратная связь, сайт и публичные сообщества
МГУ им. М.В. Ломоносова	1 (1000)	1 (1000)	X	X	X	+	www.msu.ru, school.msu.ru, др. Система сайтов vk, facebook, twitter
СПбГУ	4 (844)	2 (580)	X	X	X	+	spbu.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram
ГУ ВШЭ	5 (807)	3 (494)	X		X	–	hse.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram telegram, flickr
УФУ	14–15 (670)	4 (330)	X		X	–	urfu.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram, telegram, rss
МФТИ	3 (918)	5 (318)	X	X	X	–	mipt.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram, flickr, одноклассники
НГУ	6 (790)	6 (309)	X		X	–	www.nsu.ru, vk, facebook, youtube, instagram, rss
ТПУ	8 (783)	7 (304)	X		X	–	tpu.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram, telegram, одноклассники
МИФИ	2 (971)	8 (291)	X		X	–	mephi.ru, vk, facebook twitter, youtube
СПбПУ	14–15 (670)	9 (275)	X		X	–	spbstu.ru, vk, facebook, twitter, youtube, instagram, G+
КФУ	12 (728)	10 (271)	X	X	X	–	kpfu.ru, kazan_federal_university
ТГУ	7 (788)	12 (255)	X	X	X	+	tsu.ru Система сайтов (7) vk, facebook, twitter, youtube, instagram
РУДН	10 (758)	17–18 (213)	X	X	X	Существует, документально утвержден кодекс чести студентов	rudn.ru, vk, facebook twitter, youtube instagram. rss

Примечание:

- + Сформирована и утверждена документально.
- Существует негласно, документально не утверждена.

ограниченной развитостью междисциплинарных коммуникаций, а также финансовыми расходами.

На данном этапе для достижения эффектов в рассматриваемой области представляется необходимым формирование брендинговой политики и утверждение брендинговой стратегии университета как части программы повышения конкурентоспособности. Обяза-

тельным элементом брендинговой стратегии должна стать программа построения корпоративной культуры, внедрение нейросетевых технологий, например таргетирования, чат-ботов, мессенджеров для того, чтобы отвечать требованиям новой информационной парадигмы, быть эффективными и конкурентными на рынке образования. В совокупности принятые решения должны

обеспечить расширение рынков сбыта образовательных услуг, дальнейший подъем в рейтинге национальных вузов, а также вхождение в мировые рейтинги и продвижение в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дятлов С.А., Лобанов О.С., Гильманов Д.В. Цифровая нейро-сетевая экономика: институты и технологии развития. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 325 с.
- Квочкина И.А. Сущность брендинга образовательной организации // Современное общество и власти. URL: gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/06-2015r/296-kvochkina-062015.
- Швед Н.Г. Развитие и продвижение бренда вуза в современном образовательном пространстве // Российская школа связей с общественностью. 2015. Т. 7. С. 158–166.
- Шевченко Д.А. Эффективность управления брендом образовательного учреждения: теория и практика // Практический маркетинг. 2015. № 6. С. 47–52.
- Серкова Е.В. Бренд образовательного учреждения как фактор конкурентоспособности // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2013. Т. 4. № 1. С. 130–142.
- Анашкина Н.А., Волков Ю.Н. Опыт создания бренда образовательного учреждения // Творчество молодых: дизайн, реклама, информационные технологии: сборник трудов XVI национальной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Омск: Омский государственный технический университет, 2017. С. 60–63.
- Краева И.А. Позиционирование бренда ННГУ на рынке образовательных услуг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 1. С. 35–39.
- Дятлов С.А., Гильманов Д.В., Марьяненко В.П. Теория инноваций: инновации в условиях цифровой экономики. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 286 с.
- Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as Signals: A Cross-Country Validation Study // Journal of Marketing. American Marketing Association. 2006. Vol. 70. № 1. P. 34–49.
- Данные опросов // ЦИОМ. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322.
- Далессандро Д.Ф. Войны брендов. 10 правил создания непобедимой торговой марки. СПб.: Питер, 2009. 224 с.
- Голубков Е.П. Еще раз о понятии «бренд» // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 2–10.
- Аакер Д. Создание сильных брендов. М.: ИД Гребенникова, 2009. 340 с.
- Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 2014. 1200 с.
- Келлер К.Л. Формирование капитала бренда на основе потребительских предпочтений // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 2010. № 3. С. 67–73.
- Чернатони Л. От видения бренда к оценке бренда. Стратегический процесс роста и усиления брендов. М.: Группа ИТД, 2007. 332 с.
- Бадьин А.В., Тамберг В.В. Новая рыночная ниша. От идеи к созданию востребованного продукта. М.: Эксмо, 2008. 256 с.
- Ньюмейер М. Разрыв бренда. Как возвести мост между стратегией бизнеса и креативностью. М.: Вильямс, 2006. 192 с.
- Зотова Е.А., Трофимов Е.Ф. Роль и место ребрендинга в системе управления образовательным учреждением // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2013. № 1. С. 105–110.
- Eldegwy A., Elsharnouby T.H., Kortan W. How sociable is your university brand? An empirical investigation of university social augmenters' brand equity // International Journal of Educational Management. 2018. Vol. 32. № 5. P. 912–930.
- Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. М.: Вершина, 2007. 448 с.
- Pinar M., Trapp P., Girard T., Bout T.E. Utilizing the Brand Ecosystem Framework in Designing Branding Strategies for Higher Education // International Journal of Educational Management. 2011. Vol. 25. № 7. P. 724–739.
- Прохоров А.В. Модель университета как основа позиционирования его бренда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 31–35.
- Савзиханова С.Э. Бренд-ориентированный вуз – путь к успеху на рынке образовательных услуг // Креативная экономика. 2013. Т. 7. № 12. С. 84–88.
- Национальный рейтинг университетов // Интерфакс. Образование. URL: academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2018&page=1.

REFERENCES

- Dyatlov S.A., Lobanov O.S., Gilmanov D.V. *Tsifrovaya neyro-setevaya ekonomika: instituty i tekhnologii razvitiya* [Digital neural network economy: institutes and technologies of development]. Sankt Petersburg, SPbGEU Publ., 2018. 325 p.
- Kvochkina I.A. The essence of branding in an educational institution. *Sovremennoe obshchestvo i vlasti*. URL: gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/06-2015r/296-kvochkina-062015.
- Shved N.G. Development and advancement of the university's brand in modern educational space. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennostyu*, 2015, vol. 7, pp. 158–166.
- Shevchenko D.A. Effectiveness of Brand Management of the Educational Institution: Theory and Practice. *Prakticheskiy marketing*, 2015, no. 6, pp. 47–52.
- Serkova E.V. Brand of educational institution as a factor of competitiveness. *Marketing MBA. Marketingovoe upravlenie predpriyatiem*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 130–142.
- Anashkina N.A., Volkov Yu.N. The experience of creation of a brand of an educational institution. *Tvorchestvo molodykh: dizayn, reklama, informatsionnye tekhnologii: sbornik trudov XVI natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov*. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2017, pp. 60–63.
- Kraeva I.A. Positioning the state university of Nizhni Novgorod brand at the market of educational services. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, 2007, no. 1, pp. 35–39.

8. Dyatlov S.A., Gilmanov D.V., Maryanenko V.P. *Teoriya innovatsiy: innovatsii v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [The innovation theory: innovations in the context of digital economy]. Sankt Petersburg, SPbGEU Publ., 2018. 286 p.
9. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as Signals: A Cross-Country Validation Study. *Journal of Marketing*. American Marketing Association, 2006, vol. 70, no. 1, pp. 34–49.
10. Survey data. *TsIOM*. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322.
11. D'alessandro D.F. *Voiny brendov. 10 pravil sozdaniya nepobedimoy torgovoy marki* [Brand Warfare: 10 rules for building the killer brand]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2009. 224 p.
12. Golubkov E.P. Once again about the concept of a brand. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2006, no. 2, pp. 2–10.
13. Aaker D. *Sozdanie silnykh brendov* [Creating of strong brands]. Moscow, ID Grebennikova Publ., 2009. 340 p.
14. Kotler F., Armstrong G., Sonders D. *Osnovy marketinga* [Marketing basics]. Moscow, Vilyams Publ., 2014. 1200 p.
15. Keller K.L. The formation of brand capital on the basis of consumers' preferences. *Marketing i marketingovye issledovaniya v Rossii*, 2010, no. 3, pp. 67–73.
16. Chernatoni L. *Ot videniya brenda k otsenke brenda. Strategicheskii protsess rosta i usileniya brendov* [From Brand Vision to Brand Evaluation: The strategic process of growing and strengthening brands]. Moscow, Gruppya ITD Publ., 2007. 332 p.
17. Badin A.V., Tamberg V.V. *Novaya rynochnaya nisha. Ot idei k sozdaniyu vostrebovannogo produkta* [New market niche. From an idea to the creation of an in-demand product]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 256 p.
18. Nyumeyer M. *Razryv brenda. Kak vozvesti most mezhdu strategiy biznesa i kreativnostyu* [Brand rupture. How to bridge between the business strategy and creativity]. Moscow, Vilyams Publ., 2006. 192 p.
19. Zotova E.A., Trofimov E.F. The role and place of re-branding in the system of management of an educational institution. *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*, 2013, no. 1, pp. 105–110.
20. Eldegwy A., Elsharnouby T.H., Kortan W. How social is your university brand? An empirical investigation of university social augmenters' brand equity. *International Journal of Educational Management*, 2018, vol. 32, no. 5, pp. 912–930.
21. Kapferer Zh.-N. *Brend navsegda: sozдание, razvitie, podderzhka tsennosti Brenda* [The new strategic brand management. Creating and sustaining brand equity long term]. Moscow, Vershina Publ., 2007. 448 p.
22. Pinar M., Trapp P., Girard T., Bout T.E. Utilizing the Brand Ecosystem Framework in Designing Branding Strategies for Higher Education. *International Journal of Educational Management*, 2011, vol. 25, no. 7, pp. 724–739.
23. Prokhorov A.V. University model as a value basis for its positioning. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 31–35.
24. Savzikhanova S.E. Brand-Oriented University – the Way to Success in the Educational services Market. *Kreativnaya ekonomika*, 2013, vol. 7, no. 12, pp. 84–88.
25. National University Ranking. *Interfaks. Obrazovanie*. URL: academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2018&page=1.

SPECIAL ASPECTS OF EDUCATIONAL BRAND CONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF E-NEURAL NETWORK ECONOMY

© 2019

S.E. Demidova, PhD (Economics),
assistant professor of Chair of Economics and Finance, Faculty of Finance and Economics
D.A. Sukhanov, graduate student of Faculty of Economics and Finance
Pskov State University, Pskov (Russia)

Keywords: educational brand; brand-oriented educational institution; brand construction; branding; digitalization.

Abstract: The search for competitive positions and the expansion of the range of opportunities for promotion of educational services by universities in the context of changes in economic coordination caused by the development of digital technologies and network structure justify the potential of the studies of the proposed subject. Universities actively use the marketing technologies when forming the educational brands contributing to the promotion in the national and international ratings giving the advantages in the competition for the staff, finance and other resources, in the attraction of the most talented and promising applicants for admission.

The paper deals with the study of the key categories of educational marketing and decomposition of the concepts. The results of branding activity of the universities allowed identifying and systematizing brand elements. University's mission, its mandatory attribute – logo, is the conceptual basis of its brand. However, universities pay inadequate attention to branding policy, branding strategy, and the formation of corporate culture. Within this study, the authors carried out the terminological analysis of the concepts of a brand, a brand of educational organization, an educational brand, generalized the author's approaches, identified the commonality in the proposed definitions, and defined the main components of an educational brand. The authors determined the elements ensuring the formation of a successful brand of an educational organization and the criteria important for the university brand promotion. The leading Russian higher education institutions were selected as the objects of the analysis. The authors carried out the comparative analysis of the formation and application of an educational brand by the leaders of the national rating of universities. As a result of the study, the authors identified the advanced branding tools and made the conclusions about the directions of formation of branding strategy.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ МАКРО-, МЕЗО- И МИКРОУРОВНЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДИНАМИКУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

© 2019

И.В. Краснопецева, доктор экономических наук, доцент,
профессор Департамента бакалавриата (экономических и управленческих программ)
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: промышленные предприятия; факторы роста производительности труда; динамика производительности труда; классификация факторов роста производительности труда; критерии классификации.

Аннотация: Переход экономики страны на путь инновационного развития создает предпосылки к росту производительности труда на промышленных предприятиях. Высокий уровень производительности труда дает предприятиям возможность создавать продукцию с наименьшими затратами материальных и трудовых ресурсов, повышая тем самым рентабельность производства и размер получаемой прибыли.

Уровень производительности труда на предприятии зависит от множества факторов, влияющих на его динамику как в положительном, так и в отрицательном направлении. В статье обоснована необходимость классификации факторов, влияющих на динамику производительности труда, распределения их по группам и определения роли каждой группы факторов в изменении производительности труда в целях наиболее квалифицированного управления ее уровнем на промышленных предприятиях.

Рассмотрен характер влияния факторов макро- мезо- и микроуровня на изменение производительности труда. Проведен анализ существующих в экономической литературе классификаций и научных подходов к объединению в различные группы факторов, как внешних по отношению к предприятию, так и внутрипроизводственных, влияющих на динамику производительности труда. По результатам анализа сделан вывод, что каждая из рассмотренных классификаций в определенной степени условна и имеет субъективный характер.

На основе проведенного анализа и систематизации существующих в экономической литературе классификаций предложена авторская классификация факторов роста производительности труда, состоящая из шести групп. В качестве критериев, положенных в основу данной классификации, выбраны: уровень действия факторов, их управляемость, возможность контроля, степень прогнозируемости, отсутствие или наличие их связи с трудовой деятельностью работников предприятия.

Подробно рассмотрена каждая из групп факторов предложенной автором классификации в целях определения характера и направления их влияния на динамику производительности труда. Сделан акцент на приоритетной роли внутрипроизводственных факторов в повышении уровня производительности труда. Даны рекомендации по практическому использованию и адаптации предложенной классификации факторов роста производительности труда к условиям работы промышленных предприятий.

ВВЕДЕНИЕ

Все факторы, влияющие на производительность труда, делятся на экстенсивные и интенсивные. Экстенсивные факторы определяются количественным увеличением трудовых ресурсов, средств и предметов труда. К интенсивным факторам относят внедрение в производство высокопроизводительного оборудования, прогрессивных технологий и совершенствование всех элементов производственного процесса, позволяющих обеспечить повышение производительности труда.

На современном этапе развития российской экономики повышение производительности труда может быть обусловлено именно интенсивными факторами, так как в стране наблюдается как снижение количества трудоспособного населения (рис. 1), так и значительный отток рабочей силы из сферы материального производства в сферу обслуживания или в состояние безработицы.

На уровень и динамику производительности труда значительное влияние оказывают условия, в которых протекают производственные процессы, усиливая или ослабляя какой-то определенный фактор. И воздействие самих факторов на уровень производительности труда может иметь различную направленность. Например, рост технико-технологического уровня производства, совершенствование организации труда, грамотное при-

менение трудовой мотивации повышают уровень производительности труда. Недостатки в организации производства, несовершенное стимулирование и низкая мотивация труда способствуют снижению его производительности.

Все факторы, воздействующие на уровень производительности труда, делят по уровню влияния: на факторы внешней среды, в которой осуществляется производственная деятельность, и факторы внутренней среды самого предприятия, которые оказывают непосредственное влияние на процесс производства продукции. Факторы внешней среды, в свою очередь, делят на факторы, действующие на макроуровне, и факторы, действующие на мезоуровне. Макроуровнем является национальная экономика государства. К мезоуровню относятся уровень отдельных регионов и отраслей производства. К факторам внутренней среды относятся те, которые действуют на уровне конкретных промышленных предприятий и их объединений.

Факторы макроуровня определяют основу формирования определенных производственных отношений в обществе. К ним относятся политические, правовые, социальные и экономические условия производства продукции. Эти факторы связаны с политической конъюнктурой государства, изменением налоговых правил, уровнем заработной платы и уровнем инфляции в стране.

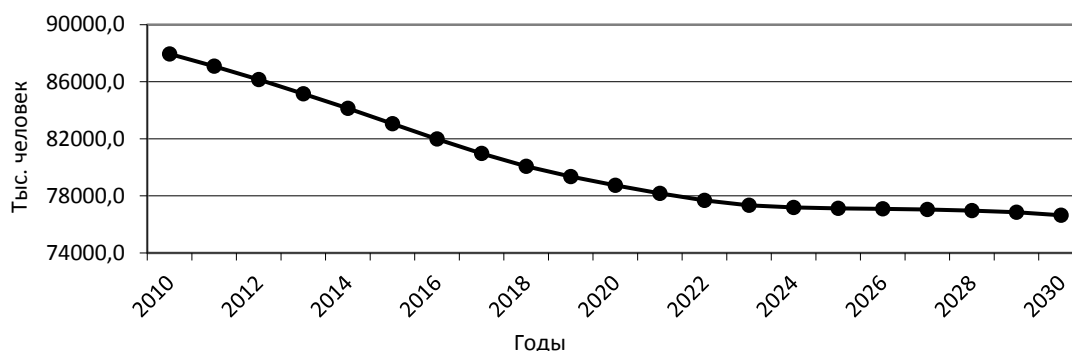

Рис. 1. Динамика среднегодовой численности трудоспособного населения Российской Федерации (прогноз до 2030 г.) [1]

Воздействие этих факторов на динамику производительности труда осуществляется через соответствующие политико-общественные институты и социально-хозяйственные механизмы. А.И. Щербаков называет данную группу факторов институциональными факторами общественной производительности труда [2].

Все факторы, которые могут воздействовать на динамику общественной производительности труда на таких уровнях, как макро- и мезоуровень, определяются теми экономическими условиями, в которых происходит развитие страны или региона, а также состоянием рынка рабочей силы в масштабах страны и отдельных регионов. Факторы макро- и мезоуровня никак не связаны с трудовой деятельностью работников промышленных предприятий, поэтому находятся вне зоны контроля предприятий. Однако, как считает А.И. Щербаков, именно эти факторы определяют рамочные условия изменения производительности труда. Поэтому промышленным предприятиям все-таки следует ориентироваться на них при формировании политики роста производительности труда. Проблемой здесь является то, что в современных экономических условиях учет внешних факторов роста производительности труда является очень сложным процессом в связи с тем, что эти факторы имеют низкую степень прогнозируемости.

Анализ источников литературы, содержащих классификации факторов роста производительности труда, показал, что все факторы объединяются авторами в различное количество групп в зависимости от индивидуального подхода каждого автора к их объединению и имеют различную трактовку.

Такие ученые, как А.П. Голов, А.М. Григораш [3], А.С. Нечаев [4], в своих работах делят все факторы роста производительности труда на две группы: материально-технические и личные факторы. И.П. Виноградов, П.И. Левыкин [5] считают, что все факторы роста производительности труда можно разделить на три группы: производственные, личные, природные факторы. А.А. Френкель [6] также делит факторы на три группы, но называет их по-другому: нерегулируемые, слабо регулируемые и регулируемые.

Многие ученые, в том числе А.А. Глухов, В.М. Прокураков, Р.В. Гаврилов [7], в своих работах делят факторы, влияющие на динамику производительности труда, на четыре группы: народнохозяйствен-

ные, отраслевые, межотраслевые, внутрипроизводственные факторы.

Для стратегического планирования деятельности промышленного предприятия наибольший интерес представляют внутрипроизводственные факторы, так как, в отличие от факторов внешней среды, они обладают прогнозируемостью и управляемостью и тесно связаны с трудовой деятельностью работающих на предприятии, то есть напрямую зависят от человеческого фактора производства.

К внутрипроизводственным факторам роста производительности труда относятся: эффективность применяемой техники и технологий; совершенство используемых систем стимулирования труда, кадровой, финансовой и инвестиционной политики предприятия; уровень технической вооруженности производства и организация труда; применяемые методы обучения кадров и кадрового менеджмента.

Существующие в современной экономической литературе классификации внутрипроизводственных факторов роста производительности труда также имеют значительные отличия. Отличия заключаются как в определении и содержании самих факторов, так и в количестве их групп.

Такие ученые, как Н.Н. Водомеров, А.П. Радченко, Б.Я. Татарских [8], делят внутрипроизводственные факторы роста производительности труда на две группы. Первая группа факторов – научно-технический прогресс, под которым авторы подразумевают повышение материально-технического уровня производства; вторая группа – совершенствование организации производства и труда на предприятии. Б.А. Буханевич, П.П. Езерский, Л.А. Костин [9] также предлагают делить внутрипроизводственные факторы на две группы, но называют их по-другому: материально-технические и организационные факторы. Г.М. Скурин, Н.А. Волкова, О.Г. Семеновина, Н.В. Власова [10] также рассматривают две группы внутрипроизводственных факторов: материально-технические и социально-экономические.

А.И. Рофе и И.И. Кулинцев [11] делят внутрипроизводственные факторы роста производительности труда на три группы: материально-технические, организационно-экономические и социально-психологические факторы. Аналогичного мнения придерживаются Е.В. Слепцова и А.А. Варганов [12], но третью группу факторов они

называют социальными и уделяют им особое внимание. Также выделяют три группы внутрипроизводственных факторов роста производительности труда А.А. Френкель [6] и Ю.Н. Маркова [13], но при этом по-разному их называют. Согласно позиции Ю.Н. Марковой, группы внутрипроизводственных факторов следует называть технико-технологическими, организационно-экономическими и социально-экономическими. Согласно позиции А.А. Френкеля, внутрипроизводственные факторы следует рассматривать по таким принципам, как степень воздействия на производительность труда, характер участия в производственном процессе и характер использования производительной силы труда.

В.А. Вайсбурд, Е.Г. Жулина, К.С. Петкевич, Т.А. Бельчик выделяют четыре группы внутрипроизводственных факторов. В.А. Вайсбурд [14] называет их материально-техническими, организационными, социально-экономическими и структурными. Е.Г. Жулина дает практически аналогичную классификацию, заменяя только «структурные» факторы на «экономико-правовые». К.С. Петкевич [15] подходит к определению внутрипроизводственных факторов несколько по-другому, выделяя «факторы основных рабочих», «факторы вспомогательных рабочих», «факторы ИТР и служащих», «факторы изменения структуры и объемов производства». Т.А. Бельчик называет группы следующим образом: материально-технические, организационные, социально-экономические факторы и факторы экономики прошлого труда [16].

Г.Г. Максимов и Ю.М. Остапенко рассматривают воздействие на уровень производительности труда пяти групп факторов. Согласно позиции Г.Г. Максимова [17], все внутрипроизводственные факторы состоят из следующих пяти групп: научно-технический прогресс; совершенствование управления, организации производства и труда; увеличение объема производства и структурные изменения в производстве; отраслевые факторы; социально-экономические факторы. Согласно позиции Ю.М. Остапенко [18], группы факторов следует называть: 1) материально-технические, 2) организационно-экономические, 3) социально-психологические, 4) материально стимулирующие работников, 5) экономико-правовые и нормативные факторы.

Однако наиболее часто в отечественной экономической литературе, учебниках и учебных пособиях встречается классификация внутрипроизводственных факторов, выделяющая три группы. Например, так трактуют группировку факторов А.Е. Квашнева [19], Е.С. Масалитина и Е.А. Филягина [20]. Сюда относятся: 1) материально-технические факторы, которые определяются уровнем и степенью использования на предприятии средств производства; 2) организационные факторы, связанные с уровнем организации производства, труда и управления на предприятии; 3) социально-экономические факторы, определяемые в первую очередь качеством используемой рабочей силы и ее заинтересованностью в результатах своего труда.

Анализ рассмотренных классификаций факторов внешней и внутренней среды предприятия, оказывающих влияние на изменение уровня производительности труда, позволяет сделать вывод о том, что в экономической литературе существует множество научных подходов к объединению факторов роста производительности

труда в различные группы. Также существенно различаются взгляды ученых на то, какая из групп факторов является приоритетной, оказывающей наибольшее влияние на рост производительности труда. Такие ученые, как Н.Н. Водомеров, Б.Я. Татарских, А.П. Радченко, И.И. Кулинцев, А.И. Рофе, и др., определяющими факторами роста производительности труда считают факторы, связанные с достижениями научно-технического прогресса. Они называют научно-технический прогресс материально-технической основой и главным источником роста производительности труда.

Данную точку зрения можно поддержать, поскольку материальной основой роста производительности труда является научно-техническое развитие и внедрение в производство достижений науки и техники. Однако чрезмерное повышение значимости одних факторов – материально-технических – и недостаточная оценка других, например организационных факторов, факторов мотивации и стимулирования труда, по мнению автора, является несправедливым.

Другая группа ученых: Б.А. Буханевич, П.П. Езерский, Л.А. Костин – в качестве приоритетных факторов роста производительности труда выделяют организационные и отмечают, что недостаточно полное использование организационных факторов приводит к снижению эффективности использования материально-технических факторов, что может являться причиной снижения уровня производительности труда.

В зарубежной экономической литературе также представлены отличающиеся друг от друга классификации факторов роста производительности труда. Например, К. Макконнелл, С. Брю и Ш.М. Флинн [21] основными факторами роста производительности труда считают: потоки инвестиций, фондовооруженность труда, уровень технического прогресса в стране, организацию производства на предприятиях и качество труда.

Согласно мнению С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи [22], общественная производительность труда во многом определяется состоянием капитала, структурой экономики и существующими на данный момент ценами на энергоносители. Отдельные американские экономисты считают, что рост производительности труда на предприятиях США связан в первую очередь с ростом капиталовооруженности рабочих мест, изменением используемых на предприятиях форм организации производства и труда и повышением качества рабочей силы.

В отечественных диссертационных исследованиях и монографиях, посвященных исследованиям производительности труда, представлено разделение внутрипроизводственных факторов роста производительности труда на две укрупненные группы, которые различными авторами называются по-разному. Одни авторы называют эти группы «вещественный фактор производства» и «личный фактор производства», другие – «объективные факторы производства» и «субъективные факторы производства».

Но, если сопоставить эти две классификации, то можно сделать вывод, что объективные факторы по существу представляют собой вещественный фактор производства, который реализуется в более эффективном использовании средств производства, а субъективные факторы – это личный фактор производства, представляющий

собой совершенствование использования живого труда (рабочей силы).

Проведенный анализ классификаций факторов роста производительности труда показал, что любая их классификация всегда будет в определенной степени условна и иметь субъективный характер.

Систематизация рассмотренных классификаций и выявление их особенностей позволили автору понять, что существует необходимость создания более емкой и подробной классификации факторов роста производительности труда, которая могла бы обеспечить учет одновременного влияния на ее уровень как внешних по отношению к предприятию, так и внутривыпускных факторов.

Цель работы – создание авторской классификации факторов роста производительности труда, которая может быть предложена для использования в работе современных промышленных предприятий, в частности предприятий машиностроения.

КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

По результатам проведенного анализа была разработана авторская классификация факторов роста производительности труда [23]. Отличие данной классификации от существующих в экономической литературе состоит в том, что она является более развернутой и учитывает одновременное влияние на уровень производительности труда внешних и внутренних факторов. Классификация содержит шесть групп факторов, каждая из которых обладает определенной спецификой воздействия на производительность труда:

- 1-я группа – «Институционально-экономические факторы»;
- 2-я группа – «Социально-политические факторы»;
- 3-я группа – «Технико-технологические факторы»;
- 4-я группа – «Факторы организации труда»;
- 5-я группа – «Факторы управления производством»;
- 6-я группа – «Факторы качества рабочей силы».

В основу данной классификации положены следующие критерии [23]: уровень действия факторов (макро-, мезо- и микроуровень); управляемость (не управляемые предприятием и управляемые предприятием факторы); возможность контроля (находящиеся вне зоны и в зоне контроля предприятия); степень прогнозируемости (низкая и высокая степень прогнозируемости); отсутствие или наличие связи с трудовой деятельностью работников предприятия. Для определения характера воздействия на динамику производительности труда каждой из перечисленных групп факторов следует рассмотреть их более подробно.

Первая группа – «Институционально-экономические факторы». Обеспечивают положительную динамику производительности труда благодаря наличию в стране законодательной базы, кредитно-денежной и налоговой политики, которые направлены на развитие конкуренции и обеспечение макроэкономической стабильности общества. Они, с одной стороны, благоприятствуют развитию предпринимательства и защищают права собственности, с другой стороны – требуют от предпринимателей выполнения взятых на себя обязательств. Научно-техническое и инновационное развитие экономики страны является мощным источником роста производи-

тельности труда в промышленности, обеспечивающим реализацию концепции импортозамещения. Росту производительности труда в национальном масштабе способствует также наличие на рынках труда востребованной предприятиями рабочей силы и обеспечение высокого потребительского спроса на производимую ими продукцию.

Вторая группа – «Социально-политические факторы». Оказывают огромное влияние на рост производительности труда через принятие таких политических решений, как: изменение системы распределения основных экономических ресурсов страны, изменение требований законодательства к функционированию предпринимательских структур. Повышению производительности труда способствует формирование таких направлений социального развития, как: улучшение демографической структуры общества, что может быть достигнуто повышением рождаемости и снижением смертности населения в трудоспособном возрасте; рост среднего уровня доходов населения страны; понижение уровня социального расслоения общества; улучшение системы социальной поддержки населения.

По отношению к промышленным предприятиям институционально-экономические и социально-политические факторы являются внешними факторами, действующими на макро- и мезоуровне. Поэтому данная группа факторов обладает для конкретного предприятия низкой степенью прогнозируемости и находится вне зоны его контроля.

Третья группа – «Технико-технологические факторы». Предполагает такие технико-технологические инновации, как: снижение конструктивной и технологической сложности изделий, выпускаемых промышленными предприятиями; внедрение в производство прогрессивных технологий; применение на промышленных предприятиях эффективного высокопроизводительного оборудования; внедрение интеллектуализированных систем управления.

Данная группа факторов относится к внутривыпускным факторам, возможность управления которыми внутри предприятия не вызывает сомнения. Технико-технологические факторы тесно связаны с повышением технико-технологической оснащенности рабочих мест, что проявляется в автоматизации трудовых операций, информатизации трудовых процессов, повышении производительности установленного оборудования, повышении качества технологической оснастки и, как результат, в росте производительности труда.

Четвертая группа – «Факторы организации труда». Повышение производительности труда на предприятии во многом определяется данной группой факторов, которые связаны с совмещением профессий и многостаночным обслуживанием, совершенствованием бригадной формы организации труда, улучшением организации и обслуживания рабочих мест, использованием более эффективных методов и приемов выполнения трудовых операций.

Факторы организации труда оказывают значительное влияние на степень использования как технико-технологических факторов, так и факторов качества рабочей силы, определяя тем самым динамику производительности труда на каждом рабочем месте. Улучшение условий труда и морально-психологического климата

в коллективе, применение технически обоснованных норм труда, грамотный профессиональный отбор и обучение кадров, улучшение систем стимулирования и трудовой мотивации позволяют совершенствовать управление трудовыми ресурсами предприятия, одно-значно обеспечивая рост производительности труда.

Пятая группа – «Факторы управления производством». Управление производством на предприятии должно быть направлено на рост производительности труда. Такое управление должно опираться на: совершенствование инвестиционной, финансовой и кадровой политики предприятия; надежный уровень материально-технического снабжения; повышение уровня технического обслуживания производства; модернизацию действующих на предприятии производственных процессов; применение в управлении производством новейших информационных технологий; улучшение производственной структуры предприятия и каждого из его подразделений; оптимизацию загруженности оборудования на производственных участках. Управляемость перечисленными факторами имеет достаточно высокий уровень и находится в прямой зависимости от уровня квалификации, знаний и производственного опыта работников системы управления предприятием.

Шестая группа – «Факторы качества рабочей силы». Качество рабочей силы оказывает огромное влияние на формирование уровня производительности труда, что признается в настоящее время многими отечественными учеными. Поэтому факторы качества рабочей силы следует особо учитывать при формировании предприятием политики роста производительности труда. Предприятие может повышать качество рабочей силы как каждого отдельного работника (за счет роста его квалификации, информационной грамотности, инновационной активности), так и всего трудового коллектива (повышение уровня профессиональной подготовки, трудовой активности, творческой инициативы, коллективной ответственности за результаты труда).

Факторы организации труда, управления производством и факторы качества рабочей силы обладают наиболее высокой степенью прогнозируемости и возможности управления внутри предприятия, поскольку эти факторы находятся в зоне контроля предприятия и непосредственно связаны с трудовой деятельностью его работников. Поэтому в предложенной автором классификации сделан акцент на внутрипроизводственных факторах (факторах, действующих на микроуровне) как на доминирующих в обеспечении роста производительности труда на предприятии.

Как отмечает С.Г. Землянухина, «...с точки зрения естественного эволюционного развития экономической системы определяющим является микроуровень, который в зависимости от степени развитости экономической системы может быть представлен как домохозяйствами, так и предприятиями. Производственная деятельность осуществляется на микроуровне, и именно здесь происходит развитие и совершенствование как средств производства, так и рабочей силы» [24, с. 90].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа и систематизации научных подходов к классификации факторов роста производительности труда, существующих в современной эконо-

мической литературе, разработан авторский вариант классификации.

Данный вариант классификации факторов роста производительности труда может быть успешно использован в работе современных промышленных предприятий, в частности, предприятий машиностроения.

При этом разработанная классификация является достаточно гибкой, она может быть скорректирована для условий работы каждого конкретного предприятия. Предприятие может выбрать для себя направление развития тех факторов, которые позволят ему обеспечить наилучшие показатели роста производительности труда.

Практическое использование предприятием предложенной классификации факторов роста производительности труда и адаптация классификации к условиям его работы предполагают соблюдение следующих требований:

– адаптация классификации в целях ее практического применения обязательно должна учитывать специфику производственной деятельности предприятия;

– если рассматриваемые факторы роста производительности труда являются взаимосвязанными, то их необходимо разграничивать таким образом, чтобы можно было отдельно определить влияние каждого из них на рост производительности труда и устранить вероятность повторного счета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г.: статистический бюллетень. М.: Росстат, 2010. 240 с.
2. Щербаков А.И. Производительность труда: виды, уровни, измерение // Человек и труд. 2004. № 9. С. 83–86.
3. Григораш А.М. Производительность труда и пути ее повышения. Киев: Выща школа, 1972. 62 с.
4. Нечаев А.С. Факторы роста производительности труда на предприятиях России // Труд и социальные отношения. 2009. № 9. С. 52–58.
5. Левыкин П.И. Производительность труда и факторы ее роста. Ростов н/Д.: ВЦ Облстатупр., 1979. 27 с.
6. Френкель А.А. Прогнозирование производительности труда: методы и модели. М.: Экономика, 1989. 214 с.
7. Гаврилов Р.В. Производительность труда: показатели планирования и методы измерения. М.: Экономика, 1985. 118 с.
8. Татарских Б.Я., Радченко А.П. Научно-технологический прогресс – основной фактор развития машиностроения России // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов. Самара: Самарский государственный экономический университет. 2010. № 1-2. С. 141–150.
9. Костин Л.А. Производительность труда и технический прогресс. М.: Экономика, 1974. 255 с.
10. Власова Н.В. Проблема подъема производительности труда в переходной экономике : дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 1999. 185 с.
11. Кулинцев И.И. Экономика и социология труда. М.: Центр экономики и маркетинга, 2001. 312 с.
12. Слепцова Е.В., Вартанов А.А. Ключевые факторы и резервы роста производительности труда

- в современных условиях российской экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 12. С. 76–78.
13. Маркова Ю.Н. Совершенствование инструментов управления производительностью труда на машиностроительном предприятии : дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2011. 185 с.
 14. Вайсбурд В.А. Экономика труда. М.: Омега-Л, 2012. 376 с.
 15. Петкевич К.С. Выявление и использование резервов роста производительности труда на предприятии. М.: Экономика, 1974. 208 с.
 16. Бельчик Т.А. Повышение производительности труда как основной фактор экономического роста // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 29–33.
 17. Максимов Г.Т. Методика факторного анализа и планирования производительности труда в промышленности. Минск: Беларусь, 1978. 144 с.
 18. Остапенко Ю.М. Экономика труда. М.: ИНФРА-М, 2007. 272 с.
 19. Квашнева А.Е. Производительность труда в условиях поиска экономического роста: императивы и приоритеты бизнеса // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 8. С. 55–63.
 20. Масалитина Е.С., Филягина Е.А. Производительность труда как важный фактор экономического развития страны // Научный форум: экономика и менеджмент: сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. М.: МЦНО, 2017. С. 71–75.
 21. Макконнелл К.Р., Брю С.Л., Флинн Ш.М. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2018. 1028 с.
 22. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. 2-е изд. М.: Дело, 2001. 829 с.
 23. Краснопецева И.В. Управление производительностью труда на предприятиях машиностроения : дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2015. 388 с.
 24. Землянухина С.Г. Методология экономического исследования. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2008. 288 с.
 6. Frenkel A.A. *Prognozirovanie proizvoditelnosti truda: metody i modeli* [Forecasting of productivity]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 214 p.
 7. Gavrilov R.V. *Proizvoditelnost truda: pokazateli planirovaniya i metody izmereniya* [Labour productivity: planning factors and measuring techniques]. Moscow, Ekonomika Publ., 1985. 118 p.
 8. Tatarskikh B.Ya., Radchenko A.P. Science and technology progress – the main factor of development of mechanical engineering of Russia. *Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov*. Samara, Samarskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet Publ., 2010, no. 1-2, pp. 141–150.
 9. Kostin L.A. *Proizvoditelnost truda i tekhnicheskii progress* [Labour productivity and technology progress]. Moscow, Ekonomika Publ., 1974. 255 p.
 10. Vlasova N.V. *Problema podema proizvoditelnosti truda v perekhodnoy ekonomike*. Dis. kand. ekon. nauk [The raise of labour productivity in transition economy]. Krasnodar, 1999. 185 p.
 11. Kulintsev I.I. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Labour economics and sociology]. Moscow, Tsentr ekonomiki i marketinga Publ., 2001. 312 p.
 12. Sleptsova E.V., Vartanov A.A. Key factors and reserves of growth of labor productivity in modern conditions of the Russian economy. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2018, no. 12, pp. 76–78.
 13. Markova Yu.N. *Sovershenstvovanie instrumentov upravleniya proizvoditelnostyu truda na mashinostroitel'nom predpriyatii*. Dis. kand. ekon. nauk [The development of tools of control of labour productivity at a mechanical engineering enterprise]. Ekaterinburg, 2011. 185 p.
 14. Vaysburd V.A. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Moscow, Omega-L Publ., 2012. 376 p.
 15. Petkevich K.S. *Vyyavlenie i ispolzovanie rezervov rosta proizvoditelnosti truda na predpriyatii* [The determination and the use of the reserves of labour productivity growth at an enterprise]. Moscow, Ekonomika Publ., 1974. 208 p.
 16. Belchik T.A. Labor productivity improvement as the major factor of economic growth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2017, no. 2, pp. 29–33.
 17. Maksimov G.T. *Metodika faktornogo analiza i planirovaniya proizvoditelnosti truda v promyshlennosti* [The technique of factorial analysis and labour productivity planning in industry]. Minsk, Belarus Publ., 1978. 144 p.
 18. Ostapenko Yu.M. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 272 p.
 19. Kвашнева А.Е. Efficiency of labor in the conditions of searching for the economic growth: imperatives and priorities of business. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2017, no. 8, pp. 55–63.
 20. Masalitina E.S., Filyagina E.A. Labor capacity as an important factor of country's economic development. *Nauchnyy forum: ekonomika i menedzhment: sbornik statey po materialam IV mezhdunarodnoy nauchno-*

REFERENCES

1. *Predpolozhitelnaya chislennost naseleniya Rossiyskoy Federatsii do 2030 g.: statisticheskiy byulleten* [Presumable population of the Russian Federation up to 2030. Statistical bulletin]. Moscow, Rosstat Publ., 2010. 240 p.
2. Shcherbakov A.I. Labour productivity: types, levels, measuring. *Chelovek i trud*, 2004, no. 9, pp. 83–86.
3. Grigorash A.M. *Proizvoditelnost truda i puti ee povysheniya* [Labour productivity and the ways of its improvement]. Kiev, Vyshcha shkola Publ., 1972. 62 p.
4. Nechaev A.S. The factors of growth of labour productivity at the enterprises of Russia. *Trud i sotsialnye otноsheniya*, 2009, no. 9, pp. 52–58.
5. Levykin P.I. *Proizvoditelnost truda i faktory ee rosta* [Labour productivity and the factors of its growth]. Rostov-on-Don, VTs Oblstatupr. Publ., 1979. 27 p.

- prakticheskoy konferentsii*. Moscow, MTsNO Publ., 2017, pp. 71–75.
21. Makkonell K.R., Bryu S.L., Flinn Sh.M. *Ekonomiks. Printsipy, problemy i politika* [Economics: principles, problems and policies]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 1028 p.
22. Fisher S., Dornbush R., Shmalenzi R. *Ekonomika* [Economy]. 2nd ed. Moscow, Delo Publ., 2001. 829 p.
23. Krasnopevtseva I.V. *Upravlenie proizvoditel'nostyu truda na predpriyatiyakh mashinostroeniya*. Dis. dokt. ekon. nauk [Performance management at the machine building enterprises]. Saratov, 2015. 388 p.
24. Zemlyanukhina S.G. *Metodologiya ekonomicheskogo issledovaniya* [Economic research methodology]. Saratov, Sarat. gos. tekhn. un-t Publ., 2008. 288 p.

THE ANALYSIS OF MACRO-, MESO - AND MICRO-LEVEL FACTORS DETERMINING THE DYNAMICS OF LABOUR PRODUCTIVITY AT THE PRODUCTION ENTERPRISES

© 2019

I.V. Krasnopevtseva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of the Department of Undergraduate Studies (Economic and Management Programs) *Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: industrial enterprises; factors of growth of labor productivity; labor productivity dynamics; classification of factors of growth of labor productivity; classification criteria.

Abstract: The transition of the country's economy to the path of innovative development creates the prerequisites for the growth of labor productivity at the industrial enterprises. The high level of labor productivity gives enterprises the opportunity to create products with the least costs for material and labor resources, thereby increasing the production profitability and the size of the profits earned.

The level of labor productivity of an enterprise depends on a variety of factors influencing its dynamics both positively and negatively. The paper substantiates the necessity to classify the factors affecting the dynamics of labor productivity, their distribution into groups and determining the role of each group of factors in changing labor productivity for the purposes of the most qualified management of its level at the industrial enterprises.

The author considered the nature of influence of factors of macro-, meso- and micro-level on the changes in labor productivity, carried out the analysis of the existing in the economic literature classifications and scientific approaches to the grouping of factors, both external in respect to an enterprise and intra-productive, affecting the dynamics of labor productivity. According to the results of the analysis, it is concluded that each of the classifications considered is to some extent conditional and has a subjective nature.

Based on the analysis and systematization of classifications existing in the economic literature, the author proposes a classification of factors of labor productivity growth consisting of six groups of factors. The following criteria underlying this classification are selected: the level of action of factors, their manageability, the ability to be controlled, the degree of predictability, the absence or presence of their connection with the work activity of the company's employees.

The author considered in details each of the groups of factors of the classification to determine the nature and direction of their influence on the labor productivity dynamics and emphasized the priority role of intra-productive factors in the improvement of labor productivity. The paper contains the recommendations on practical use and adaptation of the proposed classification of productivity growth factors to the working conditions of industrial enterprises.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2019

Н.В. Левкин, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента
С.С. Верешко, студент 2 курса магистратуры Института экономики и права
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск (Россия)

Ключевые слова: конкуренция; монополия; антимонопольная политика; экономические институты; государственное регулирование.

Аннотация: Актуальность работы связана с ролью конкурентных отношений в развитии российской экономики. Поиск подходов к антимонопольной политике, способствующей здоровой конкуренции, должен быть основан на анализе уже имеющегося опыта в историческом прошлом страны. Становление института антимонопольного регулирования в дореволюционной России представляет интерес как с точки зрения изучения этапов его становления, так и в сравнении с передовым зарубежным опытом регулирования монополий.

Общим результатом работы является определение факторов экономического развития России, повлиявших на становление монополий. Рассмотрены исторические события, способствовавшие переходу от неформального (до-правового) регулирования монополий к регулированию посредством системы нормативно-правовых актов. Проанализированы этапы развития экономики с XI в. до событий 1917 г. Обозначено пять ключевых этапов: раннего феодализма IX–XI вв., феодальной раздробленности XII–XV вв., централизации российского государства XVI–XVII вв., реформирования экономики в XVIII в., индустриализации в XIX – начале XX в.

Центральным результатом работы стало описание переходного процесса в становлении института антимонопольного регулирования, начавшегося в середине XIX в., когда законодательство Российской империи стало выделять два вида проявления монополизма – коллективный и индивидуальный, а также началось формирование системы противодействия картельным соглашениям, злоупотреблению доминирующим положением и концентрации капитала.

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей проблем развития антимонопольного регулирования в России начинают свой анализ с изучения экономики страны конца XIX – начала XX в. сквозь призму промышленного подъема 1890-х гг. и становления монополистического капитализма [1; 2]. При этом основной акцент делается на роли в этом процессе обостряющихся противоречий между передовым промышленным производством и сохраняющимися многочисленными остатками феодализма, который поддерживался государством в лице самодержавия [3]. Существуют также выборочные исследования, посвященные отдельным этапам развития экономики и борьбе с отдельными проявлениями монополизма в различные периоды становления российского государства [4; 5]. Ряд исследователей проводит комплексный анализ антимонопольного регулирования и предпосылок его становления на протяжении всей многовековой истории России и Древней Руси [6]. Однако при этом делается акцент либо на экономических (уровень конкурентности, открытость и развитость рынков, политика ценообразования и т. п.) [7], либо на правовых аспектах этого процесса [8–10]. Объединить эти два взгляда позволяет рассмотрение антимонопольного регулирования в качестве института.

В современной экономике институтам отводят ведущую роль в определении уровня экономического развития страны. Институт антимонопольного регулирования не является в данном случае исключением [11]. Кроме того, как отмечает Д. Норт, институты развиваются постепенно, соединяя прошлое с настоящим и будущим [12]. Таким образом, история борьбы с монополиями в значительной степени представляет собой историю институциональной эволюции. При этом под

институтом антимонопольного регулирования в рамках данной статьи будет подразумеваться совокупность формальных и неформальных правил поведения экономических субъектов, связанных с монополизацией отдельных сфер хозяйственной жизни общества.

Рассматривая историческую ретроспективу, авторы выделяют период неформального регулирования монополии или регулирования посредством отдельных норм и период становления системы антимонопольного регулирования.

Цель работы – фиксация факта становления и оценка уровня развития института антимонопольного регулирования в дореволюционной России.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И МОНОПОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Со времен Древней Руси торговля имела особое значение для хозяйственной жизни страны [13]. Удобное территориальное расположение изначально предопределило становление торгового пути из «варяг в греки». При этом воинственные соседи-государства, а также многочисленные вооруженные «кочующие бандиты» (к примеру, ушкуйники) стали фактором, стирающим грань между купеческим и воинским занятиями. По сути дела, купец и воин выступали в одном лице. Однако дальнейшее развитие общественных отношений приводит к тому, что уже с середины XI в. купцы утрачивают воинские черты: все большую роль начинает играть мирный характер и способ получения дохода, меньше используются насильственные действия. Происходит четкая институционализация торгово-купеческого сословия, отделенного от ратной деятельности [14].

В условиях отсутствия производства многих необходимых товаров непосредственно на территории страны, роль купеческого сословия в социально-экономических процессах стала стремительно возрастать, чем и стали пользоваться купцы. Цены на товары нередко определялись степенью алчности перекупщиков и их способностью диктовать свою волю остальному населению, а не экономическими механизмами конкурентного ценообразования. Так, например, в годы междоусобиц конца XI в., в период торговой блокады Киева, оставшегося без подвоза соли, местные торговцы, имевшие запасы этого продукта, установили цены, в пять раз превышавшие его реальную стоимость [4]. Поддержку торговцам соли оказывал киевский князь Святополк Изяславович, получавший за счет спекуляции дополнительные доходы [6]. Можно говорить о том, что в рассматриваемый период купцы и купеческие организации, действуя совместно, обладали возможностью оказывать влияние на правящее сословие. В свою очередь, представители правящего сословия могли вступать в сговор с купцами, преследуя свои интересы [15].

Спекуляции хлебом в первой половине XIII в., когда хлеботорговцы в условиях неурожая завысили цены, приводили к голоду. «Однако в письменных источниках того периода нет упоминаний о том, что купцы проявляли милосердие и снижали цены, учитывая бедственное положение горожан» [4, с. 61].

В период с XI по XIV в. происходит становление и правовое оформление исходных предпосылок торгового права, основой которого был правовой обычай. Нормативное регулирование в тот период еще не было востребовано, что изменилось в процессе оформления российской государственности в границах Московской Руси [5].

Период с XII по XV в. характеризуется феодальной раздробленностью как новой формой государственной организации, которая сменяет раннефеодальную киевскую монархию. Зависимость от Золотой орды в тот исторический период тормозит экономическое развитие. Сокращается роль товарно-денежных отношений, которые получают новое развитие, когда в XIV в. в Москве начнется чеканка монет.

Процесс становления единого государства можно отнести к периоду XV – XVII вв. В результате XVII в. в России был ознаменован возникновением единого рынка и распространением политики протекционизма по отношению к отечественному торговому капиталу [8].

Исторический период до второй половины XVII в. характеризуется непостоянством и случайностью антимонопольного регулирования, которое, как правило, касалось лишь торговых кланов, так или иначе попавших в немилость к правителю (князю или царю). Право «не содержит в этот период специальных антимонопольных норм» [6, с. 54].

В 1649 г. Земским собором принимается свод законов Русского царства – «Соборное уложение». Уложение представляло собой кодифицированный документ определенных отраслей законодательства, нововведением которого была закрепляемая монополия купечества на ведение торговой деятельности [9]. В первоначальном виде Соборное уложение не содержало норм предпринимательского права, однако впоследствии было дополнено нормами в области торговли. Отмечается, что ряд статей Уложения утверждал принципы ограни-

чения конкуренции, в частности через ограничения для приезжих купцов. В 1667 г. принимается Новоторговый устав, протекционистские меры которого в области торговли имели своей конечной целью пополнение государственной казны [8].

Уже со второй половины XVII в., периода, который называют временем зарождения капитализма [8], появляются нормативные инструменты, противодействующие искусственному завышению цен, направленные против частных монополий перекупщиков. К казульным решениям властей по отдельным жалобам добавляются правовые нормы, рассчитанные на неограниченный круг случаев и лиц [6].

С момента выхода указа от 15 октября 1660 г., препятствующего скупке хлеба купцами, начинается систематическая регламентация антимонопольных мер по обеспечению народным продовольствием [6].

С приходом XVIII в. и началом реформ Петра I происходят существенные изменения в экономической сфере государства. В своей политике Петр I стремился «...развить традиции поддержки отечественного предпринимательства, что способствовало дальнейшему укреплению предпринимательской деятельности» [9, с. 75].

В 1725 г. Петр I издает Сенатский указ «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспреещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов», действие антимонопольных норм которого было распространено на территории всей Российской империи.

Примеры некоторых нормативно-правовых актов антимонопольной направленности, которые издавались в России со времен Петра I, представлены в таблице 1 [6; 16]. Их анализ показывает, что принятие подобных норм, начиная с XVIII в., носило систематический характер.

В 1832 г. впервые был напечатан Свод законов Российской империи, переизданный в 1857 г. В Своде законов содержались нормы, характеризующие регулирование оптовой скупки продовольственных товаров. С ними можно ознакомиться в 13 томе Свода законов, в Уставе о народном продовольствии, разделе III «Об обеспечении народного продовольствия в городах», главе IV «О свободном привозе жизненных припасов в города и о порядке продажи оных», отделении II «О учреждении торжков и устройстве рынков».

Согласно этим нормам, городское начальство поощряло сельских обывателей привозить съестные припасы на городские площади тем, что люди не платили при этом никаких особых оброков. До определенного часа разрешалось покупать продукцию только в розницу, после этого разрешалось покупать оставшееся оптом [17]. Для торговцев и промышленников устанавливался запрет на стачки, сделки и другие соглашения с целью повышения цены на предметы продовольствия или чрезмерного ее понижения.

В отделении III «Об установлении такс на предметы продовольствия» в п. 755 устанавливались определенные цены (таксы) на хлеб и мясо для предотвращения произвольного повышения цен [17].

Полиция Российской империи обладала рядом полномочий в сфере обеспечения «народным продовольствием». В этом плане реализовывались меры по надзору за качеством продуктов, умеренностью цен и верностью

Таблица 1. Примеры нормативно-правовых актов антимонопольной направленности во времена Российской Империи

Год	Правитель	Наименование	Подробнее
1725	Петр I	Сенатский указ от 14 января «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов»	ПСЗРИ. Том 7. № 4634. Стр. 402–404. СПб. 1830.
1729	Петр II	Сенатский указ от 5 апреля «О невозвышении в Москве цен на лес и дрова»	ПСЗРИ. Том 8. № 5598. Стр. 143. СПб. 1830.
1733	Анна Иоанновна	Сенатский указ от 31 мая «О поправлении торговли мясников и хлебников без обременения покупателей»	ПСЗРИ. Том 9. № 6426. Стр. 149–155. СПб. 1830.
1742	Елизавета Петровна	Сенатский указ от 11 октября «О подтверждении указа 1725 г. Генваря 14 запрещающего промышленникам перекупать привозимый в С. Петербург хлеб, из ближних уездов рогатый скот и прочие съестные припасы, также сено, дрова и всякие лесные материалы»	ПСЗРИ. Том 11. № 8627. Стр. 670–671. СПб. 1830.
1744	Елизавета Петровна	Сенатский указ от 4 февраля «О наказании за разглашение о недостатке в казне соли, о поимке таковых разгласителей и перекупщиков соли»	ПСЗРИ. Том 12. № 8870. Стр. 22–24. СПб. 1830.
1754	Елизавета Петровна	Сенатский указ от 7 сентября «О распространении указа 1753 г. Мая 17 на купцов Санкт-Петербургских, перекупающих лес и перепродающих не по определенной цене»	ПСЗРИ. Том 14. № 10291. Стр. 216–217. СПб. 1830.
1784	Екатерина II	Именной указ Сенату от 23 июня, данный Генерал-Майору Тарбееву «О наблюдении Земской Полиции, дабы не был допущен перекуп съестных припасов»	ПСЗРИ. Том 22. № 16023. Стр. 181. СПб. 1830.
1784	Екатерина II	Именной указ Сенату от 18 октября «Об учреждении запасных хлебных магазинов в Выборгской Губернии»	ПСЗРИ. Том 22. № 16080. Стр. 232–233. СПб. 1830.
1797	Павел I	Именной указ Генерал-Прокурору от 28 июля «О распространении мер, принятых в Санкт-Петербурге, против возвышения от перекупщиков цен хлеба, на город Астрахань»	ПСЗРИ. Том 24. № 18064. Стр. 662–663. СПб. 1830.
1797	Павел I	Именной указ Сенату от 25 сентября «О принятии мер к снабжению Столицы жизненными припасами, и о непродаже перекупщикам оных припасов выше цен, такою постановленных»	ПСЗРИ. Том 24. № 18157. Стр. 742–743. СПб. 1830.
1806	Александр I	Именной указ главнокомандующему в С.-Петербурге от 7 августа «О предосторожностях к отвращению перекупа скота, в С.Петербурге для продовольствия обывателей пригоняемого, и о непринимании в подрядах казенных основанием справочных цен на съестные и другие припасы»	ПСЗРИ. Том 29. № 22230. Стр. 673–674. СПб. 1830.

мер и весов [10]. О мерах полиции дороговизны по отношению к искусственному и естественному повышению цен пишет В.Г. Тарасов, отмечая, что ключевое место среди этих мер отводилось устранению посредничества между производителями и потребителями [18].

При этом Законодательство Российской империи помимо публично-правовых мер содержало также ряд гражданско-правовых механизмов, установленных в Своде законов гражданских. К примеру, «договоры, цель которых признавалась противной законам, благочинию и добрым нравам, признавались недействительными» [6, с. 52].

В 1845 г. Император Николай I утверждает «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», по которому рассматривалось большинство преступлений до 1917 г. Можно говорить, что начиная со второй половины XIX в. уголовное законодательство различало как коллективный монополизм в виде стачки или сговора торговцев, так и индивидуальный монополизм отдель-

ного лица, влияющего на рынок. «Позднее, в XX в., в широкой практике эти направления будут постепенно развиваться в систему механизмов противодействия картельным соглашениям, с одной стороны, и злоупотреблению доминирующим положением хозяйствующих субъектов или индивидуальному монополизму – с другой» [6, с. 49].

Таким образом, во второй половине XIX в. процесс становления института антимонопольного регулирования предопределил формирование нормативно-правового инструментария, во многом схожего по своей направленности с зарубежными практиками.

РАЗВИТИЕ МОНОПОЛИЙ И ИНСТИТУТА АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Анализ общемировых трендов позволяет говорить о периоде 1889–1936 гг. как о фазе начального развития института антимонопольного регулирования, когда по-

является пока еще малоэффективное антимонопольное законодательство [19].

На фоне экономических тенденций конца XIX в. процесс монополизации получил свое развитие. Появление новых монополий было обусловлено все более высокой концентрацией производства и централизацией капитала [3]. Концентрация производства стала активно проявляться уже в 1870-х гг., и ей особенно благоприятствовала в дальнейшем выгодная экономическая конъюнктура эпохи подъема 1890-х гг. Завершение промышленного переворота в России к 80-м гг. XIX в. также способствовало развитию монополий, среди которых наиболее была распространена форма синдиката [20].

В начале 1880-х гг. возникают монополии в отраслях металлургии и транспортного машиностроения, которые пользовались широкой поддержкой государства [1]. В это же время правительство принимает меры, направленные на поддержку железнодорожного строительства, которые включали поддержку создания картелей и синдикатов.

С необходимостью форсированного железнодорожного строительства связана смена политики в 1890-х гг. Усиление конкуренции и борьба с монополиями в это время были направлены на противодействие завышению цен в отраслях, поставляющих свою продукцию государственным учреждениям. «Иной была ситуация в тех отраслях, продукты которых не затрагивали интересы государства как потребителя. Здесь Министерство финансов Российской империи смотрело на монополии нейтрально или даже оказывало поддержку, если объединения отвечали его интересам» [1, с. 707].

В 1892 г. министр финансов С.Ю. Витте, отправляя в научную командировку в Чикаго профессора И.И. Янжула, полагал следующее: «К первой категории важности принадлежит вопрос о синдикатах, которые уже давно созрели в Америке, а в последнее время появились в России. Весьма желательно для Министерства Финансов подробнее познакомиться как с американским законодательством по этому поводу, так и его результатами» [7, с. 9].

Кризис 1900–1903 гг. ускорил процесс монополизации национальной экономики, способствовал развитию синдикатов в тяжелой и строительной промышленности, картельных союзов в текстильной, пищевой и других отраслях промышленности [3]. В это время правительственная позиция в отношении монополий вернулась к точке зрения 1880-х гг. «...В синдицировании оно видело не только средство сокращения производства в условиях кризиса, но и путь к самостоятельному, без помощи государства, «приспособлению» промышленности <...> к условиям рынка» [1, с. 707].

Отечественный исследователь проблем монополизации И.М. Гольдштейн пишет о влиянии кризиса 1900–1901 гг. на образование синдикатов «высшего порядка»: в 1902 г. основаны синдикаты «Специального чугуна», «Железных сварных труб», «Листового железа», «Бандажей и осей»; в 1903 г. – «Тянучей проволоки», «Катаной проволоки», «Балок и швеллеров»; в 1905 г. – «Чугунных водопроводных труб и фасонных к ним частей»; в 1906–1907 гг. – «Продугля», «Кровли»; в 1909 г. – «Железнодорожных рельс», «Проволоки» [21, с. 35–36]. По подсчетам Вольного экономического общества к 1909 г. в России насчитывалось 140 моно-

полистических объединений в 45 отраслях промышленности [20].

В 1909–1913 гг. на фоне промышленного подъема, связанного с аграрной реформой и ростом военных расходов, усилился процесс монополизации [2]. В предвоенный период наблюдался как рост количества синдикатов и картельных соглашений, так и процесс возникновения и развития концернов и трестов [3]. Вместе с тем в 1913 г. продолжало действовать «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. Использование антимонопольного законодательства в виде статей 913 и 1180, а также статей 1528 и 1529 Законов гражданских позволяли «давить на промышленников, поскольку для последних опасность состояла не столько в наличии запретительных законов, сколько в возможности в любое время трактовать их не в свою пользу» [1, с. 708]. Такой порядок, по мнению С.Ю. Витте, позволял правительству иметь в своих руках орудие, которое можно было бы обратить против особенно сильных нарушений.

В целом, анализ исторического периода 1880–1917 гг. [1] позволяет говорить о ситуативном характере антимонопольной политики и ее зависимости от текущей экономической, политической и иной конъюнктуры.

При этом следует отметить изменения, которые в этот период происходили в самой системе антимонопольного регулирования. «На рубеже XIX–XX вв. происходит концептуальное реформирование отечественной системы антимонопольного регулирования, выражающееся в формировании на основе старых антимонопольных механизмов и иных правовых институтов в целом новой системы антимонопольного регулирования» [6, с. 69].

Среди нормативно-правовых актов 20-х гг. XX в. следует отметить Правительственный законопроект о синдикатах и трестах 1914 г., который предполагал включение в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» четырех новых статей, а также проект статьи 242 от 1903 г., устанавливающей ответственность за картельные сговоры, которая так и не была введена в действие. Проект статьи 242 отличался от статьи 1180, датированной 1845 г., тем, что он применялся в отношении случаев наступившего повышения цен и в нем не считались преступными намерения повысить цены. Кроме того, в проекте говорилось о «чрезмерном» повышении цены, именно «чрезмерность» такого повышения определяла преступность деяния. К преимуществам проекта статьи 242 относят исключение ответственности за нарушение общественного спокойствия ввиду повышения цен, к недостаткам – то, что она определяла ответственность лишь за совместное действие нескольких лиц, и единые монополисты выходили из-под действия статьи.

Отмеченные недостатки были устранены Законом от 8 сентября 1916 г. «Об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение цен на предметы продовольствия или необходимой потребности», распространявшим уголовную ответственность не только на участников картельных соглашений, но и на индивидуальных лиц, использовавших свое доминирующее положение. Кроме того, закон вводил уголовную ответственность за создание искусственного дефицита товара с целью формирования ажиотажного спроса

и роста цен на него. Содержащееся в законе ужесточение уголовной ответственности было продиктовано реалиями военного времени.

Дальнейшее развитие антимонопольного законодательства было прервано событиями 1917 г. Кардинальное изменение общественной жизни привело к становлению социалистической системы хозяйствования со своей спецификой восприятия места и роли монополий. Структура экономики с большой долей монополий теперь могла быть использована для организации централизованного планирования народного хозяйства [3].

Итак, Россия выпала на многие десятилетия из общемирового тренда развития антимонопольного законодательства, характерного для стран с капиталистической экономикой. Однако, возвращаясь в прошлое, подчеркнем, что до 1917 г. Россия находилась в поиске своего самобытного пути регулирования деятельности монополий, и этот поиск где-то был самым передовым для своего времени, а где-то существенно отставал от опыта других стран.

ВЫВОДЫ

Было выделено пять ключевых этапов развития экономики России, повлиявших на процесс становления института антимонопольного регулирования.

Первый – этап раннего феодализма в IX–XI вв., когда произошла институционализация торгово-купеческого сословия; второй – этап феодальной раздробленности XII–XV вв., связанный с распадом русских земель, сокращением товарно-денежных отношений и торможением экономического развития вследствие татаро-монгольского ига; третий – этап с XVI по XVII в., связанный с централизацией российского государства. В это время формируется единая система управления и возникает единый рынок, появляются отдельные нормативно-правовые акты, препятствующие искусственному завышению цен. Четвертый этап – XVIII в., когда происходит реформирование экономики. Начиная с Петра I, правители России регулярно принимают нормы, направленные против перекупа продукции и чрезмерного повышения цен. Пятый этап – с начала XIX в. до 1917 г. Этот этап характеризуется бурным развитием монополий и соответствующим изменением позиции государства по вопросам борьбы с монополиями в зависимости от социально-экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране.

Важнейшим событием в процессе институционализации борьбы с монополиями в дореволюционной России стал переход от спонтанного регулирования (до середины XIX в.), основанного на неформальных мерах или мерах, содержащихся в отдельных, подчас никак не связанных друг с другом нормативных актах, к формированию комплексной системы законодательного регулирования деятельности монополий (с середины XIX в.), дальнейшая эволюция которой была прервана событиями 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Забудкова О.А. Деятельность промышленных синдикатов в Российской империи: эволюция взглядов правительства // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 706–711.
2. Ерохина О.В. Монополистические объединения российской империи конца XIX – начала XX вв. // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11-2. С. 38–41.
3. Радюкова Я.Ю. Этапы становления и развития естественных монополий в России // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8. С. 148–155.
4. Кузеванова А.Л. Торговля в средневековой Руси: динамика ценностных принципов (социологический анализ) // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 60–65.
5. Надежин Н.Н. Формирование предпринимательских отношений в России в XI–XVI веках // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 2. С. 8–15.
6. Писенко К.А. Развитие антимонопольного права. От механизмов противодействия локальным спекулятивным монополиям до современной системы антимонопольного регулирования. М.: РУДН, 2010. 240 с.
7. Князева И.В. Историко-экономический экскурс: генезис монополизма и конкуренции в экономике России // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 5. С. 5–27.
8. Мартынова О.В. Историко-правовые особенности конкурентных отношений в дореволюционной России // Научная дискуссия: инновации в современном мире. 2016. № 14. С. 61–64.
9. Ивашенко А.А. Традиции предпринимательства в России и диалектика его гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 73–82.
10. Ушанов А.В. Нормативные правовые акты Российской империи, регламентирующие деятельность полиции по предупреждению правонарушений (вторая половина XIX в.) // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2. С. 128–132.
11. Довбыш В.Е. Институциональные особенности антимонопольного регулирования // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 2-3. С. 32–35.
12. North D.C. Institutions // Journal of economic perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
13. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Харьковский гос. университет им. А.М. Горького, 1956. 345 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. IV. V. Новгородские и Псковские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 380 с.
15. Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. Правда Русская. История текста. Избранные статьи. СПб.: Олег Абышко, 2017. 594 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. 1046 с.
17. Свод законов Российской империи. В 15 т. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 996 с.
18. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. 702 с.

19. Кудрявцев К.А. Трансформация института антимонопольного регулирования (механизм и концепция) // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 4. С. 116–122.
 20. Погребинская В.А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. С. 1–133.
 21. Гольдштейн И.М. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов?: материалы к характеристике современного положения синдикатского вопроса в России. М.: тип. О.Л. Сомовой, 1913. 66 с.
- REFERENCES**
1. Zabudkova O.A. The activity of industrial syndicates in the Russian empire: the evolution of government opinions. *Molodoy uchenyy*, 2014, no. 8, pp. 706–711.
 2. Erokhina O.V. Monopolistic concerns of the Russian empire in the late 19th–early 20th centuries. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2009, no. 11-2, pp. 38–41.
 3. Radyukova Ya.Yu. Stage of formation and development of natural monopolies in Russia. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2012, no. 7-8, pp. 148–155.
 4. Kuzevanova A.L. Trade in medieval Rus: the dynamics of value-based principles (sociological analysis). *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2010, no. 4, pp. 60–65.
 5. Nadezhin N.N. The formation of business relations in Russia in XI–XVI centuries. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2007, no. 2, pp. 8–15.
 6. Pisenko K.A. *Razvitie antimonopol'nogo prava. Ot mekhanizmov protivodeystviya lokalnym spekulyativnym monopoliyam do sovremennoy sistemy antimonopol'nogo regulirovaniya* [The Development of Antimonopoly Law: from Mechanisms of Counteracting Local Speculative Monopolies to Modern System of Antimonopoly Regulation]. Moscow, RUDN Publ., 2010. 240 p.
 7. Knyazeva I.V. Historical and economics excursus: genesis of monopoly and competition in the Russian economy. *Sovremennaya konkurentsia*, 2016, vol. 10, no. 5, pp. 5–27.
 8. Martynova O.V. The historical-legal characteristics in pre-revolution Russia. *Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennoy mire*, 2016, no. 14, pp. 61–64.
 9. Ivashchenko A.A. Tradition of enterprising in Russia and the dialectics of its civil and legal regulation. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2012, no. 4, pp. 73–82.
 10. Ushanov A.V. Normative legal acts of the Russian empire, governing activities of the police to prevent crime (second half of the XIX century). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2011, no. 2, pp. 128–132.
 11. Dovbysh V.E. Institutional characteristics of antitrust regulation. *Terra Economicus*, 2008, vol. 6, no. 2-3, pp. 32–35.
 12. North D.C. Institutions. *Journal of economic perspectives*, 1991, vol. 5, no. 1, pp. 97–112.
 13. *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Achmad Ibn-Fadlan's 'Book' and his Expedition to the Volga in 921–922]. Kharkov, Kharkovskiy gos. universitet im. A.M. Gorkogo Publ., 1956. 345 p.
 14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Novgorodskie i Pskovskie letopisi* [Full collection of Russian chronicles. Novgorod and Pskov chronicles]. Sankt Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa Publ., 1848. Vol. IV. V, 380 p.
 15. Sverdlov M.B. *Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevney Rusi IX–XIII vv. Germaniya. Pravda Russkaya. Istoriya teksta. Izbrannye stati* [Latin-language sources on history of Ancient Rus of IX–XIII centuries. Germany. Pravda Russkaya. Text history. Selected papers]. Sankt Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017. 594 p.
 16. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh* [The highly approved Code of criminal and correctional punishments]. Sankt Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1846. 1046 p.
 17. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Ustavy o narodnom prodovolstvii, obshchestvennom prizrenii i vrachebnye* [Legal code of the Russian empire. Statutes on national food supplies, public assistance, and medical statutes]. Sankt Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii Publ., 1857. Vol. 13, 996 p.
 18. Tarasov I.T. *Ocherk nauki politseyskogo prava* [Analytical reviews of the police law science]. Moscow, Pechatnya S.P. Yakovleva Publ., 1897. 702 p.
 19. Kudryavtsev K.A. Transformation of the institution of anti-trust regulation (mechanism and concept). *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, 2018, no. 4, pp. 116–122.
 20. Pogrebinskaya V.A. The second industrial revolution. *Ekonomicheskii zhurnal*, 2005, no. 10, pp. 1–133.
 21. Goldshteyn I.M. *Blagopriyatna li russkaya deystvitelnost dlya obrazovaniya sindikatov i trestov?: materialy k kharakteristike sovremennogo polozheniya sindikatskogo voprosa v Rossii* [If Russian reality is favourable for the formation of syndicates and trusts?: the materials to the characteristics of current state of a syndicate issue in Russia]. Moscow, tip. O.L. Somovoy Publ., 1913. 66 p.

**KEY STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE ANTITRUST REGULATION INSTITUTE
IN PRE-REVOLUTION RUSSIA**

© 2019

N.V. Levkin, Doctor of Sciences (Economics),
professor of Chair of Economic Theory and Management
S.S. Vereshko, master student of the Institute of Economics and Law
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk (Russia)

Keywords: competition; monopoly; antitrust policy; economic institutions; government regulation.

Abstract: The relevance of the study is determined by the role of competitive relations in the development of the Russian economy. The search for approaches to the antitrust policy promoting healthy competition should be based on the analysis of the accumulated experience in the field of antitrust regulation. The formation of the antitrust regulation institute in pre-revolution Russia is of interest both considering the study of its formation stages and in comparison with the advanced foreign experience in the antitrust regulation.

The common result of the paper is the description of economic development factors of Russia influenced the formation of monopolies. The authors considered the historical events promoted the transition from the informal (pre-legal) regulation of monopolies to the regulation through the system of legal acts. The paper analyzes the stages of economic development from the 11th century to the events of 1917. The authors identified five key stages: the period of early feudalism of the 9th–11th centuries, the period of feudal disunity of the 12th–15th centuries, the period of the Russian state centralization of the 16th–17th centuries, the period of economic reforms of the 18th century, and the industrialization period in the 19th–early 20th centuries.

The main result of the study is the definition of the transition process in the formation of the antitrust regulation institute started in the middle of the 19th century when the legislation of the Russian empire began to distinguish two types of monopolistic behavior – collective and individual. At that time, the formation of the system of countermeasures against the cartel agreements, the abuse of a dominant position, and the concentration of capital started as well.

ПРОБЛЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2019

М.Ю. Махотаева, доктор экономических наук, профессор,
временно исполняющий обязанности ректора

М.А. Николаев, доктор экономических наук, профессор,
декан финансово-экономического факультета

Псковский государственный университет, Псков (Россия)

Ключевые слова: валовое накопление; инвестиции; инвестиционные риски; источники финансирования; иностранные инвестиции; реальные активы.

Аннотация: Современный этап развития РФ, характеризующийся низкими темпами роста ВВП и неудовлетворительной динамикой инвестиций, актуализирует необходимость анализа причин сползания экономики в состояние стагнации. Последние годы экономика РФ постепенно теряет позиции в мировой экономике и без принятия адекватных мер может надолго застрять в ловушке стагнирующей экономики и снижающегося уровня жизни.

Работа посвящена систематизации точек зрения, представленных в научной литературе, комплексному анализу процессов в инвестиционной сфере и выявлению факторов негативной динамики инвестиций. Сравнительный анализ инвестиционных процессов для периодов 2000–2008, 2009–2013 и 2014–2018 гг. позволил выявить две понижательные волны инвестиционной активности. Период 2000–2008 гг. отличается темпами роста экономики и инвестиций, существенно превышающими среднемировой уровень. Второй период (2009–2013 гг.) характеризуется первой понижательной волной в российской экономике. В результате темпы роста упали ниже среднемировых показателей. Вторая понижательная волна (2014–2018 гг.) привела к стагнации российской экономики. В качестве основной проблемы, обусловившей появление первой волны, следует выделить структурные проблемы, исчерпание экспортно-сырьевой модели. Вторая волна обусловлена как нерешенностью старых проблем, так и появлением новых, среди которых особо следует выделить рост рисков: геополитических, экономических и финансовых.

За период 2014–2016 гг. существенно увеличились финансовые ресурсы предприятий, которые могут быть использованы для интенсификации инвестиционной деятельности. В то же время в силу высоких рисков предприятия предпочитают инвестировать в финансовые активы в ущерб реальным активам. Снижение уровня рисков позволит повысить склонность предприятий инвестировать в основной капитал.

ВВЕДЕНИЕ

Период 2014–2018 гг. можно охарактеризовать как этап длительной стагнации российской экономики. За эти годы экономика выросла лишь на 2,36 %, и среднегодовой прирост ВВП составил примерно 0,47 %. При этом мировая экономика показывала значительно более высокие темпы роста – около 3 %. Так, за период 2013–2017 гг. у наших ближайших соседей – Литвы, Латвии и Эстонии среднегодовой прирост составил также порядка 3 %, у геополитического конкурента – США – 2,2 %, а у наиболее динамично развивающихся государств – Китая и Индии – 7,1 и 7,15 % соответственно [1].

Анализируемый период можно определить как очередной этап падения темпов роста российской экономики. В качестве наиболее благополучного периода развития российской экономики большинство исследователей рассматривают период 2000–2008 гг., в течение которого РФ имела темпы роста экономики выше среднемировых и входила в группу динамично развивающихся государств. Однако экономический кризис 2008–2009 гг. привел к завершению этапа высоких темпов роста. Первая понижательная волна (2009–2013 гг.) обусловила снижение темпов роста экономики России до уровня существенно ниже среднемировых, примерно 1 % в год [2]. Таким образом, из числа лидеров РФ перешла в группу аутсайдеров. В течение 2014–2018 гг. мы наблюдаем очередную волну снижения темпов роста российской экономики до уровня примерно 0,5 %

в среднем за год. В этих условиях актуализируется задача анализа причин неудовлетворительной динамики экономики и обоснования направлений ее улучшения.

А. Френкель с соавторами [3] в качестве основной причины выделяет структурный кризис российской экономики, сохранение ведущей роли сырьевого сектора, что обусловило замедление роста ВВП, а также недостаточную инвестиционную активность. В работе [4] акцентируется внимание на политических инвестиционных рисках. В качестве факторов усиления инвестиционных рисков автор отмечает ухудшение политических отношений с западными странами, а также недостаточное участие России в международных соглашениях, направленных на снижение инвестиционных рисков. В работе [5] к числу основных причин неудовлетворительной динамики инвестиций авторы отнесли снижение потребительского спроса, общую неопределенность макроэкономической ситуации, падение объемов кредитования и сокращение количества инвестиционных программ в отраслях реального сектора экономики.

В работе [6] представлен сравнительный анализ кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. Наибольшие отличия связаны с динамикой инвестиционных процессов. Кризису 2008–2009 гг. предшествовал этап динамичного развития российской экономики. Сохранение доверия инвесторов и наличие доступа к финансовым ресурсам мирового рынка позволили быстро вернуться к восстановительному росту. Во время текущего кризиса риски существенно возросли, а доступ к зарубежным

заемным источникам существенно осложнился [7]. Следствием этого явилось снижение финансирования инвестиционных проектов со стороны как российских банков, так и государства в целом. В результате российской экономика попала в полосу длительной стагнации.

Таким образом, в качестве главного фактора неудовлетворительной динамики российской экономики следует рассматривать проблемы в инвестиционной сфере. По аналогии с рассмотренными выше этапами падения темпов роста ВВП можно выделить этапы торможения инвестиционного процесса. Так, за период 2000–2008 гг. темп ежегодного прироста инвестиций в РФ в среднем составил около 12 % [8]. За период 2009–2013 гг. эти темпы снизились до 7 % [9]. В течение 2014–2017 гг. среднегодовые темпы падения инвестиций составили примерно 2 % [10].

Цель исследования – анализ инвестиционных процессов в российской экономике в период кризиса 2014–2016 гг., выявление и систематизация факторов негативной динамики инвестиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уровень инвестиционной активности зависит, прежде всего, от наличия инвестиционных ресурсов, которые определяются показателем валового накопления. В предкризисный период этот показатель находился на сравнительно невысоком уровне – 23,3 % в 2013 г. В период кризиса 2014–2016 гг. произошло дальнейшее снижение этого показателя. Посткризисное восстановление экономики обусловило некоторый рост показателя до 24 % (таблица 1) [11].

Таблица 1. Динамика валового накопления, в процентах к ВВП [11]

	2013	2014	2015	2016	2017
Валовое накопление	23,3	22,2	21,9	23,1	24,0

При этом большинство развивающихся стран имеют более высокую норму накопления: Казахстан – 28 %, Республика Корея – 31 %, Индия – 34 %, Китай – более 40 % [1]. Норма накопления, составляющая примерно 20–25 % ВВП, характерна для развитых стран. Такая норма накопления, с одной стороны, позволяет обеспечить высокий уровень потребления, а с другой стороны – иметь необходимые инвестиционные ресурсы для развития производственного аппарата и инфраструктуры [12].

В научной литературе, а также в нормативных документах отмечается, что в силу высокого уровня износа основных фондов социальной и инженерной инфраструктуры, а также отраслей реального сектора экономики норма накопления в экономике РФ должна быть существенно выше. В работе [13] предлагается довести норму до уровня динамично развивающихся стран Азии, т. е. примерно до 30 %. В Указе Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» определена необходимость увеличения объема инвестиций к 2018 г. не менее чем до 27 %.

В то же время норма валового накопления продолжает оставаться на достаточно низком уровне, что не

позволяет провести необходимую модернизацию основных фондов. В целом по экономике за период 2014–2016 гг. степень износа практически не изменилась и составила чуть более 48 %. При этом системообразующие отрасли российской экономики имеют еще более высокий уровень износа основных фондов. Так, в отрасли «добыча полезных ископаемых» износ составляет 57,5 %, «обрабатывающие производства» – 50,0 %, «транспорт и связь» – 56,5 %. Схожая ситуация с состоянием основных фондов имеет место и в отраслях социальной сферы: образование – 46,8 %, здравоохранение и предоставление социальных услуг – 57,0 % [10].

Наряду с функцией расширенного воспроизводства основных фондов в экономике важной функцией инвестиционного процесса является обеспечение позитивных структурных изменений, направленных на увеличение доли высокотехнологичных производств, а также отраслей, обеспечивающих развитие человеческого капитала. Исходя из этих требований, рассмотрим динамику удельного веса инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (рис. 1) [10].

К числу отраслей, которые в 2016 г. смогли существенно увеличить свою долю в отраслевой структуре инвестиций по сравнению с 2013 г., относятся: «сельское хозяйство», «добыча полезных ископаемых», «оптовая и розничная торговля, ремонт», «государственное управление» и «финансовая деятельность». Обрабатывающие производства также несколько увеличили свой удельный вес в структуре инвестиций в основной капитал с 14,4 % в 2013 г. до 14,6 % в 2016 г., что обусловлено главным образом позитивной динамикой металлургического и химического производства. При этом такие виды деятельности, как «производство пищевых продуктов», «производство транспортных средств», «производство машин и оборудования», продемонстрировали нейтральную динамику, а «транспорт и связь», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «строительство» – негативную динамику. Значительное снижение произошло также в отраслях социальной сферы: доля «образование» снизилась – с 1,7 до 1,4 %, а «здравоохранение и предоставление социальных услуг» – с 1,7 до 1,2 %.

Для более детального анализа рассмотрим динамику инвестиций в разрезе отраслей, увеличивших и снизивших свой удельный вес в структуре инвестиций (рис. 2). Анализ выполнен для двух периодов: восстановительный рост – 2010–2013 гг., кризис – 2014–2016 гг. [10]. На рис. 2 представлены среднегодовые темпы прироста (снижения) объема инвестиций в основной капитал в разрезе видов экономической деятельности. Самой благополучной оказалась отрасль «добыча полезных ископаемых». Среднегодовой прирост инвестиций у нее составил более 7 % в течение как первого, так и второго этапов. Самой неблагополучной является отрасль «здравоохранение». На первом этапе отрасли имела небольшие темпы прироста инвестиций – 0,66 % в среднем за год, а на втором этапе в отрасли произошло обвальное падение инвестиций, которые в среднем снижались на уровне 15,06 % за год. Обрабатывающие производства имели достаточно хорошие показатели в период восстановительного роста (2010–2013 гг.). Однако в 2014–2016 гг. снижение инвестиций в отрасль составило в среднем 5,46 % в год.

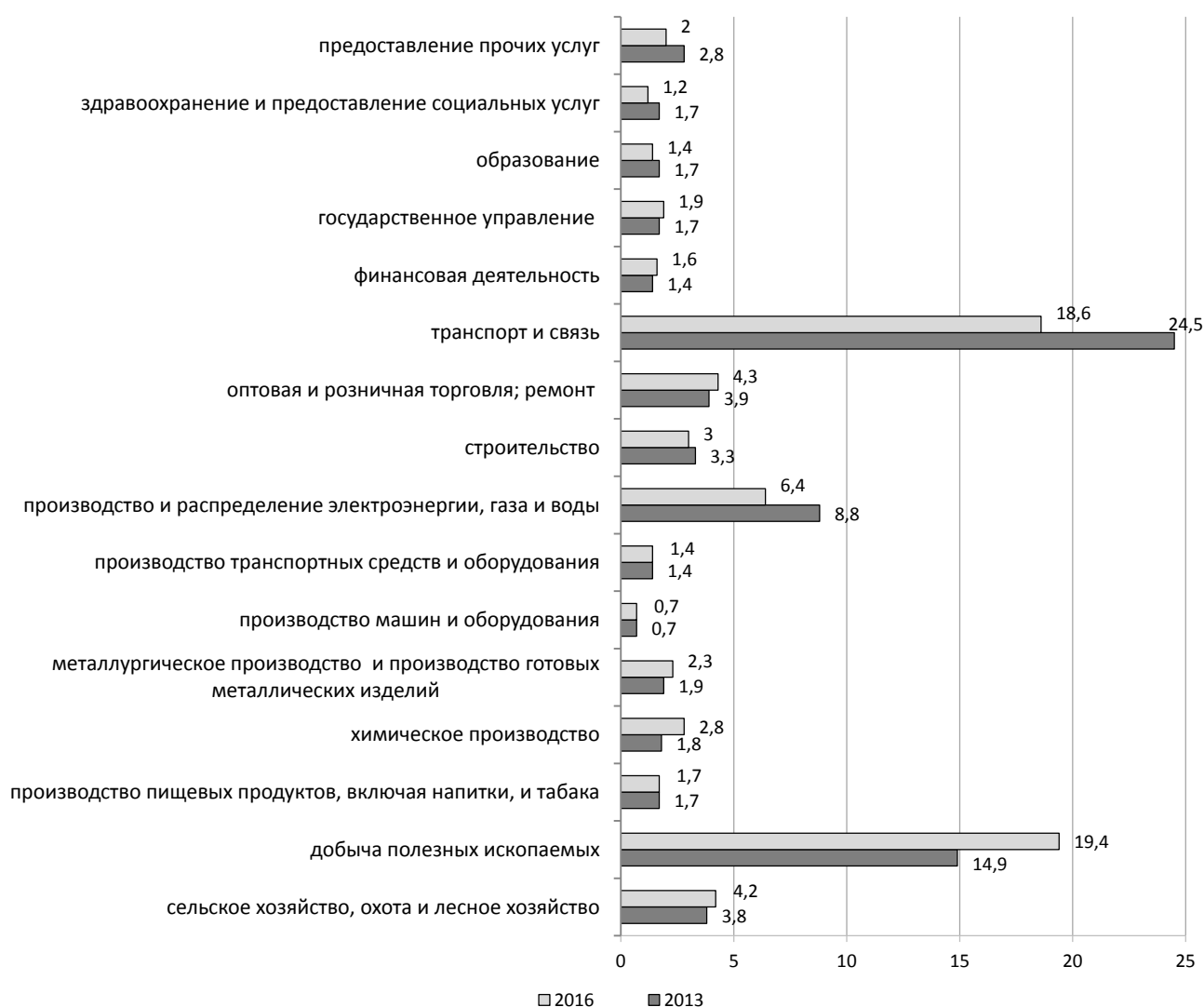

Рис. 1. Динамика удельного веса инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (в процентах)

Таким образом, инвестиционный процесс в период 2014–2016 гг. не обеспечил позитивные структурные изменения в экономике, связанные с увеличением доли высокотехнологичных производств, а также отраслей, обеспечивающих развитие человеческого капитала. Главный вектор структурных изменений направлен на увеличение удельного веса добывающих и сырьевых отраслей.

Особого внимания заслуживает ситуация в агропромышленном комплексе. В качестве приоритетного направления государственной экономической политики декларируется импортозамещение. В период кризиса 2014–2016 гг. сельское хозяйство оказалось одной из немногих достаточно благополучных отраслей. Производство продукции отрасли за этот период выросло на 11,3 % [11]. Кроме этого, сельское хозяйство вошло в число отраслей, добившихся реальных успехов в политике импортозамещения [14]. В то же время инвестиционные процессы в отрасли имеют негативную динамику. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал за период 2014–2016 гг. составил лишь 87,8 %. В пищевой промышленности ситуация также неблаго-

получная. На втором этапе среднегодовое падение инвестиций составило более 7 % [10].

Необходимость активизации инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе обсуждается в работе [15]. Падение курса рубля по отношению к иностранным валютам сделало иностранную сельскохозяйственную продукцию и продукты питания слишком дорогими на российском рынке, а продажи в России резко упали. Это привело к появлению свободных ниш на внутреннем аграрном рынке и повысило конкурентоспособность отечественной сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В этих условиях важной задачей является модернизация материально-технической базы, что обуславливает необходимость увеличения инвестиций в АПК.

В качестве главного резерва улучшения динамики инвестиционного процесса следует рассматривать повышение эффективности использования всех источников финансирования. В связи с этим рассмотрим их динамику за период 2013–2016 гг. (таблица 2) [10]. Таким образом, основные изменения связаны с увеличением удельного веса собственных средств с 45,2

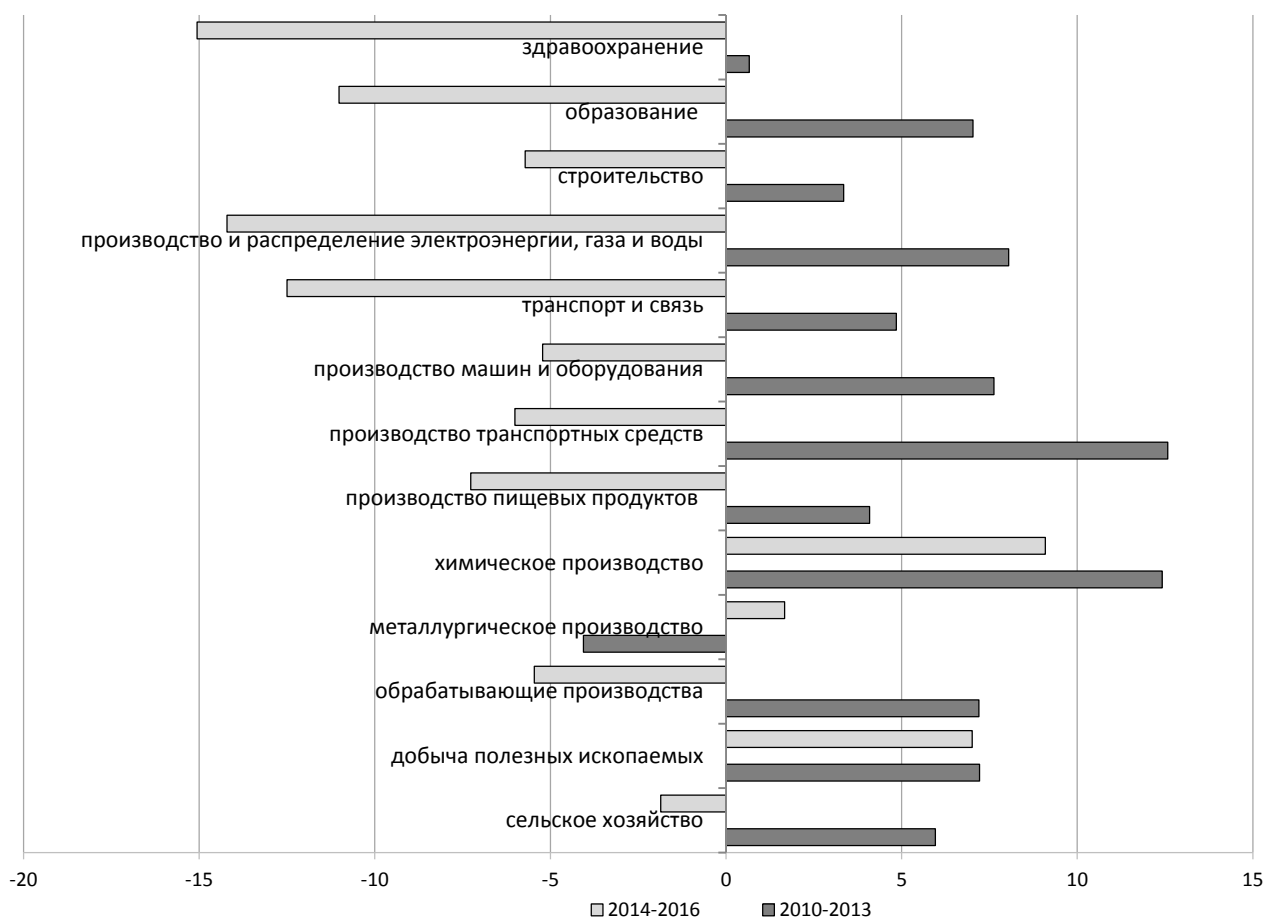

Рис. 2. Отраслевая динамика инвестиций (прирост/снижение в среднем за год)

Таблица 2. Удельный вес источников финансирования инвестиций в основной капитал [10]

Источники финансирования	2013	2016
Собственные средства	45,2	50,9
Привлеченные средства, в том числе:	54,8	49,1
кредиты банков	10,0	10,4
в том числе кредиты иностранных банков	1,1	2,9
заемные средства других организаций	6,2	6,0
инвестиции из-за рубежа	0,8	0,8
бюджетные средства, в том числе:	19,0	16,5
федерального бюджета	10,0	9,3
бюджетов субъектов РФ	7,5	6,0
средства местных бюджетов	1,5	1,2
средства внебюджетных фондов	0,3	0,2
средства организаций и населения, привлеченные для долевого строительства	2,9	3,0
прочие	15,6	12,2

до 50,9 % и соответствующим уменьшением доли привлеченных средств, которое в основном обусловлено снижением инвестиционной активности бюджетов всех уровней.

В целом удельный вес бюджетных средств за период 2013–2016 гг. снизился с 19,0 до 16,5 %. В наибольшей степени произошло снижение доли региональных бюджетов с 7,5 до 6 %. При этом инвестиции бюджетов этого уровня снизились не только в относительном, но

и абсолютном выражении с 753,3 млрд руб. в 2013 г. до 679,6 млрд руб. в 2016 г. В номинальном выражении снижение составило около 10 %. С учетом роста потребительских цен за этот период на 32,6 % реальное снижение инвестиций региональных бюджетов превысило 40 %.

Одним из факторов обвального падения инвестиций региональных бюджетов является снижение трансфертов для более бедных регионов в период 2014–2015 гг.

по сравнению с 2009 г. [16]. У этой группы регионов также имело место существенное снижение собственных доходов. Эти факторы обусловили снижение расходов региональных бюджетов на инвестиционные цели. Снижение роли регионов в инвестиционном процессе следует рассматривать как негативное явление в инвестиционной сфере, так как региональные бюджеты отвечают за большую долю инвестиций в таких сферах жизнедеятельности, как жилье, образование и здравоохранение. Рассмотренное выше снижение доли образования и здравоохранения в отраслевой структуре инвестиций во многом обусловлено проблемами региональных бюджетов.

Следует отметить, что проблеме активизации инвестиционных процессов на уровне регионов, как приоритетному направлению преодоления длительного инвестиционного спада в российской экономике, уделяется приоритетное внимание в научной литературе. По мнению авторов [17], проблема финансирования инвестиционного процесса является следствием системной проблемы регионального развития в современной России. В качестве направлений ее решения авторы рассматривают снижение уровня налогообложения в регионах, стабилизацию региональной политики, снижение инфляции и коррупции, а также развитие регионального предпринимательства.

Роль регионов в инвестиционном процессе акцентируется также в работе [18]. По мнению авторов, предпосылки для преодоления длительного инвестиционного кризиса должны складываться именно в регионах. Создавать условия для активизации инвестиционного процесса на региональном уровне должны инвестиционные стратегии регионов. Региональный аспект улучшения динамики инвестиционного процесса представлен также в работе М.А. Николаева и М.Ю. Махотаевой. В качестве причин низких темпов роста экономики и инвестиций авторы рассматривают «исчерпание ресурсов традиционных центров роста, а также недостаточную инвестиционную привлекательность большинства территорий РФ и в качестве важнейшего направления повышения темпов и качества экономического роста выделяют активизацию инвестиционной деятельности на региональном уровне» [19, с. 42]. В пользу данного тезиса свидетельствует также высокий уровень дифференциации инвестиционной активности в регионах в период 2014–2016 гг. [20]. Так, в Вологодской области индекс физического объема инвестиций в основной капитал составил 118,6 %, тогда как в Псковской области – 74,6 % [21].

Важное место в структуре инвестиций занимают инвестиции из-за рубежа. Их роль состоит в стимулировании экономического роста, увеличении количества рабочих мест и внедрении новых технологий и методов управления в производстве [22]. За анализируемый период удельный вес инвестиций из-за рубежа оставался на уровне 0,8 %, что составляло 88,8 млрд руб. в 2013 г. и 86,7 млрд руб. в 2016 г. [10]. Стабильность показателя обусловлена его резким снижением в 2013 г. Так, в 2012 г. инвестиции из-за рубежа составляли 239,6 млрд руб.

Анализ роли прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономике России представлен в работе [23]. В качестве позитивного аспекта автор отмечает более высокую фондоотдачу ПИИ, а в качестве негативного –

эффект «вытеснения» национальных инвестиций. Негативный аспект ПИИ связан также с ориентацией на извлечение ренты от использования природных ресурсов [24]. Взаимосвязь ПИИ с инвестиционной привлекательностью региона представлена в работе [25]. По мнению авторов, экономический кризис и санкции против России не оказали серьезного влияния на участие крупных европейских инвесторов в региональных проектах. Авторы обращают особое внимание на преимущества кластерной модели Калужской области для европейских инвесторов и концентрацию ПИИ в обрабатывающей промышленности, включая высокотехнологичное и инновационное производство.

Таким образом, кризисные явления в российской экономике обусловили существенное снижение привлеченных средств в качестве источника финансирования инвестиционной деятельности как в относительных, так и в абсолютных показателях. При этом, соответственно, возросла роль собственных средств. В номинальном выражении величина данного источника выросла с 4 549,9 млрд руб. до 5 738,0 млрд руб., т. е. на 26 % [10], что, однако, меньше уровня инфляции за период 2014–2016 гг. Для оценки перспектив увеличения данного источника рассмотрим динамику величины собственных средств предприятий. За период 2013–2016 гг. сальдированный финансовый результат вырос с 6 853,8 млрд руб. до 12 801,6 млрд руб., а сумма начисленной за год амортизации – с 4 179,5 млрд руб. до 5 823,7 млрд руб. [10]. Таким образом, финансовые ресурсы, которые могут быть использованы для инвестиционной деятельности, выросли практически в 1,7 раза, что значительно превышает уровень инфляции. Предприятия, однако, не спешат использовать имеющиеся финансовые ресурсы для активизации инвестиционного процесса.

Обусловлена данная ситуация высокими рисками в экономике. В этих условиях предприятиям сложно планировать свою операционную деятельность не только на долгосрочную, но и на среднесрочную перспективу. В результате предприятия предпочитают вкладывать денежные средства в мобильные финансовые активы в ущерб реальным активам, которые имеют в большинстве случаев достаточно длительные сроки окупаемости. Этот вывод подтверждается устойчивой тенденцией роста соотношения финансовых вложений и инвестиций в основной капитал. В 2008 г. оно было равно 3, в 2013 г. – 5,6, а за годы кризиса увеличилось до 9,3 [10].

В научной литературе такую структуру инвестиций связывают с высокими экономическими и инвестиционными рисками [26; 27]. Данные статистики также подтверждают эту точку зрения. Так, согласно информации Росстата, в 2016 г. по сравнению с 2013 г. существенно выросла роль следующих факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность: высокий процент коммерческого кредита – с 27,5 до 56 %; сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов – с 14 до 46 %; инвестиционные риски – с 27 до 50 %; неопределенность экономической ситуации в стране с 26 до 61 % [10].

ВЫВОДЫ

Таким образом, резкое снижение уровня инвестиционной активности практически во всех отраслях эконо-

мики, за исключением добычи полезных ископаемых, начиная с 2014 г. обусловлено главным образом повышением рисков долгосрочного инвестирования в реальные активы. Причем эти риски в основном формируются на федеральном уровне. В соответствии с этим и основные усилия должны быть направлены на снижение этих рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Россия и страны мира. 2018: статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 375 с.
- Россия и страны мира. 2014: статистический сборник. М.: Росстат, 2014. 382 с.
- Френкель А.А., Сергиенко Я.В., Тихомиров Б.И., Сурков А.А. Российская экономика в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва еще не созданы // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 5. С. 24–49.
- Загашвили В. Регулирование политических инвестиционных рисков // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 48–56.
- Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сергиенко Я.В., Рощина Л.С. Российская экономика в 2015–2017 годах // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 198–233.
- Дубинин К. Финансовый кризис 2014–2015 гг. // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 219–225.
- Березинская О. Инвестиционная пауза в экономике России: структурные характеристики и перспективы ее преодоления // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 3. С. 30–45.
- Инвестиции в России. 2009: статистический сборник. М.: Росстат, 2009. 323 с.
- Инвестиции в России. 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 190 с.
- Инвестиции в России. 2017: статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 188 с.
- Россия в цифрах. 2018: краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 522 с.
- Аганбегян А.Г. Финансы для модернизации // Деньги и кредит. 2010. № 3. С. 3–11.
- Уткин Б.Е. Динамика инвестиций в основной капитал ведущих стран мира // Экономические науки. 2016. № 134. С. 14–19.
- Гнидченко А.А. Импортзамещение в российской промышленности: текущая ситуация и перспективы // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 4. С. 154–161.
- Trukhachev V.I., Sklyarov I.Y., Sklyarova Y.M. Features of Investment Activity in Agriculture in the South of Russia and Ways of its Activation // Montenegrin journal of economics. 2018. Vol. 14. № 1. P. 171–184.
- Alexeev M., Chernyanskiy A. A tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015 // Economic systems. 2018. Vol. 42. № 2. P. 175–185.
- Alekseev A.N., Savenkov D.L., Shvakov E.E. Financial problems of regional development and the ways of their solution in contemporary Russia // Quality-access to success. 2018. Vol. 19. № 2. P. 71–75.
- Бердникова Л.Ф., Фаткуллина Э.Р. Финансовый кризис 2014–2015 гг. и его влияние на Россию // Молодой ученый. 2015. № 11.3. С. 10–13.
- Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Роль территориального фактора в экономической динамике // Экономист. 2015. № 3. С. 42–49.
- Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Инвестиционная деятельность регионов СЗФО в условиях экономического кризиса // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 8. С. 3–9.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 1402 с.
- Akhmedova I.D., Gyulazyan P.A., Kokoulina Darla M. Investment Climate of the Russian Federation: Key Factors and Development Trends during 2018–2020 // Modern journal of language teaching methods. 2018. Vol. 8. № 11. P. 882–902.
- Matraeva L.V., Viktorovich S.P. Foreign Direct Investments Impact on Economic Growth in Developing Countries // TEM Journal-technology education management informatics. 2018. Vol. 7. № 4. P. 731–737.
- Minakir P.A., Suslov D.V. Foreign Direct Investment in the Economy of the Russian Far East // Economic and social changes-facts trends forecast. 2018. Vol. 11. № 3. P. 41–56.
- Гутник А.В., Трофимова О.Е. Европейские инвестиции в калужской области: особенности под санкциями // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 81–87.
- Названова К.В. Инвестиционная деятельность и инновационное развитие: основные проблемы и ограничения (на примере Владимирской области) // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 6. С. 57–66.
- Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Основные составляющие инвестиционной безопасности и их оценка // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 5. С. 34–45.

REFERENCES

- Rossiya i strany mira. 2018: statisticheskiy sbornik [Russia and countries of the world. 2018: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2018. 375 p.
- Rossiya i strany mira. 2014: statisticheskiy sbornik [Russia and countries of the world. 2014: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 382 p.
- Frenkel A.A., Sergienko Ya.V., Tikhomirov B.I., Surkov A.A. Russian Economy in 2017–2019: The Prerequisites for a Breakthrough Have Not Yet Been Created. *Ekonomicheskaya politika*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 24–29.
- Zagashvili V. Regulation of political investment risks. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 7, pp. 48–56.
- Frenkel A.A., Tikhomirov B.I., Sergienko Ya.V., Roshchina L.S. Russian economy in 2015–2017. *Ekonomicheskaya politika*, 2016, vol. 11, no. 5, pp. 198–233.
- Dubinin K. Financial Crisis 2014–2015. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2015, no. 2, pp. 219–225.
- Berezinskaya O. Investment break in the Russian economy: structural characteristics and turnaround

- perspectives. *Ekonomicheskaya politika*, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 30–45.
8. *Investitsii v Rossii. 2009: statisticheskiy sbornik* [Investments in Russia. 2009: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2009. 323 p.
 9. *Investitsii v Rossii. 2015: statisticheskiy sbornik* [Investments in Russia. 2015: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 190 p.
 10. *Investitsii v Rossii. 2017: statisticheskiy sbornik* [Investments in Russia. 2017: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2017. 188 p.
 11. *Rossiya v tsifrakh. 2018: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Russia in numbers. 2018: Summary of Statistics]. Moscow, Rosstat Publ., 2018. 522 p.
 12. Aganbegyan A.G. Finances for modernization. *Dengi i kredit*, 2010, no. 3, pp. 3–11.
 13. Utkin B.E. Dynamics of investments in fixed capital of the world's leading countries. *Ekonomicheskie nauki*, 2016, no. 134, pp. 14–19.
 14. Gnidchenko A.A. Import Substitution in Russian Industry: Current Situation and Prospects. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2016, no. 4, pp. 154–161.
 15. Trukhachev V.I., Sklyarov I.Y., Sklyarova Y.M. Features of Investment Activity in Agriculture in the South of Russia and Ways of its Activation. *Montenegrin journal of economics*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 171–184.
 16. Alexeev M., Chernyayskiy A. A tale of two crises: Federal transfers and regional economies in Russia in 2009 and 2014–2015. *Economic systems*, 2018, vol. 42, no. 2, pp. 175–185.
 17. Alekseev A.N., Savenkov D.L., Shvakov E.E. Financial problems of regional development and the ways of their solution in contemporary Russia. *Quality-access to success*, 2018, vol. 19, no. 2, pp. 71–75.
 18. Berdnikova L.F., Fatkullina E.R. The Financial Crisis of 2014–2015 and its influence on Russia. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 11.3, pp. 10–13.
 19. Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu. The role of the territorial factor in the economic dynamics. *Ekonomist*, 2015, no. 3, pp. 42–49.
 20. Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu. Investment activity of the regions of the SZFO in the conditions of the economic crisis. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Pravo. Upravlenie*, 2018, no. 8, pp. 3–9.
 21. *Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. 2017: statisticheskiy sbornik* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2017. 1402 p.
 22. Akhmedova I.D., Gyulazyan P.A., Kokoulina Darla M. Investment Climate of the Russian Federation: Key Factors and Development Trends during 2018–2020. *Modern journal of language teaching methods*, 2018, vol. 8, no. 11, pp. 882–902.
 23. Matraeva L.V., Viktorovich S.P. Foreign Direct Investments Impact on Economic Growth in Developing Countries. *TEM Journal-technology education management informatics*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 731–737.
 24. Minakir P.A., Suslov D.V. Foreign Direct Investment in the Economy of the Russian Far East. *Economic and social changes-facts trends forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 41–56.
 25. Gutnik A.V., Trofimova O.E. European investment in Kaluga region: features under sanctions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 81–87.
 26. Nazvanova K.V. Investing and innovation development: main challenges and limitations (the Vladimir region case study). *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2015, no. 6, pp. 57–66.
 27. Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu. Basic components of investment safety and their assessment. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 34–45.

THE PROBLEMS OF ACTIVATING THE INVESTMENT PROCESSES IN THE RUSSIAN ECONOMY

© 2019

M.Yu. Makhotaeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Acting Rector

M.A. Nikolayev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Finance and Economic Faculty
Pskov State University, Pskov (Russia)

Keywords: gross accumulation; investments; investment risks; sources of financing; foreign investments; real assets.

Abstract: The present stage of the Russian Federation development which is characterized by low growth rates of GDP and unsatisfactory dynamics of investments updates the need to analyze the reasons of the economy slipping into stagnation condition. Recent years, the economy of the Russian Federation is gradually losing positions in the world economy, and, without taking adequate measures, it can get stuck in the trap of the stagnating economy and declining living standard for a long time.

The paper covers the points of view systematization presented in the scientific literature, complex analysis of processes in the investment sphere and identification of negative dynamics factors in investments. The comparative analysis of investment processes for the periods of 2000–2008, 2009–2013 and 2014–2018 allowed revealing two bearish waves of investment activity. The period of 2000–2008 is notable for its significant growth rates of economy and investments exceeding the average worldwide level. The second period (2009–2013) is characterized by the first bearish wave in the Russian economy. As a result, the growth rates fell below the average worldwide indicators. The second bearish wave (2014–2018) led to the stagnation of the Russian economy. As a major problem that caused the first wave appearance, it is necessary to identify structural problems, the depletion of export raw model. The second wave is caused both by old problems suspense and by the introduction of new ones, among which it is particularly necessary to distinguish the growth of geopolitical, economic and financial risks.

During the period of 2014–2016 companies' financial resources which can be used to intensify investment activities increased significantly. At the same time, due to high risks, companies prefer to invest in financial assets against real assets. The decrease in risks level may enable companies to invest in fixed capital.

ОЦЕНКА УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА (НА ПРИМЕРЕ ООО ТК «РЕЙЛ КОНТИНЕНТ»)

© 2019

Е.В. Мурач, магистрант Школы экономики и менеджмента*Е.Ю. Селезнева*, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Школы экономики и менеджмента
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Ключевые слова: система внутреннего контроля; дебиторская задолженность; система управления дебиторской задолженностью; транспортно-логистический кластер; кредитная политика; кредитные лимиты; анализ дебиторской задолженности.

Аннотация: В статье рассматривается проблема управления дебиторской задолженностью в системе внутреннего контроля в условиях кризиса неплатежеспособности транспортно-логистических предприятий Дальнего Востока. Актуальность настоящего исследования определена взаимосвязью финансового состояния предприятий транспортно-логистического кластера с эффективностью проводимой ими кредитной политики и повседневной работы с дебиторами.

Авторами статьи разработана структурная модель формирования дебиторской задолженности выделенного сегмента предприятий. На основании действующих методик мониторинга уровня дебиторской задолженности авторами предложена схема комплексной методики анализа дебиторской задолженности для предприятий транспортной отрасли, выявлены базовые направления повышения эффективности внутреннего контроля за состоянием дебиторской задолженности с учетом размеров компании и ее финансовых возможностей.

Результаты практической части исследования, базирующаяся на реализации авторской методики анализа дебиторской задолженности транспортно-логистических предприятий, подтвердили существование проблем и узких мест организаций выделенного территориального кластера, заключающихся, в частности, в отсутствующем должном контроле над сроками погашения долгов, величиной дебиторской задолженности и ее сопоставлением с уровнем кредиторской задолженности, своевременностью погашения долгов; в низком уровне учета, позволяющего осуществлять контроль над дебиторской задолженностью; в слабой степени организации работы с дебиторами (предварительной проверке их платежеспособности, выявлении степени риска неплатежей). Выделены три сектора основных направлений по улучшению состояния дебиторской задолженности: бухгалтерский учет и аудит, анализ и мониторинг, автоматизация контроля.

Показана эффективность внесенных предложений посредством повторной оценки системы управления дебиторской задолженностью в случае их реализации на предприятии транспортно-логистического кластера в совокупности.

ВВЕДЕНИЕ

Транспортная система во многом определяет уровень развития различных отраслей и возможности национальной экономики в целом. Современные базовые рыночные требования доставки товаров и оказания услуг потребителям соответствуют логистическим принципам: «доставка в нужное место», «доставка точно в срок», «доставка в требуемом количестве», «доставка в соответствии с заявленным качеством» [1; 2].

Важна оперативность транспортно-логистического обслуживания, которая, в свою очередь, напрямую зависит от успешности функционирования предприятий данной сферы деятельности. Однако, несмотря на присутствие на рынке транспортных услуг большого числа экспедиторских компаний, заказчики часто не удовлетворены качеством доставки [3; 4].

В процессе выявления причин низкого уровня логистического обслуживания авторами статьи был проведен опрос специалистов транспортно-логистических предприятий г. Владивосток. Большинство респондентов (более 65 %) назвали такой причиной необеспеченность текущей деятельности компаний собственными средствами. Изучение финансовой (бухгалтерской) отчетности и опрос финансовых специалистов данных компаний позволил выявить проблему наличия необоснованно растущей и просроченной дебиторской задол-

женности, которая, по их мнению, влечет за собой дефицит собственных оборотных средств и необходимость внешнего финансирования деятельности.

С целью выявления причин снижения коммерческих и финансовых рисков и повышения уровня учетно-аналитической работы по управлению дебиторской задолженностью на предприятиях, авторы статьи провели исследование причин формирования дебиторской задолженности транспортно-логистических предприятий. Согласно примененному авторами проектному подходу, пошаговый анализ проблемы сопровождается решением системы задач.

Формирование базы данных для последующей их обработки и получения необходимой финансовой информации, позволяющей исследовать состояние и качество дебиторской задолженности на конкретном предприятии, сопровождается анализом дебиторской задолженности в разрезе контрагентов, с последующим определением уровня организации системы внутреннего контроля над состоянием дебиторской задолженности на данном предприятии. Полученные результаты являются основой для разработки алгоритма решения проблемы исследования.

Теоретические исследования с применением междисциплинарного подхода (таблица 1) позволили авторам статьи конкретизировать понимание дебиторской

Таблица 1. Междисциплинарный подход к понятию «дебиторская задолженность»

Автор	Понятие
Юридический подход	
Часть 2 ГК РФ. Ст. 307 [5]	В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие: передать имущество, выполнить работу (услугу), внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от первого исполнения обязанности
И.А. Бланк «Управление активами и капиталом предприятия» [6]	Под дебиторской задолженностью подразумевается величина задолженности в пользу предприятий, представленных финансовым обязательством юридическим и физическим лицам
В.В. Ковалев Финансовый менеджмент [7]	Под величиной дебиторской задолженности признается задолженность лиц (юридического и физического) конкретному экономическому субъекту
В.П. Астахов «Бухгалтерский (финансовый учет)» [8]	Понятие «дебиторская задолженность» включает обязательства юридических лиц и физических перед определенным хозяйствующим субъектом, который представил им за плату конкретный вид активов (продукцию, товар), выполнил работы или услуги; но на определенную дату эти обязательства не погашены в силу ряда обстоятельств
Бухгалтерский подход	
В.В. Бочаров «Управление денежным оборотом предприятий и корпораций» [9]	Дебиторская задолженность – это комплексная статья, включающая расчеты: с покупателями и заказчиками; по векселям к получению; с дочерними и зависимыми обществами; с участниками (учредителями) по взносам в уставной капитал; по выданным авансам; с прочими дебиторами
М.Л. Пятов «Управление обязательствами организации» [10]	Дебиторская задолженность – это отраженные на счетах расчетов обязательства перед предприятием сторонних лиц – покупателей, работников, займополучателей, бюджета
А.Г. Грязнова «Финансово-кредитный энциклопедический словарь» [11]	Дебиторская задолженность – это счета, причитающиеся к получению в связи с поставками по коммерческому кредиту
Экономический подход	
О.В. Ефимова «Анализ финансовой отчетности» [12]	Дебиторская задолженность представляет собой вложение и способ расширения продаж в кредит с целью увеличения объема реализации и собственного капитала
П.С. Безруких «Бухгалтерский учет» [13]	Дебиторская задолженность – это входящие в состав активов организации ее имущественные требования к другим юридическим и физическим лицам, являющимся ее должниками

задолженности. По нашему мнению, это элемент активов, в частности оборотных, и одновременно право требования по обязательствам, формируемое на основании договоров, законодательства или деликта в отношении физических и юридических лиц, а также государства, что отражается в бухгалтерском балансе и на счетах расчетов, выступая, при этом, особой формой кредитования.

Структурирование существующих видов дебиторской задолженности позволило авторам статьи построить модель формирования дебиторской задолженности транспортно-логистических предприятий. В разработанной модели включены процесс и условия трансформации срочной дебиторской задолженности в просроченную сомнительную.

Изучение методик анализа дебиторской задолженности показало, что в основе многих из них лежит исчисление коэффициентов, срок ее возникновения [14–16]. Базой для ряда систем мониторинга других методик служит метод ранжирования, построение динамических рядов, что обусловило возможность выделения их основных положений и особенностей [17; 18].

Определение сильных и слабых сторон методик анализа дебиторской задолженности позволило сформули-

ровать алгоритм комплексной методики анализа дебиторской задолженности транспортно-логистических предприятий (рис. 1).

При проведении оценки системы внутреннего контроля дебиторской задолженности важно учитывать следующие факторы: сроки, качество и величина задолженности, регулярность проведения сверок с контрагентами и анализ полученных данных, наличие структурного подразделения, осуществляющего функции контроля, схемы отражения задолженности, график документооборота, унификация первичных документов.

Цель исследования – разработка «секторальных» предложений, направленных на повышение эффективности внутреннего контроля дебиторской задолженности на предприятии транспортно-логистического кластера.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование системы управления дебиторской задолженностью проводилось на базе транспортно-логистического предприятия ООО ТК «Рейл Континент» г. Владивосток. В основу была положена разработанная авторами схема комплексной методики, учитывающая

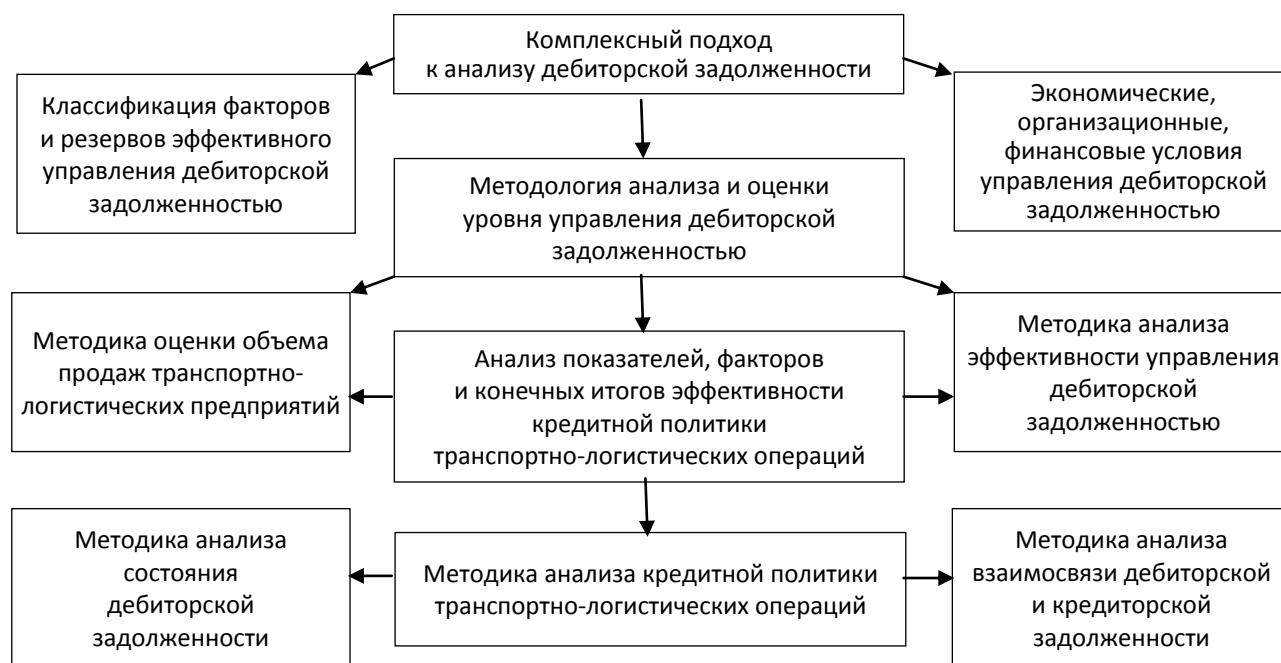

Рис. 1. Алгоритм комплексной методики анализа дебиторской задолженности транспортно-логистических предприятий

отраслевую специфику предприятия. ООО ТК «Рейл Континент» ведет логистическую деятельность в области автомобильного грузового транспорта и услуг по перевозкам. Помимо основного вида деятельности автотранспортное предприятие имеет право осуществлять прочую деятельность, связанную с перевозками, сдавать в аренду сухопутные транспортные средства (в том числе и с водителем) и иное имущество, вести оптовую и розничную торговлю автотранспортными средствами. Проводимое исследование строилось на анализе информативных источников финансово-хозяйственной деятельности.

В 2015–2017 гг. деятельность ООО ТК «Рейл Континент» принесла убыток, который на конец 2017 г. увеличился в 2,32 раза и составил 2 515 тыс. руб. Это обусловлено тем, что в условиях сокращения сбыта (на 11,73 %) наблюдался рост себестоимости (+6,29 %). Положительный конечный финансовый результат транспортно-логистического предприятия в 2015 и 2017 г. обусловлен положительными результатами от прочей деятельности. Сокращение объемов деятельности, получение убытка от продаж вызвало снижение средней величины активов предприятия с 16 719 до 15 370 тыс. руб. Деловая активность предприятия с 2015 г. к 2017 г. снизилась по всем критериям, особенно заслуживает внимание ухудшение платежной дисциплины покупателей – рост срока погашения долгов на конец 2017 г. превысил 3 месяца.

Дополнительное исследование состава дебиторской задолженности ООО ТК «Рейл Континент» в 2015–2017 гг. показало ее рост в 2,1 раза, обусловленный ростом краткосрочной дебиторской задолженности, в частности, задолженностью покупателей. Дебиторская задолженность была сформирована практически за счет задолженности покупателей, доля которой в 2017 г. достигла 96,03 %. Согласно рассчитанным данным, рост

дебиторской задолженности покупателей в 2,2 раза обусловлен ростом задолженности Предприятия А в 3 раза, Предприятия Б – в 2,6 раза, Предприятия В – на 92,68 %, Предприятия Г – на 4,31 %. Увеличение дебиторской задолженности по иным предприятиям-покупателям произошло на 50 % (рис. 2).

Анализ структуры дебиторской задолженности покупателей показал, что основной вес дебиторской задолженности приходится на Предприятия А и Б. При этом с 2015 г. к 2017 г. вес задолженности Предприятия А вырос с 38,56 до 52,01 %, а Предприятия Б – с 14,38 до 16,45 %.

Исследование дебиторской задолженности по срокам требования показал, что наибольший объем задолженности сформировался в зоне свыше 181 дня. При этом в основном формирует данную задолженность Предприятие А – 597 тыс. руб. На зону от 61 до 180 дней приходится 29,07 % всей дебиторской задолженности покупателей. При этом наибольший вес в данном сегменте принадлежит задолженности Предприятия Б – 356 тыс. руб. Таким образом, можно сказать что Предприятие А и Б – наиболее неблагоприятные заказчики как по сумме задолженности, так и по срокам ее формирования.

Согласно данным анализа оборачиваемости дебиторской задолженности ООО ТК «Рейл Континент» за 2015–2017 гг., длительность оборота дебиторской задолженности выросла с 55 до 113 дней, что обусловлено ростом средней дебиторской задолженности на 81,91 % и сокращением выручки.

Сравнение величин дебиторской и кредиторской задолженности показало, что коэффициент их соотношения не только превышает 1, но и составляет 4,19 в 2017 г. Значительное превышение дебиторской задолженности над кредиторской – фактор риска снижения финансовой устойчивости (происходит отток собственных средств из оборота) [19].

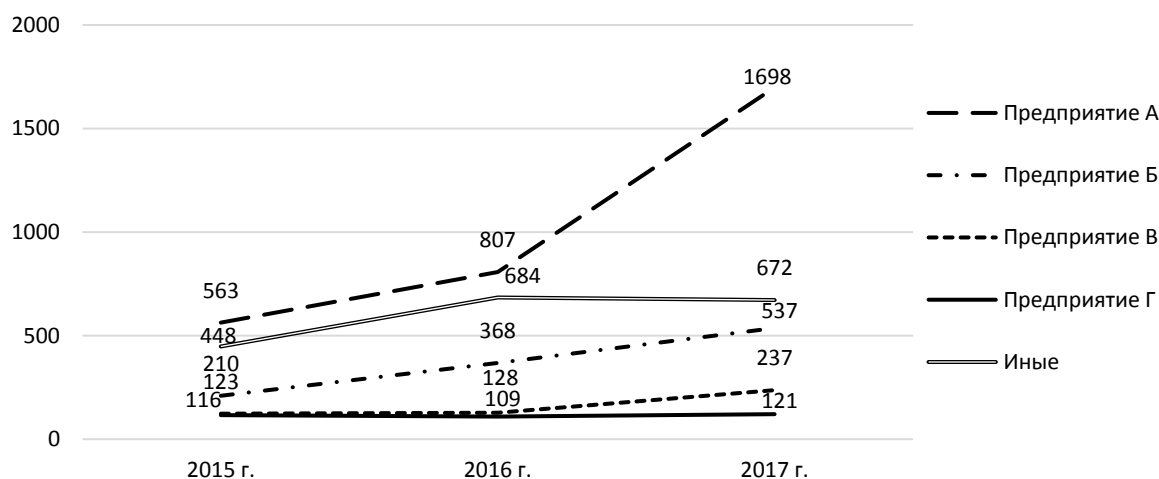

Рис. 2. Динамика дебиторской задолженности покупателей и заказчиков ООО ТК «Рейл Континент» в 2015–2017 гг.

Резюмируя, можно сделать вывод, что стремительный рост дебиторской задолженности с 2015 г. к 2017 г. в 2,1 раза обусловлен ростом долгов покупателей услуг по перевозке грузов. Данную динамику формирует в большей мере два предприятия: «А» и «Б». Стоит также отметить не только большой вес их задолженности, но и факт растущей длительности сроков неоплаты. Именно данный факт обусловил увеличение периода оборачиваемости дебиторской задолженности с 55 до 113 дней. Необходима оценка уровня внутреннего контроля ООО ТК «Рейл Континент», в частности, над состоянием дебиторской задолженности.

Оценка системы внутреннего контроля дебиторской задолженности по контрольным областям показала, что уровень организации соответствует степени «нижнего среднего» (рис. 3): отсутствуют ответственные лица, график, систематизация и схемы документооборота, регулярно проводимые анализ дебиторов и сверки по контрагентам.

На основании выявленных узких мест компании ООО ТК «Рейл Континент» в системе управления, в частности в системе внутреннего контроля за дебиторской задолженностью, нами определены направления деятельности следующего характера:

- 1) требуется регулярно контролировать факты образования задолженности на отчетную дату;
- 2) проводить на постоянной основе диагностику состояния и причин образования задолженности;
- 3) активизировать работу по взысканию задолженности. Мерами по взысканию задолженности могут быть любые действия, направленные на признание должником своего обязательства и возврата суммы долга;
- 4) необходима разработка и внедрение регламента по контролю за образованием и качеством дебиторской задолженности.

Особое внимание необходимо уделить регулярному мониторингу прогнозной оценки уровня финансовой устойчивости и платежеспособности потенциального покупателя (заказчика) в период хозяйственной работы [20]. Целесообразно включать в договоры существенные условия, определяющие порядок исполнения обязательств сторон, штрафные санкции за неисполнение обязательств. Предлагаем также внедрить систему ответственности менеджеров по продажам за несвоевременную оплату их клиентами счетов предприятия; установить предельные сроки и суммы возможных сделок с целью минимизации количества сомнительных долгов;

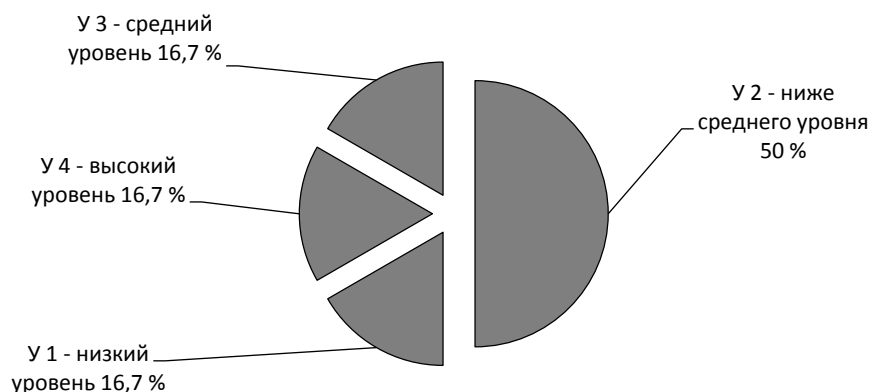

Рис. 3. Оценка уровня организации системы внутреннего контроля дебиторской задолженности в ООО ТК «Рейл Континент», %

своевременно проводить инвентаризацию расчетов с дебиторами.

На основании проведенного исследования уровня организации управления дебиторской задолженностью авторами были разработаны: кредитная политика для ООО ТК «Рейл Континент», которая учитывает дифференцированный подход к кредитованию (авансированию) контрагентов посредством расчета кредитных лимитов и выбора для покупателей соответствующего типа кредитной политики (жесткой, умеренной, лояльной) и регламент по контролю за дебиторской задолженностью, который включает себя порядок учета и классификацию инвентаризации и анализа, мероприятия по досудебному урегулированию споров в отношении дебиторской задолженности.

Реализация выделенных процедур в системе управления дебиторской задолженностью как элемента повышения эффективности внутреннего контроля ООО ТК «Рейл Континент» позволит ускорить оборачиваемость дебиторской задолженности на 43 дня, сократив ее величину на 1 802 тыс. руб., высвободит наиболее ликвидные активы – денежные средства и повысит успешность деятельности компании в целом.

Таким образом, это показывает эффективность разработанных авторами «секторальных» предложений, направленных на совершенствование системы внутреннего контроля над дебиторской задолженностью.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведен анализ и дана оценка организации систем управления и внутреннего контроля над дебиторской задолженностью на примере предприятия транспортно-логистического кластера ООО ТК «Рейл Континент». Степень организации оценивается «ниже среднего». Отсутствие должного контроля вызвало снижение дисциплины расчетов, что проявилось как в увеличении времени погашения задолженности, так и в ее росте в 2,1 раза за 2015–2017 гг.

Основные проблемные места в системе внутреннего контроля над дебиторской задолженностью ООО ТК «Рейл Континент» – отсутствие ответственных лиц за контролем над дебиторской задолженностью, графика сверок по контрагентам, регулярного анализа дебиторской задолженности по контрагентам, а также неимение системы определения лимитов дебиторской задолженности.

Разработаны «секторальные» направления по выделенным блокам проблем. В частности, сформирован регламент по контролю над дебиторской задолженностью, в котором выделены категории дебиторов относительно длительности просрочки платежей, методы определения степени надежности контрагентов и оценки качества дебиторской задолженности, регламентированы процедуры контроля, а также определена группа ответственных лиц за сферу контроля. Также спроектирована кредитная политика, базирующаяся на определении кредитных лимитов для каждого дебитора в зависимости от рейтинга надежности и степени выгодности (доли в выручке) для ООО ТК «Рейл Континент».

Проведены прогнозные расчеты, учитывающие выполнение разработанных мер – реализацию дифференцированной кредитной политики по значимым контрагентам, внедрение регламента по контролю над деби-

торской задолженностью. Оборачиваемость дебиторской задолженности увеличится на 43 дня, абсолютная ее величина снизится на 1 802 тыс. руб. и трансформируется в ликвидный актив – денежные средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумаев В.А. Инновационные подходы к развитию транспорта // Транспортное дело России. 2017. № 2. С. 8–10.
2. Латыпова Р.Р., Кириллов А.Н., Микрюков А.А. Транспортный комплекс. Итоги экономического кризиса 2015–2016 годов // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. СПб.: СПб ун-т технологий управления и экономики, 2017. С. 415–420.
3. Bezrukov L. International transport corridors as a XXI factor of easing // Practical Geography and XXI Century Challenges International Geographical Union Thematic Conference to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. М.: Institute of geography Russian Academy of Sciences, 2018. P. 297–298.
4. Аристов В.М. Проблема качества логистических услуг в цепях поставок // Экономический вектор. 2018. № 1. С. 31–37.
5. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: с изм. и доп. на 03.02.2019 г. М.: Эксмо-Пресс, 2019. 576 с.
6. Бланк И.А. Управление активами и капиталом предприятия. Киев: Ника-Центр, 2014. 448 с.
7. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент. М.: Проспект, 2017. 1104 с.
8. Астахов В.П. Бухгалтерский (финансовый) учет. М.: Юрайт, 2014. 969 с.
9. Бочаров В.В. Управление денежным оборотом предприятий и корпораций. М.: Финансы и статистика, 2009. 144 с.
10. Пятов М.Л. Управление обязательствами организации. М.: Финансы и статистика, 2004. 256 с.
11. Грязнова А.Г. Финансово-кредитный энциклопедический словарь. М.: Финансы и статистика, 2002. 1168 с.
12. Ефимова О.В. Анализ финансовой отчетности. М.: Омега-Л, 2014. 388 с.
13. Безруких П.С. Бухгалтерский учет. М.: Бухгалтерский учет, 2013. 719 с.
14. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. М.: Инфра-М, 2017. 649 с.
15. Шеремет А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия. М.: Инфра-М, 2018. 374 с.
16. Попова Л.В. Экономический анализ. М.: Дело и сервис, 2014. 336 с.
17. Салова Л.В. Экономический анализ. Практикум. М.: Риор, 2017. 219 с.
18. Хромых Н.А. Экономический анализ оборотных активов предприятия. М.: Русайнс, 2016. 288 с.
19. Zhitlukhina O.G., Rakutko S.Yu., Berezhnova E.I., Selezneva E.Yu., Belik E.V., Shalaeva N.I., Denisevich E.I., Belik N.V., Saenko Zh.E., Sultanova A.A. Issues of falsifying financial statement in terms of economic security // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 17. P. 10163–10176.

20. Rokotyanskaya V.V., Moshchenko O.V., Valuiskov N.V., Ostaev G.Y., Taranova N.S. Control and analytical aspects of debtor and credit deposit of enterprises // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2018. Vol. 13. № 2. P. 446–453.
- REFERENCES**
1. Shumaev V.A. Innovative approaches to transport development. *Transportnoe delo Rossii*, 2017, no. 2, pp. 8–10.
 2. Latypova R.R., Kirillov A.N., Mikryukov A.A. Transport complex. Results of the economic crisis of 2015–2016. *Modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: prognozy i realnost: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Sankt Petersburg, SPb un-t tekhnologiy upravleniya i ekonomiki Publ., 2017, pp. 415–420.
 3. Bezrukov L. International transport corridors as a XXI factor of easing. *Practical Geography and XXI Century Challenges International Geographical Union Thematic Conference to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Institute of geography Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 297–298.
 4. Aristov V.M. The problem of logistics quality in supply chains. *Ekonomicheskij vector*, 2018, no. 1, pp. 31–37.
 5. *Grazhdanskiy kodeks RF. Chast vtoraya: s izm. i dop. na 03.02.2019 g.* [Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Rev. and add. on 03.02.2019]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2019. 576 p.
 6. Blank I.A. *Upravlenie aktivami i kapitalom predpriyatiya* [Management of assets and funds of an enterprise]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2014. 448 p.
 7. Kovalev V.V. *Finansovyy menedzhment* [Financial management]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 1104 p.
 8. Astakhov V.P. *Bukhgalterskiy (finansovyy) uchet* [Accounting (financial) records]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 969 p.
 9. Bocharov V.V. *Upravlenie denezhnym oborotom predpriyatij i korporatsiy* [Management of money turnover of enterprises and corporations]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2009. 144 p.
 10. Pyatov M.L. *Upravlenie obyazatelstvami organizatsii* [Organization liability management]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2004. 256 p.
 11. Gryaznova A.G. *Finansovo-kreditnyy entsiklopedicheskij slovar* [Financial and Credit Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2002. 1168 p.
 12. Efimova O.V. *Analiz finansovoy otchetnosti* [Financial statement analysis]. Moscow, Omega-L Publ., 2014. 388 p.
 13. Bezrukikh P.S. *Bukhgalterskiy uchet* [Accounting]. Moscow, Bukhgalterskiy uchet Publ., 2013. 719 p.
 14. Savitskaya G.V. *Analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya* [Analysis of economic activity of an enterprise]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 649 p.
 15. Sheremet A.D. *Analiz i diagnostika finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya* [Analysis and diagnostics of financial and economic activity of an enterprise]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 374 p.
 16. Popova L.V. *Ekonomicheskij analiz* [Economic analysis]. Moscow, Delo i servis Publ., 2014. 336 p.
 17. Salova L.V. *Ekonomicheskij analiz. Praktikum* [Economic analysis. Practical work]. Moscow, Rior Publ., 2017. 219 p.
 18. Khromykh N.A. *Ekonomicheskij analiz oborotnykh aktivov predpriyatiya* [Economic analysis of current assets of an enterprise]. Moscow, Rusayns Publ., 2016. 288 p.
 19. Zhitlukhina O.G., Rakutko S.Yu., Berezhnova E.I., Selezneva E.Yu., Belik E.V., Shalaeva N.I., Denisevich E.I., Belik N.V., Saenko Zh.E., Sultanova A.A. Issues of falsifying financial statement in terms of economic security. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, no. 17, pp. 10163–10176.
 20. Rokotyanskaya V.V., Moshchenko O.V., Valuiskov N.V., Ostaev G.Y., Taranova N.S. Control and analytical aspects of debtor and credit deposit of enterprises. *Journal of Applied Economic Sciences*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 446–453.

**THE ASSESSMENT OF RECEIVABLES MANAGEMENT AS THE BASIC ELEMENT
OF THE INTERNAL CONTROL SYSTEM OF AN ENTERPRISE OF LOGISTICS CLUSTER
(BY THE EXAMPLE OF JSC TC “RAIL CONTINENT”)**

© 2019

E.V. Murach, graduate student of School of Economics and Management
E.Yu. Selezneva, PhD (History), assistant professor of Chair of Accounting,
Analysis and Audit of School of Economics and Management
Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Keywords: internal control system; receivables; receivables management system; logistics cluster; credit policy; credit line; receivables analysis.

Abstract: The paper considers the problem of receivables management in the internal control system in the context of the crisis of insolvency of logistics enterprises of the Far East. The relevance of this study is determined by the interrelation of the financial state of enterprises of the logistics cluster with the efficiency of credit policy carried out by it and daily work with debtors.

The authors developed the structural model of the formation of the receivables of the selected segment of enterprises. Based on the current techniques of monitoring of the receivables' level, the authors proposed the scheme of the integrated technique of the receivables analysis for the enterprises of transport sector, identified the main ways of improvement of the efficiency of internal control over the receivables taking into account the size of a company and its financial ability.

The results of the practical part of the study based on the implementation of author's technique of analysis of the receivables of the logistics enterprises proved the existence of problems and bottlenecks of the companies of the selected territorial cluster which are, in particular, the lack of appropriate control over the due dates, the receivables amount and its correlation with the level of credit debt, the expediency of debt settlement; low level of record keeping allowing carrying out the control over receivables; poor organization of work with debtors (the preliminary check of their solvency, identification of the level of non-payment risk). The authors specified three sectors of the main ways for improvement of the receivables state: bookkeeping and auditing, analysis and monitoring, control automation.

The paper shows the efficiency of the proposals through the reassessment of the receivables management system in the case of their implementation within the enterprises of the logistics cluster in aggregate.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ОЖИДАНИЙ АБИТУРИЕНТОВ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В ВУЗ

© 2019

Л.С. Панченкова, доцент кафедры товароведения и экспертизы качества

С.А. Кацель, кандидат социологических наук, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанный бизнеса

Л.В. Антонина, кандидат технических наук, доцент кафедры товароведения и экспертизы качества
Омский государственный технический университет, Омск (Россия)

Ключевые слова: Омский государственный технический университет; качество образовательных услуг; образовательная услуга; требования и ожидания потребителей; достоверность ожиданий абитуриентов; соответствие результатов ожиданиям; маркетинговые мероприятия вуза.

Аннотация: На сегодняшний день качество образовательной услуги при прочих равных условиях является решающим фактором выбора того или иного учебного заведения для обучения. Качество образовательных услуг со стороны прямых пользователей (студентов) определяется на основе субъективной оценки и индивидуального восприятия, меняющегося со временем. Данная оценка зависит в том числе и от степени соответствия результатов полученного образования ожиданиям абитуриента, причем эти ожидания абитуриентов формируются в период продвижения данных услуг образовательными учреждениями. Выводы выпускников о качестве образовательной услуги будут положительными, если результаты обучения соответствуют ожиданиям (или выше ожиданий), и отрицательными, если результаты ниже ожиданий.

В статье представлены результаты эмпирических исследований по вопросам соответствия оказанной образовательной услуги ожиданиям абитуриентов при поступлении. Степень соответствия определялась на основе эмпирических исследований, проводимых в Институте дизайна и технологий ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет». Степень соответствия полученных результатов услуги ожиданиям выпускников оценивалась по следующей шкале: «результаты выше ожиданий»; «абсолютно соответствуют» (ожидания оправданы полностью); «соответствуют» (ожидания в целом оправданы); «частично соответствуют»; «не соответствуют» (ожидания не оправданы полностью).

Так, наибольшие расхождения между ожиданиями и результатами, полученными студентами в процессе обучения, обнаружены по вопросам их общего представления о будущей профессии, о формах и методах обучения в вузе, видах самостоятельной работы и текущем контроле, наполняемости учебного плана дисциплинами и об организации практик. С учетом полученных результатов проведенных исследований разработаны рекомендации по совершенствованию маркетинговых мероприятий вуза и формированию достоверных потребительских ожиданий абитуриентов.

ВВЕДЕНИЕ

Качество товаров (услуг) при прочих равных условиях и с учетом соотношения «цена – качество» до сих пор является доминирующим (решающим) фактором потребительского выбора. Основная цель любой организации, в том числе и высшего учебного заведения, – это удовлетворение потребностей основных групп потребителей за счет производства качественных товаров или оказания качественных услуг. Многообразие определений термина «качество» [1; 2], даже в нормативно-законодательной практике, связано в первую очередь с философскими, экономическими, социальными аспектами данной дефиниции. Более того, качество рассматривается как двухсторонняя характеристика товара (объективная и субъективная) и обладает одним из свойств индивидуального восприятия, меняющегося во времени – аксиологичностью.

В международной практике наиболее авторитетным определением понятия «качество» является определение, данное в международном стандарте ISO 9000:2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь». В соответствии с данным стандартом «качество – это степень, с которой совокупность присущих характеристик объекта соответствует требованиям» [3, с. 19]. При этом если соответствие характеристик ове- щественной продукции доказать достаточно просто, то, учитывая специфические характеристики «чистых

услуг» [4], к которым безусловно относится и образова- тельная услуга [5], данный процесс усложняется.

При оказании «чистых услуг» результат труда является нематериальным, т. е. представляет собой полезный эффект от потребления услуги. В случае образова- тельных услуг результат труда принимает форму при- рашенных знаний студента и его (студента) впечатлений от образовательного процесса и производственной сре- ды. Причем потребительский эффект может проявить себя в значительно удаленном пространстве и времени по отношению к месту и моменту оказания услуги [6].

Образовательная услуга отличается многопланово- стью и разнородностью состава потребителей: прямых и конечных пользователей, заказчиков, поставщиков и партнеров, внутренних пользователей, всех заинтере- сованных сторон и прочих групп потребителей. Основ- ные группы более подробно рассмотрены в статье [7]. Каждая из представленных групп выдвигает к образова- тельной услуге свои требования, запросы и ожидания, которые значительно дифференцированы.

Образовательная услуга направлена в первую очередь на удовлетворение личных, индивидуальных потребно- стей субъекта, однако в большей части реализуется как коллективная услуга, направленная на определенную группу людей, каждый из которых имеет свои специфи- ческие требования и видение данной услуги. При оказа- нии «чистых услуг» личностно ориентированный подход

возможен лишь при проведении индивидуальных консультаций в рамках различных видов самостоятельной работы студентов.

Еще одной особенностью образовательной услуги является то, что конечные пользователи результатов данной услуги (работодатели) практически выведены из неразрывной цепочки взаимодействия исполнителя и потребителя (в данном случае прямого пользователя – студента). В отличие, например, от бытовых услуг, где потребитель услуги является и конечным пользователем, и напрямую взаимодействует с исполнителем. При оказании образовательных услуг помимо прямых пользователей (студентов) результатами данной услуги пользуется широкая группа потребителей и заинтересованных сторон [7]. Например, покупатели образовательных услуг в лице родителей, попечителей и государства, работодатели, общество в целом и т. д. Некоторые из данных групп потребителей практически не участвуют в образовательном процессе, а лишь являются потребителями приобретенных компетенций выпускника.

В отличие от продукции, представленной в материальной форме, доказательная база качества которых строится на основе точных измерений, доказательной базой качества образовательной услуги являются ощущения, мнение, субъективные оценки потребителей. При этом при прочих равных условиях у потребителей может быть разное восприятие результатов. Они будут испытывать различный эффект от удовлетворения своей потребности. Применительно к услугам и в соответствии с ГОСТ Р 9000–2015 [3] качество следует рассматривать как степень соответствия полученных результатов услуги ожиданиям потребителя. Выпускники могут быть высокого мнения о качестве образовательной услуги при положительном подтверждении (результаты соответствуют ожиданиям) или положительном неподтверждении (результаты выше ожиданий). В случае негативного неподтверждения (результаты ниже ожиданий) сформируется мнение о низком качестве услуги.

Существует достаточное число факторов, влияющих на несоответствие результатов ожиданиям:

- отсутствие данных об ожиданиях абитуриентов;
- несоответствие установленных стандартных требований запросам и ожиданиям прямых пользователей услуг [7];
- несоответствие даваемых обещаний действительности;
- сформированные ожидания, не соответствующие действительности. Например, в момент приобретения услуги образования (как условий для получения профессиональных компетенций) абитуриенты, их родители и попечители находятся в полной информационной асимметричности по отношению к вузу;
- субъективно сформированные оценки и влияние точечных факторов (случайных, эмоциональных и др.) и т. д.

Исходя из всего вышесказанного, качество услуги будет зависеть не только от фактических результатов, но и от сформированных на этапе продвижения и потребительского выбора ожиданий. Именно на это должны быть нацелены маркетинговые мероприятия вуза, решающим аргументом в пользу потребительского выбора которого является качество предоставляемых услуг.

Вопросам качества образовательного процесса и оценки качества образовательных услуг посвящено достаточное количество трудов [8]. Часть авторов рассматривает вопросы формирования системы оценки удовлетворенности качеством образования с точки зрения различных групп потребителей и пользователей образовательных услуг [9; 10]. При этом прослеживается тенденция к учету комплексного влияния множества факторов на обеспечение высокого качества образования [11]. Различные подходы к мониторингу удовлетворенности качеством образовательных услуг освещались в трудах многих авторов, например [12–14]. Практически все авторы, используя основные положения квалиметрии, на основе шкал порядка проводили исследования степени удовлетворенности потребителей качеством полученного образования, в основе которых лежали лицензионно-аккредитационные показатели.

Авторы статьи на основе результатов ранее проведенных исследований [15; 16] оценивали качество образовательной услуги как степень соответствия полученных результатов ожиданиям прямых пользователей при выборе образовательной услуги. Попытки оценить качество образовательной услуги с данной позиции проводились и ранее, но, как правило, исследования осуществлялись по обобщенному показателю, без учета перечня различных групп ожиданий [17].

Стоит отметить, что несоответствие результатов и ожиданий не дает исчерпывающего представления о качестве образовательной услуги в целом с учетом требований всех групп потребителей и заинтересованных сторон (государства, работодателей и т. д.), а лишь показывает, что сформированные ожидания абитуриента при поступлении в вуз не соответствуют действительности.

Цель работы – определение степени соответствия полученной выпускниками образовательной услуги потребностям, запросам и ожиданиям абитуриента при поступлении в вуз.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Эмпирические исследования по вопросам соответствия оказанной образовательной услуги ожиданиям абитуриентов при поступлении проводилось в Институте дизайна и технологий ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет» на протяжении трёх лет, с 2016 по 2018 г. включительно. Цель исследования – выявление и оценка степени соответствия результатов полученного образования ожиданиям абитуриентов и выявление позиций с наивысшей степенью расхождения.

В качестве основного метода исследования применялся репрезентативный социологический опрос студентов выпускного курса. Объектом исследования (по критерию общей проблемы) являлась степень соответствия результатов полученной образовательной услуги ожиданиям потребителя. В качестве объекта исследования (по критерию носителя проблемы) выступали студенты выпускного курса направления подготовки «Товароведение». Предметом исследования стали: оценки, мнения, суждения, замечания студентов выпускного курса по теме исследования, их сравнительный анализ с ожиданиями абитуриентов, а также позиции, по которым получено наибольшее расхождение в степени

соответствия ожиданий абитуриентов и мнений выпускников. Выборочная совокупность определялась методом серийной (гнездовой) выборки с последующим сплошным обследованием.

Исследования проводились в форме анонимного анкетирования. Анкета состояла из 20 вопросов, включающих наиболее значимые требования студентов к качеству оказания образовательной услуги. Данные требования были выявлены в ходе ранее проводимых исследований [7]. В анкетировании приняли участие 45 студентов выпускного (четвертого) курса направления подготовки «Товароведение» очной формы обучения, что составило 96 % от списочного состава студентов. Массив данных сформирован в формате SPSS. Степень соответствия полученных результатов услуги ожиданиям выпускников оценивалась по следующей шкале:

- «результаты выше ожиданий»;
- «абсолютно соответствуют» (ожидания оправданы полностью);
- «соответствуют» (ожидания в целом оправданы);
- «частично соответствуют»;
- «не соответствуют» (ожидания не оправданы полностью).

В ходе опроса также предлагался вариант ответа «затрудняюсь ответить».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе ранее проведенных исследований для студентов как основных пользователей образовательной услуги важным критерием качества образовательной услуги являлись условия обучения, в отличие от других потребителей и заинтересованных сторон. К данным условиям в том числе относятся локально-транспортные характеристики вуза. Все респонденты указали стопроцентное соответствие транспортной доступности, удобства инфраструктуры и общего локально-территориального размещения института первичным представлениям и ожиданиям. Приёмная комиссия при поступлении респондентов размещалась в здании Института дизайна и технологий (бывшего ФГОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса»), т. е. приемная комиссия и фактическое место дальнейшего обучения студентов располагались по единому адресу. Поэтому полученные результаты опроса относительно удобства инфраструктуры и общего локально-территориального размещения института прогнозируемо совпали с первичными представлениями ожиданиями.

Наибольшие расхождения между полученными результатами и ожиданиями были выявлены в вопросах общего видения будущей профессии, форм и методов обучения, видов самостоятельной работы и текущего контроля, наполняемости учебного плана дисциплинами и организации практик.

Так, при ответе на вопрос о соответствии видения будущей профессии, сформированного в процессе обучения, общим представлениям при поступлении в вуз, ни один из респондентов не указал варианты ответов, находящихся в шкале выше, чем «частично соответствуют» (рис. 1). Это связано в первую очередь с тем, что товароведы частично работают в складских помещениях предприятий торговли, из-за чего незаметны для покупателей. При этом альтернативное название данной профессии, представленное в стандарте ГОСТ Р 51305-2009 «Услуги торговли. Требования к персоналу» [18] как «менеджер по качеству товаров», мало кому известно.

Формы и методы обучения в вузе значительно отличаются от довузовского образования. Для студентов первого курса являются незнакомыми такие особенности обучения в вузе, как возможность посещения лекционных курсов без обязательного школьного опроса, использования интерактивных форм взаимодействия с преподавателем и всех преимуществ дистанционных элементов образования, проведения семинарских занятий в форме дебатов и научных споров. Соответственно, ни один из респондентов не указал варианты ответов «результаты выше ожиданий» или «абсолютно соответствуют» (ожидания оправданы полностью) на вопрос «Соответствуют ли формы и методы обучения в целом, и виды аудиторных занятий в частности Вашим представлениям при поступлении в вуз?» (рис. 2).

В соответствии с Федеральными образовательными стандартами доля самостоятельной работы студентов составляет более 50 % от общей нагрузки. Многим абитуриентам незнакомы как некоторые виды самостоятельной работы (курсовые работы и проекты, аннотирование текста, контент-анализ и др.), так и формы контроля выполненной работы (например, коллоквиумы, решения ситуационных задач и т. д.). Поэтому расхождение реальных видов и форм самостоятельной работы студентов с представлениями абитуриентов при поступлении достаточно значительно (рис. 3).

При поступлении в вуз практически все абитуриенты имеют общее представление о формах и видах текущего и промежуточного контроля в вузе. Однако действующая в институте балльно-рейтинговая система

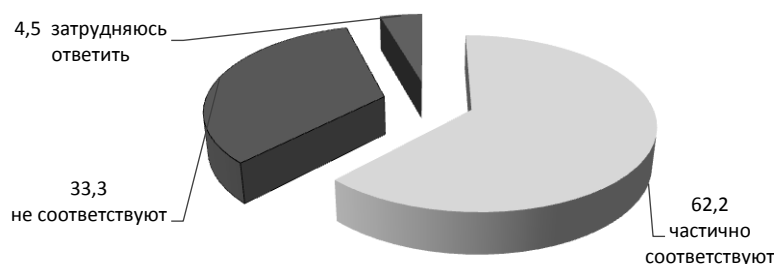

Рис. 1. Результаты соответствия общего видения будущей профессии, сформированного в процессе обучения, представлениям абитуриента

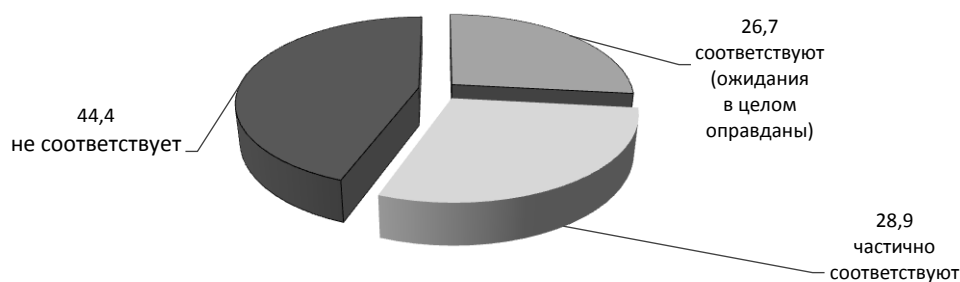

Рис. 2. Результаты исследования по вопросу «Соответствуют ли формы и методы обучения в целом и виды аудиторных занятий в частности Вашим представлениям при поступлении в вуз»

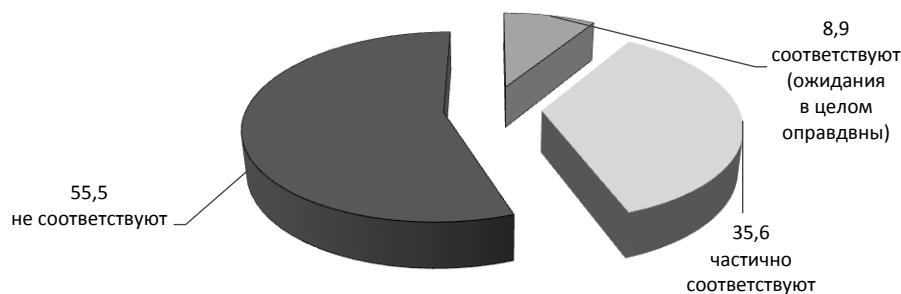

Рис. 3. Результаты исследования по вопросу «Соответствует ли объем, виды и формы самостоятельной работы студентов Вашим представлениям при поступлении в вуз»

оценки знаний, основанная на выявлении уровня сформированных компетенций и учитывающая не только результаты итогового контроля, но и работу в течение межсессионного периода, студентам первого курса незнакома. При этом и с формами текущего контроля, такими как экспресс-опрос, решение кейс-задач, дискуссии, деловые игры, компьютерные симуляции, некоторые из абитуриентов встречаются впервые. Всё вышесказанное в итоге повлияло на то, что представления абитуриентов о видах и формах текущего и промежуточного контроля не соответствуют действительности (рис. 4).

Образовательная программа высшего образования подразумевает наличие не только общепрофессиональных и профессиональных блоков дисциплин, но и общекультурных дисциплин, формирующих мировоззренческую позицию выпускника, его аналитические и коммуникативные способности, толерантность, физическую готовность к осуществлению профессиональной деятельности и закладывающих фундамент эконо-

мических знаний и т. д. Многие студенты первого курса не готовы к достаточно широкому перечню и объему дисциплин, что отражено на рис. 5.

Особое значение при приеме на работу работодатели уделяют практическим умениям и навыкам соискателя. Данные умения и навыки студенты приобретают во время прохождения различных видов практик. Однако представления о практической деятельности, о видах и технической оснащенности баз практик, как показали исследования, у абитуриентов весьма туманны и неясны (рис. 6).

Результаты опроса по оставшимся вопросам анкеты представлены в таблице 1. Самые незначительные расхождения между полученными результатами и ожиданиями были выявлены по следующим вопросам: возможность заниматься научной работой и проявлять творческий потенциал; перечень и содержание специальных дисциплин; профессиональный уровень преподавателей. При этом положительным моментом является доминирующая доля оценок «результаты выше

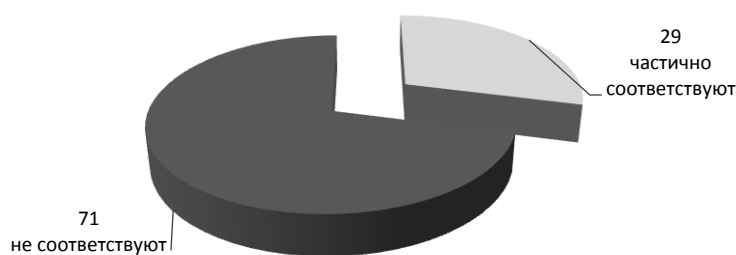

Рис. 4. Результаты соответствия видов и форм текущего и промежуточного контроля представлениям абитуриента при поступлении в вуз

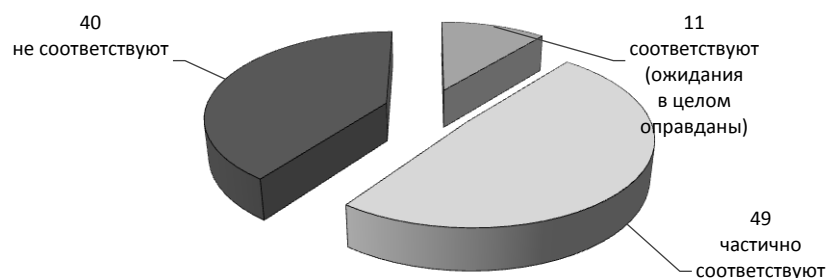

Рис. 5. Результаты соответствия общего перечня, объема и содержания дисциплин первичным представлениям и ожиданиям абитуриента

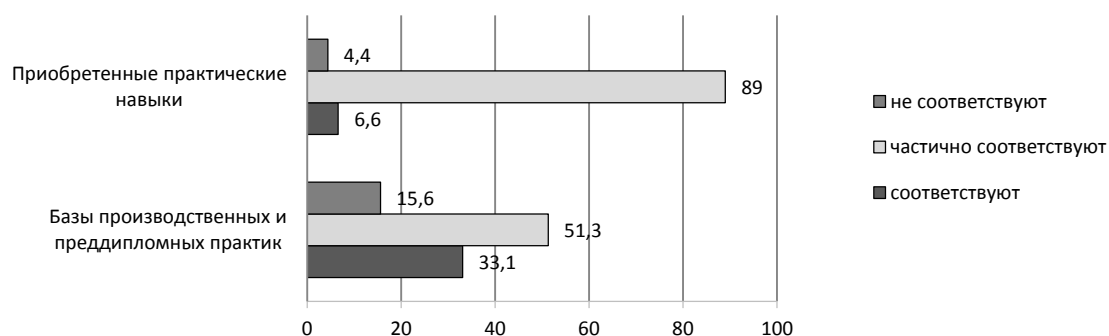

Рис. 6. Результаты соответствия баз производственных практик и приобретенных практических навыков работы по специальности первичным представлениям и ожиданиям

Таблица 1. Результаты исследования по вопросам соответствия оказанной образовательной услуги ожиданиям абитуриентов при поступлении

Вопрос анкеты	Количество ответов по вопросам исследования, чел.					
	Результаты выше ожиданий	Абсолютно соответствуют (ожидания оправданы полностью)	Соответствуют (ожидания в целом оправданы)	Частично соответствуют	Не соответствуют (ожидания не оправданы полностью)	Затрудняюсь ответить
Соответствует ли реальная перспектива трудоустройства по специальности Вашим представлениям при поступлении в вуз?	7	18	8	6	-	6
Соответствует ли полученная возможность заниматься научной работой в процессе обучения первичным представлениям и ожиданиям?	16	29	-	-	-	-
Соответствует ли система социальной защиты студентов во время учебы Вашим ожиданиям?	4	10	29	2	-	-
Соответствуют ли виды и формы организации внеучебной работы в вузе Вашим ожиданиям при поступлении?	3	19	14	9	-	-

Вопрос анкеты	Количество ответов по вопросам исследования, чел.					
	Результаты выше ожиданий	Абсолютно соответствуют (ожидания оправданы полностью)	Соответствуют (ожидания в целом оправданы)	Частично соответствуют	Не соответствуют (ожидания не оправданы полностью)	Затрудняюсь ответить
Соответствует ли возможность проявления творческого потенциала, его развития и совершенствования Вашим запросам и ожиданиям?	-	19	21	5	-	-
Соответствует ли методическая обеспеченность и работа библиотеки в целом Вашим ожиданиям?	-	32	11	2	-	-
Соответствует ли перечень и содержание специальных дисциплин первичным представлениям и ожиданиям?	-	37	8	-	-	-
Соответствует ли глубина преподавания специальных дисциплин Вашим запросам и ожиданиям?	-	42	3	-	-	-
Соответствует ли сформированный уровень Вашей теоретической подготовки первичным запросам и ожиданиям?	-	19	15	11	-	-
Соответствует ли профессиональный уровень преподавателей Вашим ожиданиям?	4	19	22	-	-	-
Соответствует ли сложившаяся в процессе обучения морально-психологическая атмосфера Вашим ожиданиям?	-	-	43	2	-	-
Соответствует ли лояльность и готовность к помощи со стороны преподавателей выпускающей кафедры Вашим ожиданиям?	16	22	7	-	-	-

ожиданий» и «абсолютно соответствуют» по вопросам соответствия лояльности и готовности к помощи со стороны преподавателей выпускающей кафедры ожиданиям абитуриента.

На вопрос «Соответствует ли реальная перспектива трудоустройства по специальности Вашим представлениям при поступлении в вуз?» часть выпускников отметила, что реальная потребность в профессии «Товаровед» в Омском регионе даже выше их ожиданий, что подтверждается достаточным наличием вакансий на Интерактивном портале государственной службы занятости населения Омской области.

Выявленные в ходе исследования расхождения между результатами образовательной услуги и ожиданиями абитуриентов обусловлены в том числе и тем, что в период продвижения образовательных услуг сформированы ожидания абитуриентов, не соответствующие действительности. Общепринятые маркетинговые инструменты вуза [19; 20] не всегда способны достоверно сформировать данные представления и ожидания из-за отсутствия наглядности и невозможности демонстрации элементов будущего процесса обучения и условий

выполнения профессиональной деятельности. Для устранения существующих несоответствий ниже представлены рекомендации по совершенствованию маркетинговых мероприятий вуза и формированию достоверных ожиданий абитуриента.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МАРКЕТИНГОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ВУЗА

С учетом вышесказанного, в целях совершенствования маркетинговых мероприятий вуза и формирования достоверных ожиданий абитуриента и его видения образовательной услуги и будущей профессии рекомендуется помимо общепринятых маркетинговых инструментов использовать в работе приемной комиссии следующие мероприятия по продвижению образовательной услуги:

– для формирования достоверного видения будущей профессии организовывать «выездные» дни открытых дверей на профильных предприятиях для всех заинтересованных сторон по выбранному направлению подготовки;

– организовывать круглые столы со специалистами по выбранному направлению подготовки и

- проводить ознакомительные экскурсии по желанию абитуриентов;
- организовывать экскурсии на профильные предприятия во время прохождения различных видов производственных практик студентами соответствующего направления подготовки. По согласованию с руководством предприятий давать будущим абитуриентам возможность погружаться в реальные условия осуществления будущего вида деятельности;
- вовлекать учащихся старших классов в профкружки, организованные вузом, по соответствующим направлениям подготовки;
- с целью роста доверия к представленной информации привлекать к профориентационной работе успешных выпускников соответствующего направления подготовки;
- вовлекать потенциальных абитуриентов в жизнь вуза и формировать «эффект присутствия» посредством вовлечения абитуриентов в научные мероприятия, конкурсы, олимпиады и т. д. наравне со студентами вуза;
- при работе с абитуриентом аргументированно обосновывать преимущества высшего образования за счет не только получения профессионального образования, но и формирования высокого общекультурного уровня;
- предоставлять возможность потенциальным абитуриентам присутствовать на различных видах занятий студентов, создавать условия участия абитуриентов в образовательном процессе;
- давать достоверную информацию о видах и формах текущего и промежуточного контроля, принятого в вузе;
- приводить примеры отрицательных последствий отсутствия образования (например, ограничение карьерного роста);
- обосновывать перспективы трудоустройства по специальности на базе данных, взятых с сайта государственной службы занятости населения Омской области.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе проведенных эмпирических исследований по вопросам соответствия оказанной образовательной услуги ожиданиям абитуриентов были выявлены показатели с наибольшей степенью расхождения результатов и ожиданий. Для уменьшения количества значительных расхождений и формирования достоверных ожиданий в статье разработаны мероприятия по совершенствованию маркетинговых мероприятий вуза. Данные мероприятия направлены на формирование достоверных ожиданий абитуриента и его видения образовательной услуги. Предварительные ожидания, представления и запросы абитуриентов впоследствии можно сравнить с будущими фактическими результатами оказания данной услуги. Именно степень расхождения ожиданий и результатов во многом определяет субъективную оценку выпускников качества образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладиллина И.П., Колесник В.В. Сущность и содержание научной категории «качество» // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 9-3. С. 541–544.
2. Авдашкин А.А., Пасс А.А. Подходы к определению «качество образования» // *Научно-методическое обеспечение оценки качества образования*. 2018. № 2. С. 21–26.
3. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М.: Стандартинформ, 2018. 58 с.
4. Волкова А.А. Сфера услуг: теоретический анализ // *Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета*. 2014. № 4. С. 11–16.
5. Казакова И.А. Показатели качества образовательных услуг вуза // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. 2016. Т. 11. С. 2901–2905.
6. Панченкова Л.С., Легких С.А. Специфические характеристики образовательной услуги и их влияние на разработку и внедрение СМК в вузе // *Совершенствование технологий обеспечения качества образования: опыт, проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-методической конференции*. Омск: Омский ГИС, 2008. С. 44–45.
7. Панченкова Л.С., Кацнель С.А. О проблеме сбалансированности требований основных групп потребителей образовательных услуг // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2014. № 3. С. 116–124.
8. Калдыбаев С.К., Бейшеналиев А.Б. Качество образовательного процесса в структуре качества образования // *Успехи современного естествознания*. 2015. № 7. С. 90–97.
9. Разов П.В., Амерсланова А.Н. Оценка качества и востребованности образовательных услуг высших учебных заведений с учетом мнения потребителей // *Власть*. 2018. Т. 26. № 9. С. 162–167.
10. Ермакова Ж.А., Никулина Ю.Н. Качество образования с позиции потребителей образовательных услуг вуза // *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 7. С. 725–734.
11. Третьякова Т.В., Игнатъев В.П., Бараксанова Е.А., Варламова Л.Ф. Качество образования как гарантия эффективности вуза // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 2. С. 163–171.
12. Филочева Т.А. Применение экспертных опросов при оценке удовлетворенности качеством образовательных услуг // *Научно-технический вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 3. С. 88–98.
13. Галлямов Р.Р., Кузнецова Ю.А. Качество высшего образования в представлениях его авторов: эволюция ведущих трендов в российском регионе (теоретический анализ проблемы) // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2017. № 3. С. 51–56.
14. Игнатъев В.П., Варламова Л.Ф., Степанов П.А. Привлечение студентов к оценке качества образования // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 12. С. 141–145.
15. Антонина Л.В., Панченкова Л.С. Качество образовательного процесса – результат взаимодействия видов деятельности образовательного учреждения // *Совершенствование технологий обеспечения качества образования: сборник статей Международной научно-практической конференции*. Омск: Омский ГИС, 2007. С. 13–15.
16. Антонина Л.В., Панченкова Л.С. О реализации подготовки специалистов конкурентоспособных на рынке труда // *Проблемы формирования профессиональных качеств современного специалиста в условиях*

модернизации высшего образования: тезисы докладов VI Международной научно-методической конференции. Кострома: Костромской гос. технол. ун-т, 2009. С. 172–175.

17. Кошевой О.С. Мониторинг удовлетворенности качеством образовательных услуг выпускников специальности «Экономическая безопасность» // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1. С. 69–76.
 18. ГОСТ Р 51305-2009. Услуги торговли. Требования к персоналу. М.: Стандартинформ, 2010. 11 с.
 19. Григорьянц И.А. Маркетинговое исследование категории «привлекательность» в обеспечении устойчивости вуза // Вестник Самарского муниципального института управления. 2011. № 1. С. 91–95.
 20. Бардасова Э.В. Особенности маркетинга в сфере образовательных услуг // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11. С. 133–135.
- REFERENCES**
1. Gladilina I.P., Kolesnik V.V. The essence and content of the scientific category of “quality”. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2015, no. 9-3, pp. 541–544.
 2. Avdashkin A.A., Pass A.A. Approaches to the definition of “quality of education”. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya*, 2018, no. 2, pp. 21–26.
 3. GOST R ISO 9000-2015. *Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozheniya i slovar: pereizdanie* [GOST R ISO 9000-2015. Quality management systems. Fundamentals and vocabulary: reissue]. Moscow, Standartinform Publ., 2018. 58 p.
 4. Volkova A.A. The sphere of services: a theoretical analysis. *Izvestiya Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 11–16.
 5. Kazakova I.A. Indicators of quality of educational services of the University. *Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2016, vol. 11, pp. 2901–2905.
 6. Panchenkova L.S., Legkikh S.A. Specific characteristics of educational services and their impact on the development and implementation of QMS at the University. *Sovershenstvovanie tekhnologii obespecheniya kachestva obrazovaniya: opyt, problemy i perspektivy: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Omsk, Omskiy GIS Publ., 2008, pp. 44–45.
 7. Panchenkova L.S., Katsiel S.A. About the problem of balancing the requirements of the basic groups of consumers of educational services. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 116–124.
 8. Kaldybaev S.K., Beyshenaliev A.B. Quality of educational process in the structure of the quality of education. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2015, no. 7, pp. 90–97.
 9. Razov P.V., Amerslanova A.N. Assessment of the educational services quality and relevance of higher education institutions, considering the consumers’ opinions. *Vlast*, 2018, vol. 26, no. 9, pp. 162–167.
 10. Ermakova Zh.A., Nikulina Yu.N. The quality of education from the viewpoint of consumers of educational services at the university. *Kreativnaya ekonomika*, 2017, vol. 11, no. 7, pp. 725–734.
 11. Tretyakova T.V., Ignatev V.P., Barakhsanova E.A., Varlamova L.F. Quality of education as a guarantee of the university’s effectiveness. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2017, no. 2, pp. 163–171.
 12. Filicheva T.A. The use of expert surveys in assessing satisfaction with the quality of educational services. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 3, pp. 88–98.
 13. Gallyamov R.R., Kuznetsova Yu.A. The Quality of higher education in the performances of his actors: the evolution of the leading trends in the Russian region (theoretical problem analysis). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 51–56.
 14. Ignatev V.P., Varlamova L.F., Stepanov P.A. Students’ involvement to assessment of education quality. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2016, no. 12, pp. 141–145.
 15. Antonina L.V., Panchenkova L.S. The Quality of the educational process is the result of the interaction of the activities of the educational institution. *Sovershenstvovanie tekhnologii obespecheniya kachestva obrazovaniya: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, Omskiy GIS Publ., 2007, pp. 13–15.
 16. Antonina L.V., Panchenkova L.S. On the implementation of training of specialists competitive in the labor market. *Problemy formirovaniya professionalnykh kachestv sovremennogo spetsialista v usloviyakh modernizatsii vysshego obrazovaniya: tezisy dokladov VI Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Kostroma, Kostromskoy gos. tekhnol. un-t Publ., 2009, pp. 172–175.
 17. Koshevoy O.S. Monitoring quality satisfaction in the sphere of educational services for graduates specializing in “economic security”. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, 2016, no. 1, pp. 69–76.
 18. GOST R 51305-2009. *Uslugi trgovli. Trebovaniya k personalu* [GOST R 51305-2009. Services of trade. Requirements for personnel]. Moscow, Standartinform Publ., 2010. 11 p.
 19. Grigoryants I.A. Marketing Research of the Category “Attractiveness” in Providing the Stability of the Higher Educational Establishment. *Vestnik Samarskogo munitsipalnogo instituta upravleniya*, 2011, no. 1, pp. 91–95.
 20. Bardasova E.V. Marketing peculiarities in the field of educational services. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2017, no. 11, pp. 133–135.

**MARKETING RESEARCH OF THE BELIEVABILITY OF EXPECTATIONS OF APPLICANTS
FOR ADMISSION TO A UNIVERSITY**

© 2019

L.S. Panchenkova, assistant professor of Chair of Commodity Research and Quality Examination

S.A. Katsiel, PhD (Sociology), assistant professor of Chair of Tourism, Hotel and Restaurant Business

L.V. Antonina, PhD (Engineering), assistant professor of Chair of Commodity Research and Quality Examination
Omsk State Technical University, Omsk (Russia)

Keywords: Omsk State Technical University; quality of educational services; educational service; requirements and expectations of users; believability of expectations of applicants; results correspondence to expectation; university marketing activities.

Abstract: Currently, all things being equal, the educational service quality is the determining factor in the choice of an educational institution for training. On the part of direct users (the students), the quality of educational services is evaluated on the basis of the subjective assessment and individual perception changing over time. This assessment depends as well on the degree of conformity of the results of education to the expectations of an applicant for admission. Moreover, these expectations of the students are formed in the period of such services promotion by the educational institutions. The conclusions of graduates about the quality of the educational service will be positive if the results of the study meet the expectations (or they are higher), or negative in the case the results are lower than their expectations.

The paper presents the results of the empirical research on the issues of the compliance of the educational service provided to the expectations of applicants for admission. The authors determined the degree of compliance based on the empirical studies carried out in the Institute of Design and Technologies of FSBEI of Higher Education "Omsk State Technical University". The degree of compliance of the service results to the expectations of graduates was evaluated according to the following scale: "the results are beyond expectations"; "completely comply" (the expectations are completely fulfilled); "comply" (the expectations are generally fulfilled); "partially comply"; "do not comply" (the expectations are not fulfilled).

Thus, the greatest discrepancies between the expectations and the learning results of the students were identified on the issues of their general understanding of a future profession, the forms and methods of training at the University, the types of independent work and the current assessment, the filling of the curriculum with disciplines and the organization of practices. Taking into account the results of the research, the authors developed the recommendations for improving the marketing activities of the University and the formation of the believable consumer expectations of students.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2019

Д.А. Тиунов, магистр*Ю.В. Дубровская*, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь (Россия)

Ключевые слова: рынок труда; занятость; безработица; причины безработицы; проблемы прогнозирования безработицы.

Аннотация: Благоприятная обстановка на рынке труда способствует экономическому и социальному развитию государства. В этой связи отношения между работниками и работодателями, формирующие уровень вовлеченности трудовых ресурсов в общественное воспроизводство, являются важнейшими макроэкономическими вопросами. Поэтому возникает объективная необходимость прогнозирования развития рынка труда и определения направлений и инструментов его регулирования.

В ходе анализа статистических данных показателей безработицы, а также темпов роста реального располагаемого денежного дохода граждан Российской Федерации за 2008–2018 гг. было выявлено планомерное снижение уровня безработицы на фоне ухудшающегося уровня жизни населения. Таким образом, официальный фактический уровень безработицы, публикуемый органами государственной статистики, не отражает реального положения дел на отечественном рынке труда. Поэтому гипотезой настоящего исследования стало то, что существует система неформальных институтов занятости, оказывающих серьезное влияние на фактический уровень безработицы.

Для интерпретации сложившейся противоречивой ситуации была проведена систематизация научных работ в области исследования рынка труда, произведена классификация неформальных институтов занятости, обусловленных: широкой samozанятостью населения; дискриминацией соискателей по половому признаку, возрасту и опыту работы; миграцией неквалифицированной рабочей силы в Россию; отсутствием профориентации; оптимизацией трудовых ресурсов в ряде промышленных отраслей и бюджетном секторе. В ходе работы определено влияние неформальных институтов на основные виды безработицы и сформулированы выводы, позволяющие прогнозировать изменение ситуации на рынке труда в современных условиях цифровизации системы хозяйствования. В качестве основного направления дальнейших исследований определен неформальный институт «оптимизация трудовых ресурсов».

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с XVIII в. исследователи не прекращают попытки определения безработицы, а также методов борьбы с ней. Возможность оценки состояния рынка труда для прогнозирования базовых макроэкономических показателей, особенно в условиях затянувшегося мирового кризиса, важна для любой страны. К одним из наиболее острых последствий кризиса относят уровень безработицы и занятости населения, по которым отслеживают текущее состояние экономики.

Безработица, вызываемая ростом samozанятости населения, исследована в работах [1; 2]. Из них следует, что основными проблемами samozанятости являются сложности контроля, прогнозирования, регулирования данного явления и недополученные налоги [1], а одной из главных причин возникновения samozанятости являются кризисные состояния общества, которые ведут к стимулированию samozанятости [2]. Наличие дискриминации при трудоустройстве рассмотрено в работах [3–6]. Обобщая изложенные в них основные моменты, можно сделать вывод, что причинами безработицы становятся наличие дискриминации женщин в современных трудовых отношениях [3], рост молодежной безработицы [4], низкие заработные платы [5], а также несоответствие структуры спроса на рынке труда и рынке образовательных услуг [4]. Миграция низкоквалифицированной рабочей силы влечет за собой обесценивание человеческого капитала [7], что, в свою очередь, ведет к безработице местного населения [8]. Авторы [11; 12] считают, что наличие опыта профориентации, хорошо

демонстрировавшего себя в советское время, позволит сократить безработицу и обеспечить долгосрочное сотрудничество между работником и работодателем. Безработица с точки зрения оптимизации трудовых ресурсов рассмотрена в работах [13; 14]. В данных исследованиях отмечают неизбежность вымирания к 2030 году 50 % имеющихся профессий, а также необходимость переобучения большого количества населения, что может привести к безработице на уровне 7,5 % [13; 14].

Цель исследования – оценка влияния формальных и неформальных институтов на показатели занятости на основе систематизации научных трудов и соответствующих статистических данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде всего, рассматривая факторы, влияющие на рынок труда, обратимся к понятию институтов, под которыми понимаем организованную систему правил и социальных норм общества, или «некие ограничительные рамки, созданные человеком, в пределах которых люди взаимодействуют между собой» [15, с. 17].

Для разграничений степени формализованности системы взаимодействия связей на рынке труда и более подробного изучения всех элементов данной системы, институты рынка труда были разделены нами на формальные и неформальные. Формальным институтом можно считать результат формализованных взаимосвязей элементов системы, основанных на существующих нормах и правилах и регулирующих действующими

законами и нормативно-правовыми актами. При невозможности отражения результатов взаимосвязи в законах и правилах возникают так называемые неформальные институты. Несмотря на то, что неформальные институты отражают спонтанно сложившуюся систему связей, они, как и формальные институты, играют важную роль при выстраивании отношений между субъектами экономических отношений [16].

Таким образом, все множество причин безработицы формируется под действием как формальных, так и неформальных институтов рынка труда. При этом к формальным институтам можно отнести базовые нормативно-правовые акты в области занятости, а также внутренние документы предприятий; к неформальным – различные процессы и явления, влияющие на уровень безработицы, но не закрепленные нормами права.

Так, в соответствии со статьей 3 закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. 03.07.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. Важным моментом здесь является необходимость граждан регистрироваться в службе занятости. Вместе с тем бумажная волокита, связанная со сбором документов, а также низкий уровень пособия по безработице не сильно стимулируют граждан обращаться в соответствующие органы для признания их безработными и дальнейшего подтверждения этого статуса. В результате формируется значительная разница между фактическим и реальным уровнем безработицы. В этом можно убедиться, наблюдая снижения фактического уровня безработицы (рис. 1) на фоне снижения реально располагаемого дохода населения.

Как видно из рис. 1, несмотря на кризисную ситуацию в стране в последние годы, уровень безработицы

снизился. Вместе с тем фактический уровень безработицы лишь отражает количество зарегистрированных людей в центрах занятости, не учитывая реальную цифру находящихся без работы лиц.

Таким образом, влияние неформальных институтов на причины возникновения безработицы очевидно. В таблице 1 представлены результаты систематизации научных трудов в области изучения неформальных причин безработицы. Мы выделили 5 групп причин, искажающих фактический уровень безработицы: неформальная занятость населения; дискриминация соискателей по половому признаку, возрасту и опыту работы; миграция неквалифицированной рабочей силы в Россию; отсутствие профориентации; процессы оптимизации трудовых ресурсов в ряде промышленных отраслей и бюджетном секторе.

В первой группе исследователей, которые видят основную проблему безработицы в неформальном трудоустройстве, выделим Р.Л. Агабекян, которая назвала четыре основных аспекта формирования данной проблемы в современных условиях. В качестве первого аспекта она отметила невозможность полного контроля рынка труда. В качестве второго – проблему в законодательной базе, которая не всегда обеспечивает экономическую и социальную свободу, а также не обеспечивает защиту прав всех субъектов рыночных отношений. Было отмечено и отсутствие оптимального количественно-качественного соотношения продавцов и покупателей рабочей силы на рынке труда. Третий аспект связан с противоречиями, вызванными, с одной стороны, наличием возможностей для поиска или создания занятости работниками и работодателями, а с другой – ограниченностью выбора. Четвертый аспект связан с легализацией неформальной занятости [1].

Другой исследователь первой группы обращает внимание на самозанятость, считая ее перспективным

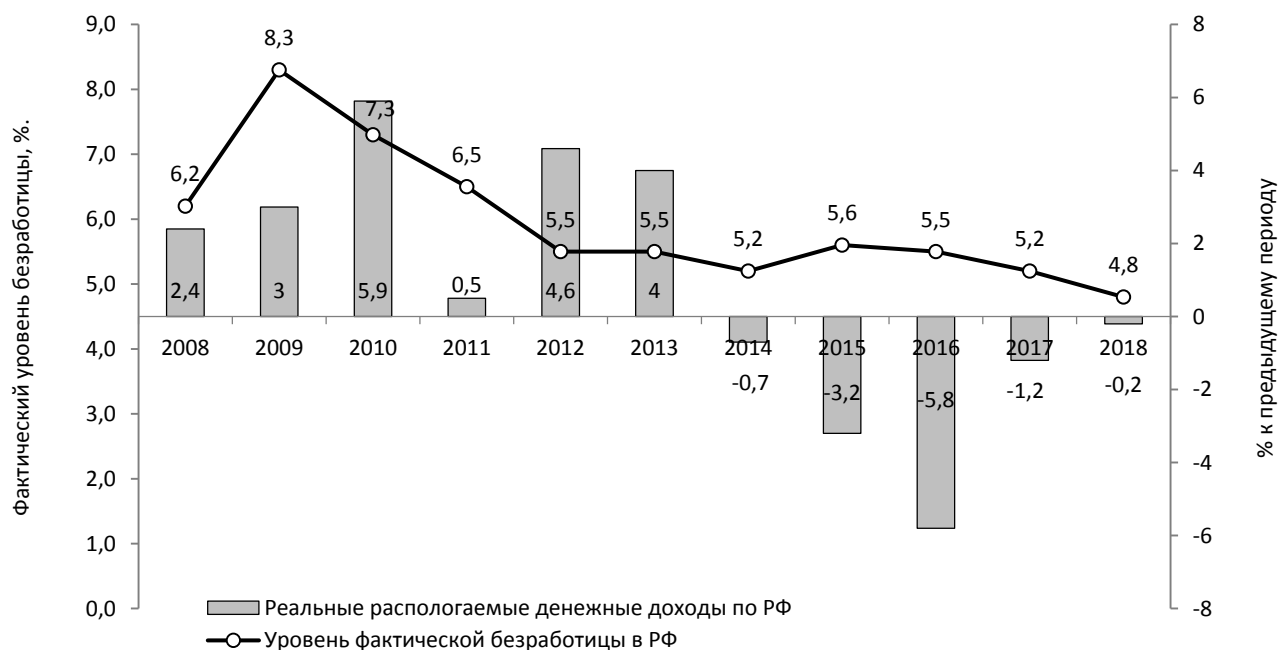

Рис. 1. Уровень безработицы и темп роста реального располагаемого денежного дохода граждан в РФ за 2008-2018, % [3; 4]

Таблица 1. Систематизация исследований неформальных институтов рынка труда

№	Неформальные институты	Влияние на виды безработицы	Проблематика	Авторы
1	Неформальная самозанятость населения	Фрикционная безработица, циклическая безработица	Сложности контроля, прогнозирования, регулирования, недополученные налоги. Кризисное состояние общества стимулирует развитие самозанятости	Р.Л. Агабекян [1]; Е.В. Королева [2]
2	Дискриминация соискателей по половому признаку, возрасту и опыту работы и уровню образования	Фрикционная безработица	Рост молодежной безработицы. Несмотря на более высокую долю образованности женщин, им сложнее устроиться на работу. Руководящие должности в основном занимают мужчины. Отказ работодателей в приеме на работу без объяснения причин	Л.А. Кравченко [3]; Н.В. Безлепкина [4]; Э.Ф. Хузиева [5]; Т.А. Лавриненко [6]
3	Миграция неквалифицированной рабочей силы в Россию, мобильность населения	Структурная безработица	Обесценивание человеческого капитала из-за миграции ведет к увеличению безработицы среди населения России. Незаинтересованность сторон в официальном оформлении трудовых отношений	Н.А. Орлова [7]; Н.П. Неклюдова [8]; Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская [9]; Е.В. Антонов [10]
4	Отсутствие профориентации	Структурная безработица	Необходимость сотрудничества профконсультантов службы занятости с представителями образовательных учреждений и работодателями для предотвращения молодежной безработицы	С.А. Рамазанов [11]; Н.А. Волонина [12]
5	Оптимизация трудовых ресурсов	Структурная безработица	Замена существующих вакансий и необходимость переобучения. Вытеснение человека роботами	Ю.Е. Шатило, Е.С. Копкова [13]; Д.В. Круглов, А.М. Воротынская, Е.А. Поздеева [14]

направлением решения проблемы занятости населения в России. Автор отмечает, что во времена кризиса общество способно к организации самозанятости. Таким образом, самозанятость характеризуется как возможность реинтеграции безработных людей в социум [2].

Исследователи второй группы рассматривают проблему дискриминации на рынке труда в разных ее проявлениях, а именно – гендерное неравенство, возрастные предпочтения, наличие опыта работы и уровня образования. В частности, Л.А. Кравченко в своем исследовании анализирует виды дискриминации женщин при трудоустройстве. Она отмечает, что даже при более высоком профессиональном уровне образования женщин (включая занятых), в связи с дискриминационными практиками работодателей, положение и статус женщин характеризуется «социальной пирамидой», отражающей факт того, что чем выше статус рабочего места, тем ниже доля работников женского пола [3].

Другой исследователь данной группы, Н.В. Безлепкина, рассматривает проблемы дискриминации молодежи на рынке труда. Автор отмечает, что более половины безработных являются людьми в возрасте до 35 лет. Так, по данным на 2009 г., этот показатель достигает 51,7 %. Если детализировать безработицу, то можно увидеть, что 21,8 % безработных приходится на молодежь в возрасте от 20 до 24 лет и составляет в целом 42 % от количества безработных в возрасте до 35 лет. Кроме того, в качестве основных причин первичной безработицы выделяются требования работодателей к наличию опы-

та работы, а также несоответствие структуры спроса на рынке труда и на рынке образовательных услуг [4].

Еще один исследователь из второй группы провел опрос 176 безработных респондентов, зарегистрированных на бирже труда [5]. Респондентам был задан вопрос о том, каковы, на их взгляд, основные причины отказа в приеме на работу со стороны работодателя, а также о том, каковы причины отказа самих работников от предлагаемых мест трудоустройства. Результаты опроса представлены в таблице 2. На основе данных таблицы 2 можно говорить о том, что главной причиной отказа от работы вне зависимости от пола соискателя является низкая заработная плата.

Исследователь второй группы в работе [6] анализирует уровень безработицы людей с высшим, средним общим и основным общим образованием. За рассматриваемый период с 2000 до 2014 г. автором был выявлен рост безработицы среди людей с высшим образованием с 13,3 до 18,2 %. Причиной такого роста автор называет то, что при отсутствии опыта работы соискатели не хотят идти на низкооплачиваемую работу. Данное суждение подкрепляется примерами вакансий на сайте HeadHunter, где начинающим специалистам предлагается заработная плата в районе 10 000 рублей. Несмотря на это, наибольший процент безработицы наблюдается среди людей со средним общим образованием, за рассматриваемый период показатель изменился незначительно (в пределах 31–34 %). По мнению автора, это связано с тем, что такие соискатели, не

Таблица 2. Основные причины невостребованности рабочих мест и рабочей силы [5]

Со стороны работодателя (невостребованность рабочей силы)	Со стороны работника (невостребованность рабочих мест)
<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие стажа работы (52 % мужчин и 26 % женщин) – Отсутствие необходимого образования (32 % мужчин и 14 % женщин) – Возрастные характеристики (22 % мужчин и 40 % женщин) – Несоответствие требованиям по гендерной принадлежности (2 % мужчин и 16 % женщин) – Наличие маленьких детей (4 % мужчин и 24 % женщин) 	<ul style="list-style-type: none"> – Низкая заработная плата (82 % мужчин и 62 % женщин) – Наличие плохих условий труда (14 % мужчин и 8 % женщин) – Ненормированный рабочий день (14 % мужчин и 10 % женщин)

обладая достаточными теоретическими и практическими знаниями, претендуют на высокую заработную плату. Отмечается также снижение уровня безработицы среди людей с основным общим образованием (с 14,1 до 9,6 %), что связано с низкими требованиями к уровню заработной платы и отсутствием цели самореализации.

Кроме того, выделяется проблема недостаточности общего образования, предполагающего изучение программ 10–11 классов в колледжах и техникумах. Студенты вынуждены за короткие сроки освоить двухгодичную программу, что негативно влияет на качество образования.

Исследователи третьей группы считают, что важной причиной безработицы является миграция неквалифицированной рабочей силы в Россию. Так, Н.А. Орлова выделяет традиционные и нетрадиционные виды занятости. Часто миграционные потоки являются специфической рабочей силой, которую можно нанимать или увольнять в короткие сроки. Причем часто в «серых» схемах занятости заинтересованы не только работодатели, но и сами мигранты. В качестве таких причин выступают возможности получения работы и более высокой заработной платы за счет экономии на налогах. Таким образом, проблема безработицы среди населения страны частично связана с обесцениванием человеческого капитала трудовыми мигрантами [7].

Отметим работу Н.П. Неклюдовой, согласно которой миграция ведет к росту безработицы местного населения [8], и работу Н.В. Мкртчана и Ю.Ф. Флоринской, где приведен количественный анализ международной миграции в России. Так, согласно полученным данным, численность международных мигрантов на 2018 г. составляет от 4 до 5 млн человек одновременно, или порядка 6–7 % от численности занятого населения РФ [9]. Авторы отмечают нежелание работодателей официально трудоустраивать мигрантов, что, в свою очередь, приводит к недополучению налогов в бюджеты бюджетной системы РФ. В работе [10] проведен анализ трудовой миграции населения и выявлена возможность оптимизации рынков труда отдельных территорий путем использования географических особенностей распределения трудовой мобильности населения, определенных в ходе всероссийской переписи населения в 2010 г. Сделать это можно с помощью мер, направленных на развитие рабочих мест в регионах, где предложение труда избыточно, или на повышение мобильности населения в регионах, где оно затруднено по объективным причинам [10].

К четвертой группе исследователей нами были отнесены ученые, которые видят проблему безработицы

в отсутствии профориентации. В исследовании [11] отмечается значимость профориентационной работы с молодежью в службе занятости, описываются применяемые органами службы занятости мероприятия, действующие занятости населения и т. д. Н.А. Волонина отмечает недостаточность финансирования разработки программ повышения востребованности выпускников на рынке труда. По мнению автора, существует необходимость сотрудничества профконсультантов служб занятости с представителями образовательных учреждений и работодателями для успешного и долгосрочного трудоустройства [12].

Пятая группа исследователей в качестве базовой причины безработицы на современном этапе развития отмечает процессы оптимизации трудовых ресурсов. В условиях мировой глобализации Россия, не отставая от мировых тенденций, движется в направлении оптимизации трудовых ресурсов, которая может объективно привести к увеличению безработицы. Так, в работах [13; 14] рассматривается неизбежный путь движения России к достижению пятого и шестого технологических укладов, а именно цифровизации экономики. В соответствии с положительным прогнозом состояния рынка труда в эпоху технологических сдвигов, который закончится в 2025 г., предполагается, что новые технологии приведут к сокращению 610 000 рабочих мест, но, в свою очередь, появятся новых 960 000 вакансий. При этом доля населения, имеющего цифровые навыки, составит 40 %.

Отрицательный прогноз влияния на безработицу заключается в тенденции «вымирания» 50 % имеющихся профессий к 2030 г. При этом перспектива обучения высвободившейся рабочей силы не прозрачна. Уровень безработицы может достигнуть уровня в 7,5 % и выше в связи с роботизацией человеческого труда. В качестве решения указанной проблемы безработицы предлагается продумать соответствующие меры области образования, в том числе путем разработки специализированных программ переквалификации и непрерывного обучения.

Количество рабочих мест сильно ограничено, о чем говорится в докладе, размещенном на сайте Forbes: из 7 млрд человек, живущих на земле, 3,5 трудоспособны, но рабочие места существуют только для 1,4 млрд. Эта разница в дальнейшем лишь увеличится из-за процессов цифровизации экономики [19].

Применение новейших цифровых технологий повышает эффективность факторов производства, в том числе трудовых ресурсов. Одновременно цифровизация приводит к поляризации на рынке труда, которая выражается в высвобождении человеческих ресурсов и повышении конкуренции за низкооплачиваемые рабочие места

в сферах, не связанных с информационными и коммуникационными технологиями, что ведет к так называемой «технологической безработице» [20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе настоящего исследования был произведен анализ статистических данных показателей рынка труда, а также темпов роста реального располагаемого денежного дохода граждан Российской Федерации за 2008–2018 гг. В результате была выявлена стабилизация уровня безработицы на ее естественном уровне на фоне постоянно снижающегося уровня жизни населения.

Для адекватной интерпретации сложившейся противоречивой ситуации нами проведена систематизация научных трудов в области исследования рынка труда, произведена классификация неформальных институтов занятости и выявлено, что официальный фактический уровень безработицы, публикуемый органами государственной статистики, не отражает реального положения дел на отечественном рынке труда.

ВЫВОДЫ

Сложившаяся система неформальных институтов занятости оказывает серьезное влияние на фактический уровень безработицы.

Проведенная систематизация научных работ выявила отсутствие единого мнения относительно причин безработицы. Нивелирование ряда причин безработицы может быть произведено путем перехода к практико-ориентированному образованию с использованием инструментов профориентации. Решение других проблем требует проведения дополнительных исследований, что осложняется проблемой сбора необходимой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о неформальных институтах, в частности об оптимизации трудовых ресурсов в условиях цифровизации экономики России, стоит отметить наличие как микро-, так и макроданных, позволяющих не только провести количественный анализ, но и сделать прогнозы развития рынка труда, а также определить соответствующие направления и инструменты его регулирования. Данная задача актуализируется тем, что процессы цифровизации в ближайшей перспективе объективно окажут влияние на рынок труда. Поэтому в качестве основного направления дальнейших исследований нами определен неформальный институт «оптимизация трудовых ресурсов».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00562.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агабекян Р.Л. Роль и значение неформальной занятости в экономике современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 443–451.
- Королева Е.В. Самозанятость населения как фактор снижения уровня безработицы в стране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3. С. 277–282.
- Кравченко Л.А. Гендерная дискриминация в сфере занятости // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 139–142.
- Безлепкина Н.В. Молодежная незанятость в системе форм безработицы // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2011. № 3. С. 5–10.
- Хузиева Э.Ф. Проблема безработицы и пути её решения: гендерный аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 299–301.
- Лавриненко Т.А. Влияние образования на уровень безработицы в России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 3. С. 127–130.
- Орлова Н.А. Нестандартные формы занятости как фактор изменения человеческого капитала: Анализ неквалифицированной трудовой миграции в Россию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 156–170.
- Неклюдова Н.П. Опыт управления миграцией работников с низкой квалификацией в странах ОЭСР // Экономика региона. 2010. № 2. С. 90–94.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 186–193.
- Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным всероссийской переписи 2010 года // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 54–63.
- Рамазанов С.А. Профориентационная работа с молодежью в условиях службы занятости // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 3. С. 75–77.
- Волонина Н.А. Безработица молодежи // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 1. С. 9–14.
- Шатило Ю.Е., Копкова Е.С. Занятость и безработица в условиях цифровой экономики // Теория. Практика. Инновации. 2017. № 10. С. 66–77.
- Круглов Д.В., Воротынская А.М., Поздеева Е.А. Влияние роботизации на рынок труда // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6. С. 101–105.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. 190 с.
- Перский Ю.К., Дубровская Ю.В. Институциональное обеспечение гармонизации интересов в системе иерархических взаимосвязей экономики // Вестник Пермского университета. Серия: экономика. 2011. № 1. С. 24–36.
- Федеральная служба государственной статистики. URL: gks.ru.
- О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки: бюллетень департамента исследований и прогнозирования. М.: Департамент исследований и прогнозирования ЦБ РФ, 2019. 51 с.
- Как цифровая трансформация изменит рынок труда в России // Forbes+1. URL: forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformaciya-izmenit-rynok-truda-v-rossii.
- Марьина Е.Ю. Цифровое пространство: противоречия становления и развития // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 335–339.

REFERENCES

1. Agabekyan R.L. Role and relevance of the informal self-employment in the current Russian economy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, no. 11, pp. 443–451.
2. Koroleva E.V. Self-employment of Population as a Factor of Decreasing the Unemployment Level in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2008, no. 3, pp. 277–282.
3. Kravchenko L.A. Gender discrimination in the sector of employment. *Izvestiya rossyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 69, pp. 139–142.
4. Bezlepina N.V. Youth unemployment in the system of forms of unemployment. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2011, no. 3, pp. 5–10.
5. Khuzieva E.F. The Problem of Unemployment and Ways to Solve It: the Gender Dimension. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2016, no. 2, pp. 299–301.
6. Lavrinenko T.A. Influence of education on the unemployment rate in Russia. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy*, 2017, no. 3, pp. 127–130.
7. Orlova N.A. Non-standard forms of employment and changes in human capital: analysis of the unskilled labor migration to Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2017, no. 1, pp. 156–170.
8. Neklyudova N.P. Experience by the OECD countries related to management of common labor migration. *Ekonomika regiona*, 2010, no. 2, pp. 90–94.
9. Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2018, no. 1, pp. 186–193.
10. Antonov E.V. Labor mobility of the population in Russia (according to the 2010 all-Russian census data). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, 2016, no. 2, pp. 54–63.
11. Ramazanov S.A. Career-guidance works with the youth in the conditions of employment service. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2011, no. 3, pp. 75–77.
12. Volonina N.A. Youths Unemployment. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2012, no. 1, pp. 9–14.
13. Shatilo Yu.E., Kopkova E.S. Employment and unemployment in the digital economy. *Teoriya. Praktika. Innovatsii*, 2017, no. 10, pp. 66–77.
14. Kruglov D.V., Vorotynskaya A.M., Pozdeeva E.A. The impact of robotics on the labor market. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, no. 6, pp. 101–105.
15. Nort D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi Nachala Publ., 1997. 190 p.
16. Perskiy Yu.K., Dubrovskaya Yu.V. Institutional provision of interests harmonization in the system of hierarchic interrelations of the economy. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: ekonomika*, 2011, no. 1, pp. 23–36.
17. *Federal State Statistics Service*. URL: gks.ru.
18. *O chem govoryat trendy. Makroekonomika i rynki: byulleten departamenta issledovaniy i prognozirovaniya* [What are the trends speaking about? Macroeconomics and markets: bulletin of the department of research and forecasting]. Moscow, Departament issledovaniy i prognozirovaniya TsB RF Publ., 2019. 51 p.
19. How the digital transformation will change the labor market in Russia. *Forbes+I*. URL: forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/371537-kak-cifrovaya-transformatsiya-izmenit-rynok-truda-v-rossii.
20. Marina E.Yu. Digital space: contradictions of formation and development. *Molodiy vcheniy*, 2016, no. 9, pp. 335–339.

SYSTEMATIZATION OF UNEMPLOYMENT CAUSES: THE INSTITUTIONAL ASPECT

© 2019

D.A. Tiunov, graduate student

Yu. V. Dubrovskaya, PhD (Economics), assistant professor of Chair of Economics and Finance
Perm National Research Polytechnic University, Perm (Russia)

Keywords: labor market; employment; unemployment; unemployment causes; unemployment prediction problems.

Abstract: The favorable labor market environment contributes to the economic and social development of the state. In this regard, the relations between employees and employers, which form the level of involvement of labor resources in social reproduction, are the most important macroeconomic issues. Therefore, there is an objective need to predict the development of the labor market and determine the directions and tools of its regulation.

The analysis of statistical data on unemployment rates, as well as the rate of growth of real disposable income of citizens of the Russian Federation for 2008–2018, revealed a systematic decline in unemployment against the deteriorating living standards of the population. Thus, the official actual unemployment rate published by the state statistics bodies does not reflect the real situation on the domestic labor market. Therefore, the hypothesis of this study is that there is a system of informal employment institutions that have a serious impact on the actual unemployment rate.

To interpret the current contradictory situation, the authors systematized scientific works in the field of labor market research, classified informal employment institutions caused by the wide self-employment of the population, discrimination of applicants on the basis of gender, age and work experience; migration of unskilled labor to Russia; lack of career guidance; optimization of labor resources in a number of industrial sectors and the public sector. In conclusion, the authors determined the impact of informal institutions on the main types of unemployment and formulated conclusions that allow predicting changes in the labor market in modern conditions of digitalization of the economic system. The informal institute “optimization of labor resources” is defined as the main direction of further research.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2019

Л.Г. Уляшева, старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и аудит»
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Ключевые слова: учетная модель лесозаготовок; добыча природных ресурсов; лесозаготовительная деятельность; предразведывательная деятельность; ПБУ 24/2011; МСФО; РСБУ.

Аннотация: Кризисное финансовое состояние организаций лесозаготовительной отрасли требует пересмотра подходов к управлению этой сферой добывающей деятельности. В условиях динамично меняющейся экономической среды у пользователей учетной информации, выступающей основным информационным обеспечением принятия решений, появляются повышенные требования к качеству формируемых показателей. Актуальность разработки для лесозаготовительной деятельности учетной модели усиливается сближением РСБУ с МСФО, которые предъявляют определенные требования к представлению добывающей деятельности в финансовой отчетности.

Работа посвящена выявлению проблем в учете процесса добычного природопользования, которые не позволяют точно отражать реальную хозяйственную действительность лесозаготовок и тем самым снижают ценность учетных сведений для пользователей информации. Решение данных проблем предлагается осуществить путем моделирования экономической деятельности, которое является общепризнанным средством получения качественной информационной базы и эффективной работы с ней.

Обзор предписаний документов международного значения, регулирующих составление отчетности добывающими компаниями, позволил выработать критерий, соблюдение которого способствует преодолению выявленной некомплексности действующего подхода и повышению степени достоверности представления в учете добычи природных ресурсов. С помощью проведенного анализа положений российской отраслевой методологии учета определены ограничения ее применения для создания требующейся пользователям корректной картины добычного процесса. Оценка возможности приведения российских правил учета в соответствие с международными требованиями проведена автором путем предварительной систематизации практических действий, характерных для исследуемой отрасли, и последующей группировки движения ресурсов по этапам добывающей деятельности на основе выработанного критерия. Это позволило сформировать бухгалтерскую модель лесозаготовок, соответствующую объективной экономической действительности и наилучшим образом удовлетворяющую потребности пользователей в получении качественной информации для принятия решений.

ВВЕДЕНИЕ

Большинство действий экономических субъектов, находящихся как внутри, так и за пределами конкретной компании, совершаются на основе принятия решений, обоснованных данными бухгалтерского учета и отчетности. Ситуация вполне закономерная, поскольку создаваемая бухгалтерская система данных является общепризнанной информационной моделью, призванной отражать экономическую суть происходящих бизнес-процессов. Однако с развитием институциональных, общественных, технических, технологических и других видов отношений меняются запросы пользователей к качеству формируемого учетом информационного фонда. В связи с этим обстоятельством попытки создать наиболее оптимальную и совершенную учетную модель хозяйственной деятельности никогда не теряют своей актуальности.

В современных условиях, по мнению О.Ю. Щербаковой, когда бухгалтерский учет выступает компонентом экономической кибернетики, основным объектом моделирования должна являться деятельность организаций и нормативно-правовое регулирование в области учета как фактор, активно влияющий на успешность функционирования компаний [1]. И.Д. Чмиль указывает, что учетная модель должна быть таким отражением хозяйственного процесса, построенного на абстрагировании от бухгалтерских регистров, которое выявляет ключевые составляющие объекта моделирования [2].

В свою очередь, А.Е. Ковалев отмечает, что принятие управленческих решений тесно связано с прогнозированием, напрямую зависящим от структуры и полноты сформированных бухгалтерских показателей [3]. Таким образом, основным критерием качества используемой учетной информации можно считать возможность оценки на ее основе будущего развития событий для выработки оптимального решения. В этой связи перспективная цель бухгалтерского учета видится не в простом отражении ретроспективы хозяйственной деятельности, а в создании базы релевантных данных, необходимых для принятия эффективных решений.

К сожалению, проводимые нами в настоящее время исследования показывают, что в лесозаготовительной отрасли уже давно сложилась ситуация несоответствия формируемого бухгалтерским учетом информационного фонда запросам своих внешних и внутренних пользователей [4; 5]. На преодоление различных аспектов указанной проблемы в свое время были направлены работы Э.Ю. Свиридова [6], С.Б. Жемулина [7] и других исследователей. Становится очевидным, что в рыночных условиях хозяйствования в лесозаготовках давно была потеряна взаимосвязь между учетом и управлением, влияющая на качество принимаемых решений. Это обстоятельство подтверждается высказыванием Е.В. Морозовой: «Современная система бухгалтерского учета не в полной мере отражает особенности финансово-хозяйственной деятельности добывающих предприятий, в том числе лесозаготовок» [8, с. 83]. Результатом

является неблагоприятное финансовое состояние отрасли на общероссийском уровне, отмечаемое нами и многими другими авторами [9; 10]. В наших предыдущих исследованиях уже указывалось, что в условиях современных пользовательских запросов настоятельно требуются разработки единых принципов учета деятельности добывающих организаций на каждой стадии добычных работ [11]. Таким образом, можно предположить, что решение обозначенной проблемы находится в плоскости моделирования современного процесса добычи природных ресурсов.

Помимо сугубо российских отраслевых проблем, особой актуальностью в настоящее время обладает вопрос унификации учетных правил для всего добывающего сектора мировой экономики. Для обеспечения прозрачности и сопоставимости данных, представляемых в бухгалтерской финансовой отчетности, также необходимо создание единой модели финансового учета для добывающей деятельности. Это требование связано с тем, что классический вариант финансового учета, нацеленный на регулирование стандартных для всех отраслей вопросов, не позволяет качественно сформировать и представить в отчетности полезные экономические показатели, соответствующие специфике добычи.

Действительно, особенности хозяйственной деятельности по добыче различных природных ресурсов всегда обуславливали разработку для этого вида бизнеса на международном и на национальном уровне отдельных стандартов учета, содержащих такие требования, которые помогали бы добывающим компаниям представлять пользователям качественную информацию с учетом отраслевой специфики.

Однако следует отметить, что все ведущие до настоящего времени международные разработки и обсуждения в этом направлении связаны только с минеральными и нефтегазовыми запасами. Разработки же для лесозаготовок, тоже относящихся к добывающим отраслям и выступающих пусть не такой значительной по сравнению с горнодобывающей и нефтегазовой отраслью, но всё же являющихся не менее важной составляющей международных рынков капитала, отсутствуют вовсе. Е.В. Морозова отмечает, что отсутствие в международных стандартах финансовой отчетности (МСФО) указаний на лесные ресурсы в большей степени свидетельствует не об исключении этого ресурса из области бухгалтерского учета, а об отсутствии внимания разработчиков к этому виду природных ресурсов [12].

Тем не менее добывающими отраслями промышленности на международном уровне признаются отрасли, «вовлеченные в обнаружение, извлечение и связанную с этим переработку природных ресурсов, расположенных на земной коре, внутри или вблизи нее» [13]. В соответствии с этим определением лесозаготовительная деятельность совершенно определенно является частью добывающего направления хозяйственной деятельности человечества. Следовательно, можно предположить, что и бухгалтерское представление лесозаготовок тоже должно соответствовать общемировому подходу к схематизации добычной деятельности. Это означает, что в условиях современных пользовательских запросов для достижения единого подхода к корректному представлению в учете и отчетности деятельности по добыче природных ресурсов, для повышения точно-

сти, достоверности и сопоставимости по отрасли формируемых отчетных показателей необходима корреляция технологии процесса лесозаготовления с международными учетными подходами, применяемыми к добывающему процессу в целом.

Цель исследования – разработка бухгалтерской модели лесозаготовительной деятельности, обладающей высокой прогностической функцией на основе соответствия выработанным международным учетным правилам.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО УЧЕТА В ДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Решение проблемы усложняется тем, что международные стандарты финансовой отчетности содержат пока только один стандарт, раскрывающий порядок учета затрат на добывающих предприятиях, – МСФО (IFRS) 6 «Разведка и оценка запасов полезных ископаемых» [14]. Но и он носит промежуточный характер, поскольку действует на период до окончания работ, связанных с созданием подробного руководства по составлению отчетности для добывающей отрасли по МСФО и касается лишь того блока, который связан с разведкой и оценкой (РиО) запасов минеральных ресурсов.

Данная ситуация подтверждает, что, в силу своей сложности и специфичности, вопросы учета и отчетности в добывающих отраслях, как отмечают многие исследователи проблем учета добычного процесса, не имеют пока единого комплексного руководства [15–17]. Требуются приемлемые решения для устранения «белых пятен» в стандартах мирового уровня. Эти вопросы были включены в рабочую программу Комитетом по МСФО ещё в 1998 году, но так до сих пор окончательно не урегулированы. В частности «в апреле 2010 г. Совет по МСФО опубликовал документ для обсуждения "Добывающая деятельность". В нем представлены результаты исследования и содержится точка зрения группы разработчиков проекта» [18]. Указанный проект предлагает решение многих специфических отраслевых проблем, направленных на повышение прозрачности и сопоставимости показателей финансовой отчетности, но работа над ним ещё продолжается.

Тем не менее МСФО для целей учета деятельность по добыче природных ресурсов рекомендует разделять на следующие этапы: предразведывательная деятельность; разведка и оценка запасов природных ресурсов (РиО); разработка месторождения и добыча ресурсов; закрытие месторождения и выполнение восстановительных работ.

Однако, как было указано выше, в мировом учетном пространстве в настоящее время отсутствует общий стандарт для всего добывающего сектора, предусматривающий конкретный порядок отражения операций по выделенным стадиям. Специального документа, регламентирующего учет в лесной отрасли и учитывающего дополнительно технологические особенности процесса лесозаготовки, тоже не разработано. Вследствие этого, все добывающие предприятия для ведения учета и решения возникающих вопросов по всем этапам, кроме РиО, и представления по ним в финансовой отчетности данным руководствуются общими учетными стандартами, не учитывающими ни отраслевую, ни технологическую специфику. В случае отсутствия подходящих положений варианты учета разрабатываются самостоятельно.

Такая разноплановость мешает в первую очередь достижению сопоставимости показателей отчетности предприятий данной отрасли.

Кроме того, как справедливо обращает внимание О. Афанасьева, на практике перечисленные выше «этапы могут следовать друг за другом, а могут частично пересекаться» [17, с. 38]. Действительно, принципиальной границей между разведывательным этапом работ и работами по РиО считается лицензия на разведку, полученная после произведенных разведывательных работ. Или доказанная и официально задокументированная техническая осуществимость и коммерческая целесообразность добычи природных ресурсов будет являться важным разделителем между РиО и этапом добычи ресурсов для правильного отражения затрат в учете и отчетности. Но экономическая реальность такова, что иногда либо работы по РиО проводятся до обозначенной даты их начала, либо после окончания проведения РиО возникает необходимость в их дополнении – уже в процессе осуществления добычи. В таких обстоятельствах действующий стандарт IFRS 6 недействителен, несмотря на то, что его разработчиками было обозначено, что он должен регулировать только учет понесенных затрат, связанных с РиО. Описанная ситуация является результатом одновременного четкого ограничения сферы его применения – от момента получения предприятием юридических прав на производство разведочных работ на определенной территории до того момента, когда стали очевидны техническая осуществимость и коммерческая целесообразность добычи полезных ископаемых. Практическое применение данного правила зачастую нарушает связь результатов проведенных мероприятий с будущими экономическими выгодами и, соответственно, дезинформирует пользователей относительно достоверности полученных экономических показателей. Поэтому, на наш взгляд, для корректного отражения в учете и отчетности информации об осуществляемых этапах процесса добычи и объеме движения ресурсов различного характера, возникшем на этих этапах, необходимо каждую операцию тестировать на предмет сущностной результативности. Это будет способствовать качественному решению вопроса об отнесении стоимости ресурсов к тому или иному этапу работ.

Поскольку общим требованием МСФО является идентификация и раздельный учет затрат, относящихся к каждому этапу деятельности, требуется проведение критического анализа используемого в РФ порядка представления лесозаготовительной деятельности в бухгалтерском учете и оценки возможности приведения его в соответствие с выделяемыми в международной практике этапами добычи природных ресурсов.

Согласно отраслевой инструкции [19], выступающей российским учетным стандартом для всего лесного сектора экономики, в качестве расходов в текущем учете следует отражать все предусмотренные технологией основные работы, в состав которых входят:

- организационные лесозаготовительные работы, имеющие подготовительный характер и признаваемые расходами будущих периодов, – подготовка проектной документации, организация погрузочных площадок для временного склада и отгрузки древесины, сооружение временных дорог, строительство временных бытовок для работников;

- собственно лесозаготовительные работы, последовательно осуществляемые по фазам (лесосека, вывозка, нижнескладские работы), относимые в полной сумме затрат на себестоимость выработанной лесопроductии.

Кроме указанного документа по регулированию отраслевого учета конкретно в лесозаготовках, в настоящее время в РФ действует ПБУ 24/2011 «Учет затрат на освоение природных ресурсов» [20], расширяющее отраслевое регулирование бухгалтерского учета в добывающих отраслях в целом. Однако, как и документ международного значения, ПБУ 24/2011 касается признания и оценки только поисковых затрат, т. е. определяет порядок учета затрат добывающих компаний исключительно по разведывательно-оценочным работам и не касается других аспектов учета.

Таким образом, очевидно, что положения действующих нормативных документов международного и российского значения ограничены и не помогают единообразно представить процесс добычного природопользования.

РАЗВИТИЕ УЧЕТНОГО ОТРАЖЕНИЯ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пользователям для оценки финансового состояния, прогнозирования перспектив работы и принятия решений необходима ясная и полная картина бизнеса, связанного с заготовлением природных ресурсов.

В реальной российской экономической действительности процесс лесозаготовления начинается с выбора лесного участка и юридического закрепления права коммерческой рубки на определенной лесосеке. Если в международной практике разведывательной деятельности признаются работы, выполненные до приобретения лицензии на проведение разведочных работ, то в лесозаготовках ею можно считать мероприятия, осуществленные до момента заключения договора на лесопользование в виде лесозаготовок. Поскольку договоры аренды лесных участков заключаются по результатам проводимых аукционов, требующих подготовки к участию в них, то на этом этапе происходит использование финансовых ресурсов в виде оплаты выписок из государственного лесного реестра, оплаты юридических и консультационных услуг, связанных с подготовкой документов, необходимых для участия в лесном аукционе, перечисление задатка. Международная учетная практика предписывает затраты, произведенные на разведывательной стадии, включать в состав текущих расходов по мере их возникновения, поскольку общая сложившаяся ситуация указывает на нецелесообразность капитализации данных затрат в результате проведенных мероприятий именно на этом этапе в связи с высокой степенью неопределенности работ по добыче полезных ископаемых в будущем.

Российский учетный подход к «разведывательным» затратам в лесозаготовках полностью соответствует принципам международных стандартов финансовой отчетности и приближенных к ним российских стандартов бухгалтерского учета (РСБУ), поскольку для учета возникающего движения ресурсов на стадии, предшествующей заключению договора лесопользования, следует руководствоваться предписаниями документов нормативного регулирования учета общего назначения. Никаких специальных «отраслевых» указаний

на этот счет не существует ни в российской, ни в международной практике. Поэтому все вышеобозначенные затраты, за исключением перечисления задатка, включаются в состав общехозяйственных расходов и списываются на уменьшение финансового результата как расходы по обычным видам деятельности.

Таким образом, на первый взгляд выбытие ресурсов на предразведывательной стадии работ лесозаготовительной организации не приводит к созданию или появлению равноценного ресурса, который следовало бы признать активом. Однако более пристальное исследование показывает, что такой документ, как, например, выписка из государственного лесного реестра, позволяет качественно и количественно оценить лесной участок, выставляемый на аукцион, получить экономическую характеристику имеющихся на нем насаждений, т. е. он помогает осуществить предварительную оценку природных ресурсов (древесины на корню), предполагаемых к разработке. А эти операции, по сути, относятся к сфере, регулируемой IFRS 6 и ПБУ 24/2011.

Несмотря на разницу в названиях, оба этих документа касаются регулирования финансового учета в отношении только поиска, оценки и разведки полезных ископаемых, хотя оперируют помимо данного понятия и понятием природных ресурсов, к которым, безусловно, относятся и леса.

Второй стадии, а именно РиО, по мнению Е.В. Морозовой, «в том виде, которая характерна для добычи минеральных ресурсов, в лесозаготовках быть не может» [12, с. 26]. Действительно, «в чистом виде» на данном этапе должна тщательно исследоваться и оцениваться с помощью геологических и разведочных работ определенная географическая территория, имеющая потенциал для разработки. В отношении лесного участка, выставляемого на аукцион, уже изначально очевидна осуществимость и целесообразность лесозаготовления, поскольку отсутствует неопределенность наличия на его территории запасов природных ресурсов. Древесина на корню располагается на поверхности земли, информация о лесах представлена в государственном лесном реестре, соответственно, отсутствует необходимость в организации специальных поисковых работ, чтобы оценить рентабельность будущего освоения выделяемой для этого лесной территории. Считается, что указанные факторы являются достаточными и позволяют специалистам делать соответствующие выводы. Однако после заключения договора аренды лесного участка на этапе подготовительных организационных работ силами лесозаготовителя разрабатывается документ под названием «Проект освоения лесов», технически и технологически уточняющий предварительную оценочную информацию о лесном участке, полученную по выписке из государственного лесного реестра.

Это обстоятельство, выявленное на основе проверки операций использования ресурсов на предмет их существенной результативности, позволяет утверждать, что на стыке предразведывательных работ и работ по добыче природных ресурсов в лесозаготовках присутствует стадия РиО. Она представляет собой оценку лесов, выделенных под лесозаготовку, и приводит к образованию актива нематериального характера – информации, без которой невозможно технологически и экологически правильное освоение лесного участка.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, гармонизация технологии лесозаготовительного процесса как направления добывающей промышленности с международными подходами, предполагающими разбивку данного процесса на определенные стадии, возможна только на основе учета фактора специфического природопользования. Этим фактором служит отсутствие необходимости в проведении работ по геологической разведке в силу нахождения природных ресурсов на поверхности земли. Следовательно, модель добывающей деятельности, связанной с лесозаготовками, для целей представления пользователям учетной информации надежной картины осуществления добычи лесных ресурсов на каждом ее этапе должна иметь следующий вид:

1 этап. Предразведывательная деятельность (до заключения договора аренды лесного участка под лесозаготовку), за исключением отвлечения финансовых ресурсов на получение выписки из государственного лесного реестра.

2 этап. Оценочная деятельность, позволяющая создать информацию о лесном участке, выделяемом под лесозаготовку. Представлена частично на 1 этапе и работами по созданию Проекта освоения лесов на этапе добычной деятельности. Подпадает под действие IFRS 6 и ПБУ 24/2011.

3 этап. Добычная деятельность, состоящая из подготовительных и основных лесозаготовительных работ.

4 этап. Лесовосстановительная деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербакова О.Ю. Моделирование в бухгалтерском учете // Синергия наук. 2017. № 18. С. 143–148.
2. Чмиль И.Д. Моделирование в бухгалтерском учете и бухгалтерском деле // Экономика и социум. 2016. № 12. С. 1–11.
3. Ковалев А.Е. Значение моделирования в бухгалтерском учете для информационного обеспечения управленческих решений // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 4. С. 120–130.
4. Уляшева Л.Г. Запасы лесных ресурсов как объект бухгалтерского учета лесозаготовительных предприятий // Сборник научных статей по бухгалтерскому учету, экономическому анализу и аудиту, посвященных юбилею заслуженного профессора ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктора экономических наук Е.А. Мизиковского. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 271–279.
5. Уляшева Л.Г. Проблемы учета запасов лесных ресурсов в лесозаготовках // Бухгалтерский учет. 2019. № 2. С. 104–112.
6. Свиридов Э.Ю. Пути совершенствования учета затрат и калькулирования себестоимости на предприятиях лесопромышленного комплекса // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 1. С. 15–20.
7. Жемулин С.Б. Разработка стратегии развития лесозаготовительных предприятий региона // Российское предпринимательство. 2012. № 1. С. 156–163.
8. Морозова Е.В. Проблемы бухгалтерского учета процесса природопользования // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 3. С. 75–86.
9. Уляшева Л.Г. Кризисное финансовое состояние лесозаготовительных предприятий как причина

- совершенствования отраслевого учета затрат // Актуальные проблемы экономики и бухгалтерского учета: сборник научных статей. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 316–321.
10. Мизиковский И.Е., Уляшева Л.Г. Направления совершенствования учета затрат на лесозаготовительных предприятиях // Актуальные проблемы экономики и бухгалтерского учета: сборник научных статей. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 228–233.
 11. Уляшева Л.Г. Проблемы учета ресурсов в лесозаготовках, обусловленные влиянием отраслевых особенностей // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 4. С. 94–100.
 12. Морозова Е.В. Бухгалтерский учет стадий природопользования в лесозаготовках // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 1. С. 23–31.
 13. Суркова М.И. МСФО для добывающих отраслей // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты: журнал и практические разработки по МСФО и управленческому учету. URL: finotchet.ru/print/articles/523.
 14. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 6 «Разведка и оценка запасов полезных ископаемых» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина РФ от 25.11.2011 № 160н) // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124489/.
 15. Корнилова А.В. Проблемы нормативного регулирования бухгалтерского учета в угледобывающей отрасли // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 183–187.
 16. Сухарева О.В. Специфические проблемы бухгалтерского учета в добывающих отраслях и их регулирование в МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2009. № 10. С. 33–37.
 17. Афанасьева О. Особенности применения МСФО в добывающих отраслях // МСФО: практика применения. 2007. № 3. С. 37–48.
 18. Отраслевые проекты Совета по МСФО: последние изменения // Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты: журнал и практические разработки по МСФО и управленческому учету. URL: finotchet.ru/print/articles/634.
 19. Отраслевые особенности состава затрат, включаемых в себестоимость продукции на предприятиях лесопромышленного комплекса: утв. 19.10.1994 г., вместе с Методическими рекомендациями (Инструкцией) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса: утв. Минэкономики РФ 16.07.1999 г. // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
 20. Положение по бухгалтерскому учету «Учет затрат на освоение природных ресурсов» (ПБУ 24/2011): приказ: утв. МФ РФ 06.10.2011 г. № 125н // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
- ## REFERENCES
1. Shcherbakova O.Yu. Modeling in accounting. *Sinergiya nauk*, 2017, no. 18, pp. 143–148.
 2. Chmil I.D. Modeling in accounting and accounting profession. *Ekonomika i sotsium*, 2016, no. 12, pp. 1–11.
 3. Kovalev A.E. The value of simulation in accounting to inform management decisions. *Mir ekonomiki i upravleniya*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 120–130.
 4. Ulyasheva L.G. Forest resources stock as an object of accounting of logging enterprises. *Sbornik nauchnykh statey po bukhgalterskomu uchetu, ekonomicheskomu analizu i auditu, posvyashchennykh yubileyu zaslužhennogo professora NNGU im. N.I. Lobachevskogo, doktora ekonomicheskikh nauk E.A. Mizikovskogo*. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N.I Lobachevskogo Publ., 2018, pp. 271–279.
 5. Ulyasheva L.G. The issues of forest stock accounting in logging. *Bukhgalterskiy uchet*, 2019, no. 2, pp. 104–112.
 6. Sviridov E.Yu. The ways of improving cost accounting and cost production calculation at the enterprises of forest-industry complex. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 15–20.
 7. Zhemulin S.B. Working out development strategy for the logging companies in the Region. *Rossiyskoye predprinimatelstvo*, 2012, no. 1, pp. 156–163.
 8. Morozova E.V. The problems of the environmental management accounting. *Audit i finansovyy analiz*, 2009, no. 3, pp. 75–86.
 9. Ulyasheva L.G. The crisis financial state of logging enterprises as a reason for improving the industry cost accounting. *Aktualnye problemy ekonomiki i bukhgalterskogo ucheta: sbornik nauchnykh statey*. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N.I Lobachevskogo Publ., 2017, pp. 316–321.
 10. Mizikovskiy I.E., Ulyasheva L.G. The ways of improving the cost accounting at the logging enterprises. *Aktualnye problemy ekonomiki i bukhgalterskogo ucheta: sbornik nauchnykh statey*. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N.I Lobachevskogo Publ., 2017, pp. 228–233.
 11. Ulyasheva L.G. Problems of accounting resources in logging, due to the influence of industry features. *Korporativnoye upravlenie i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa. Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktivkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 94–100.
 12. Morozova E.V. Accounting of stage of wildlife management in timber cutting. *Audit i finansovyy analiz*, 2010, no. 1, pp. 23–31.
 13. Surkova M.I. IFRS for the extracting industries. *Korporativnaya finansovaya otchetnost. Mezhduнародnye standarty: zhurnal i prakticheskie razrabotki po MSFO i upravlencheskomu uchetu*. URL: finotchet.ru/print/articles/523.
 14. International Financial Reporting Standard (IFRS) 6 “Exploring and assessment of natural reserves” (put into effect in the territory of the Russian Federation by the Order of the RF Ministry of Finance dated the 25th of November 2011 No 160n). *Konsultant plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124489/.

15. Kornilova A.V. The issues of accounting regulation in coal mining. *Molodoy uchenyy*, 2013, no. 7, pp. 183–187.
16. Sukhareva O.V. Specific problems of accounting in the extracting industries and their regulation in IFRS. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet*, 2009, no. 10, pp. 33–37.
17. Afanaseva O. Special aspects of application of IFRS in the extracting industries. *MSFO: praktika primeneniya*, 2007, no. 3, pp. 37–48.
18. Industrial projects of the Council on IFRS: last updated. *Korporativnaya finansovaya otchetnost. Mezhdunarodnye standarty: zhurnal i prakticheskie razrabotki po MSFO i upravlencheskomu uchetu*. URL: finotchet.ru/print/articles/634.
19. Industry characteristics of the composition of costs included in the production cost of the products at the enterprises of the forest-industry complex: approved on the 19th of October 1994 accompanied by the Methodological recommendations (Instruction) on the planning, accounting and calculating the production cost of the products of forest-industry complex: approved by the RF Ministry of Economic Development on the 16th of July 1999. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru.
20. Accounting Regulations “Accounting of expenditures for natural resources development” (RAR 24/2011): Order: approved by the RF Ministry of Finance on the 6th of October 2011 No 125n. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru.

THE SIMULATION OF LOGGING ACTIVITIES WITHIN THE ACCOUNTING SPACE

© 2019

L.G. Ulyasheva, senior lecturer of Chair of Accounting and Auditing
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Keywords: accounting model of logging; natural resources extraction; logging activities; pre-exploring activities; RAR 24/2011; IFRS; RAS.

Abstract: The crisis financial state of the logging companies requires the reconsideration of the approaches to the management of this sphere of extracting activity. In the context of the rapidly changing economic environment, the users of the accounting information, which is the main information support for decision making, raise standards for the quality of formed indices. The convergence of RAS and IFRS which specify certain requirements to the extracting activity representation in the financial accounting raises the importance of the accounting model development for logging activities.

The paper identifies the problems in the accounting of the producing environmental management process which do not allow reflecting exactly the actual economic reality of logging and, thus, decrease the value of the accounting data for the information users. The author suggests solving these problems through the modeling of the economic activity that is a generally recognized tool for obtaining high-quality information base and effective work with it.

The review of the directives of the international importance documents regulating the creation of the reporting by the extracting companies allowed developing the criterion, the adherence to which contributed to overcoming the detected non-integrity of the applicable approach and improving the degree of representation fidelity in the accounting of the natural resources extraction. Using the executed analysis of the provisions of Russian industrial accounting philosophy, the author identified the restrictions for its application for the creation of a correct producing process image necessary for users. Based on the developed criterion, through the pre-systematization of practical actions relevant to the industry under the study and the following grouping of the resources movement by the stages of the extracting activity, the author carried out the assessment of the possibility to bring Russian accounting rules into accordance with the international requirements. It allowed creating the accounting model of logging corresponding to the true economic reality and optimally satisfying the needs of the users in obtaining high-quality information for decision making.

ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА РАЗВИТИЕ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА СТРАНЫ

© 2019

Б.Г. Хаиров, доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит»,
заместитель директора по научной работе

Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Омск (Россия)

С.М. Хаирова, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Управление качеством и производственными системами»,
директор Института магистратуры и аспирантуры

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), Омск (Россия)

Ключевые слова: транспортно-логистические услуги; несырьевой экспорт; индустриально-логистический кластер; цепь поставок.

Аннотация: В статье проанализированы актуальные направления сотрудничества логистических систем в условиях глобализации Евразийского экономического пространства и развития несырьевого экспорта страны. Показана динамика экспортного грузопотока России в период 2008–2017 гг. в сравнении с динамикой импортного грузопотока. Отмечается, что экспортный потенциал страны связан в том числе с сокращением доли импорта на внутреннем рынке.

Дана оценка состояния российского рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) с учетом его специфики, проведен анализ мировых тенденций развития логистических услуг. Наблюдаются как изменения в структуре ТЛУ, так и переориентация международных грузоперевозок России на рынки стран Азии.

В статье особая роль отводится анализу стратегии развития партнерских отношений в цепях поставок, в которой кроется потенциал к снижению стоимости товаров и услуг. Отмечено, что разработать методику оптимизации логистических затрат на транспортирование для стран-участниц интегрированного процесса Евразийского экономического союза (ЕАЭС) возможно только на основе концепции инновационной логистики, позволяющей моделировать процессы в цепи поставок с целью совместимости транспортных процессов, определения правил конкуренции, гармонизации законодательства для лучшего использования транзитного потенциала и перемещения грузов.

Показано значение индустриально-логистических кластеров для развития экономики субъектов РФ и роль логистических систем субъектов экономики страны в их становлении на основе государственно-частного партнерства (ГЧП). Определено, что интегрироваться в международные цепи поставок субъектам экономики страны следует путем комплексного внедрения кластерного, логистического подходов к управлению разветвленными цепями поставок в регионах.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) России (2017–2020 гг.), проведенные экспертами агентства М.А. Research, помогут определить направления развития несырьевого экспорта страны и импортных грузоперевозок. Динамичный рост сегмента транспортных услуг (порядка 7,7 %) позволит достичь среднегодовых темпов роста логистического сервиса в пределах 7,5 %. Данный тренд обусловлен развитием строительства и промышленного производства, которые являются грузообразующими отраслями. Однако риск рецессии в 2019 году может обусловить снижение темпов роста рынка транспортно-логистических услуг до 3,3 % [1]. Исследования, проведенные Всероссийской академией внешней торговли, А.Н. Спартак, А.Ю. Кнобелем, Т.А. Флегонтовой, О.Д. Исмагиловой и другими учеными, показывают, что в 2017 году в видовой структуре экспорта услуг страны транспортные услуги занимали 34,3 %, а к 2024 году прогнозируется снижение позиций до уровня 29,2 % [2].

«Росавтотор» сокращает до 1 дня срок предоставления услуги по согласованию маршрутов движения крупногабаритных и тяжеловесных грузов, предоставляя их в электронном виде. Это соответствует требованиям Евразийской экономической комиссии, направленным на совершенствование таможенного транзита. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза унифицирует таможенное законодательство стран-

участниц, упрощая процедуры таможенного оформления. Законодательные акты, направленные на улучшение организации работы операторами международного логистического рынка, позволили в 2018 году в России сохранить положительный тренд по объему перевозок.

Выпуск конкретной продукции зависит от многих факторов, одним из которых является географическое положение ресурсов и их потребителей. Зачастую они находятся далеко друг от друга. Для преодоления этого расстояния в бизнесе (внутристрановом, международном) применяется такой эффективный инструмент, как логистика. Трансграничное перемещение товаров и услуг, считает А.А. Гильяно, возможно в условиях совершенствования транспортной инфраструктуры – важной составляющей транспортной системы [3].

Около 50 % от общих затрат на логистику приходится на выполнение логистических операций по продвижению материального потока от источника сырья до потребителя. У. Андерсон и Ж. Родриг утверждают, что одной из проблем, препятствующей процессам интеграции, является неспособность международных транспортных инфраструктур обеспечивать эффективное функционирование международных товарных потоков [4; 5].

Необходимо для стран-участниц интегрированного процесса ЕАЭС разработать методику оптимизации логистических затрат на транспортировку. Без единых методологий логистики, включающих понимание концепции инновационной логистики, невозможно

функционирование единого транспортного пространства на основе международных правовых норм и обеспечение совместимости транспортных процессов, определение правил конкуренции, гармонизация законодательства с целью лучшего использования транзитного потенциала и перемещения без барьеров грузов, транспортных средств, как и пассажиров, багажа, между странами ЕАЭС. Целью базовой логистики является сокращение затрат на перевозки. Содержание инновационной логистики сводится к моделированию процессов в цепи поставок. Соотношение реальных объемов транзитных перевозок через страны ЕАЭС и транзитного потенциала представлено в таблице 1 [2]. Пересечение государственных границ усложняет избыточность контрольно-надзорных операций, которые занимают до 30 % времени всего рейса при транспортировке. Из Европы грузопотоки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона практически обходят территорию стран ЕАЭС [2].

Эволюция концепций логистики позволяет целесообразно использовать апробированные логистические технологии в организации системы управления кластерами. Исследователи отмечают, что кластеры организованы в виде системы потоков и представляют систему цепей поставок. Кластерный подход признается основным элементом стратегий экономического развития передовых стран мира [6–8].

Д. Вордлоу, Д. Вуд, Дж. Джонсон, П. Мерфи связывают новейшие концепции и подходы в логистике с предоставлением логистических услуг и интеграцией участников цепи поставок [9]. Реальность включения в международные цепи поставок многие ученые связывают с синтезом кластерного и логистического подходов в управлении цепями поставок субъекта экономики [10; 11].

Достижение высокого уровня развития логистических систем в субъектах Российской Федерации позволит ускорить процесс формирования индустриально-логистических кластеров с целью подъема экономики страны и соответственно увеличить долю несырьевого экспорта.

Цель работы – определение влияния логистических систем на развитие несырьевого экспорта страны.

АНАЛИЗ РЫНКА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ И ЭКСПОРТНОГО ГРУЗОПОТОКА РОССИИ

Оценивая рынок транспортно-логистических услуг, можно говорить об уверенной положительной динамике их роста. Несмотря на санкции и прочие ограничения, национальный российский рынок ТЛУ не может игнорировать мировые тенденции в этой области. Анализ мирового рынка ТЛУ впечатляет: в 2017 году он вырос на 4,3 % после падения на 3,8 % в 2015 году [12]. Ми-

ровые технологические тренды в этой области – робототехника, беспилотники, новые управленческие решения, включая облачные технологии. Рынок ТЛУ растет также за счет развития электронной торговли и оказания логистических услуг в комплексе. Российский рынок развивается в мировом тренде, но есть и своя специфика. Так, в 2017 году наблюдалась положительная динамика как по грузообороту (+5,8 %), так и по грузообороту (+1,8 %). Самые высокие темпы у коммерческого воздушного транспорта – 119,9 % и 120,1 % соответственно, что объясняется ростом тарифов на транспортные услуги в среднем на 4,4 % [12].

Российский рынок ТЛУ адаптировался к работе в посткризисный период, а усиление конкуренции привело к снижению экспедиторской наценки. Детальный анализ структуры ТЛУ позволяет сделать следующие выводы: рост рынка в целом на 8,8 % в 2017 году был обеспечен благодаря росту объема грузоперевозок на 9,2 %, а составляющие собственно логистических услуг увеличились. В структуре автомобильных перевозок грузов наблюдались качественные улучшения: 16 % роста составила выручка в сегменте сборных грузов, объем грузоперевозок в целом вырос на 5,6 %. Увеличение консолидации грузов разных отправителей для перевозок (их доля на рынке перевозок 73 %) объясняется как уменьшением числа заказов одной поставки, так и ростом спроса на услуги интернет-торговли и агрессивной территориальной экспансией торговых сетей. Крупные автоперевозчики занимают 12 % рынка, большая же часть представлена средними, малыми предприятиями. В 2017 году также отмечены изменения в международных грузоперевозках. В 2016 году на 3,2 % вырос объем экспорта в связи с девальвацией рубля и на 9 % сократился объем импорта; в международной торговле при переориентации на рынки стран Азии: на 6,7 % увеличился объем экспорта, объем импорта снизился на 7,9 %. В экспортном грузопотоке доля Китая по редким металлам занимает 78–100 %, по лесу – 63 %, по сырой нефти – 18,7 %. В 2017 году международные автоперевозчики увеличили объемы перевозок на 1,4 %: по европейскому направлению на 0,5 %, по китайскому – на 25 % [12].

К 2020 году динамика рынка транспортно-логистических услуг будет связана с тенденциями в российской экономике: прогнозируются повышение объема грузоперевозок и нехватка подвижного состава, а также рост тарифов на услуги транспортировки. Политика импортозамещения вызовет рост объема внутророссийских грузоперевозок, который также связывают с увеличением электронной торговли. Цепи поставок будут усложняться из-за конкуренции за потребителей. Рост рынка ТЛУ в период с 2017 по 2020 год планируется от 2,9 до 3,2 % ежегодно, отвечая в целом тренду роста экономики [12].

Таблица 1. Соотношение реальных объемов транзитных перевозок через страны ЕАЭС и транзитного потенциала, в млн тонн [2]

Наименование показателя	Транзитные перевозки через страны ЕАЭС и транзитный потенциал, в млн тонн	
	2006 год	2020 год (прогноз)
Транзитный потенциал	230	430
Реальный объем транзитных перевозок грузов	117	231
Транзит третьих стран через территорию ЕврАзЭС	2	16

Динамика и география внешнеторгового грузооборота за последние годы сильно изменилась. Причиной стали экономические и политические факторы. Темп прироста экспортного грузопотока России в 2017 году в сравнении с 2008 годом составил 3,9 %. Рост цен на иностранные товары усилил позиции отечественных производителей, а контрсанкции привели к сокращению поставок из-за рубежа [2].

Многие компании считают, что в случае отмены контрсанкций активность в сфере внутрирегиональных грузоперевозок сократится в связи с реанимацией бизнес-связей и выстраиванием деловых отношений на рынке международных грузоперевозок, что затронет и логистических операторов, представленных на внутрироссийском рынке.

Отмена контрсанкций не выглядит реалистичным сценарием. В новый прогноз социально-экономического развития России до конца 2020 года заложено сохранение антироссийских санкций и действие сделки ОПЕК с Россией. Контрсанкции изменили структуру внешне-торговых отношений и запустили процесс импортозамещения. По данным Росстата, в III квартале 2017 года 78 % продукции на российских прилавках – товары отечественных производителей. В 2014 году доля отечественной продукции в рознице была на уровне 66 % [2].

Российские производители воспользовались эмбарго, которое искусственно ограничило доступ иностранных товаров на отечественный рынок, став неким аналогом протекционизма и субсидирования отрасли. Вместе с сокращением доли импорта на внутреннем рынке обвал национальной валюты усилил экспортный потенциал страны. В кризисные для экономики России годы наметился тренд на увеличение объема экспорта. За последние 3 года экспортный грузопоток в натуральном выражении вырос на 12 % [2].

ВЛИЯНИЕ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Кластерная политика является основой развития всей логистической системы Российской Федерации. Кластерный подход дает возможность государственным органам за счет налоговых поступлений увеличить доходы бюджета, а также повысить уровень инвестиционной привлекательности субъектов экономики РФ. Кроме того, данный подход позволит бизнесу уменьшить издержки, повысить активность предприятий и шансы на получение господдержки. Индустриально-логистические кластеры в субъектах РФ позволят реализовать приоритетные инвестиционные проекты для развития несырьевых отраслей экономики.

Задача заключается, по мнению различных авторов, в создании кластера на базе промышленных комплексов, который включает современную транспортную логистику, вертикально интегрированные производственно-технологические цепочки, кадровое, инженеринговое и научное обеспечение, а также рациональное и эффективное использование ресурсов отрасли [13–15].

Развитие уже имеющихся и приобретение различных новых компетенций участников кластера предполагается осуществить за счет реализации определенных совместных инвестиционных проектов одновременно с привлечением предприятий инфраструктуры промышленного кластера.

В настоящее время в мировой и отечественной практике ведения бизнеса наблюдается тенденция устойчивого роста объема логистических услуг, улучшения качества логистического сервиса. Эффективным решением в управлении материальными и сопутствующими потоками предприятий становится организация логистических кластеров.

Уровень развития рынка сферы услуг в России уступает западным странам по создаваемому в этой отрасли ВВП – 52,7 %; по численности занятых в данной сфере – 47 %, что в 2,5 раза ниже показателей стран с развитой экономикой [16; 17]. Для реализации Транспортной стратегии в субъектах РФ предложено в процессе оказания транспортных услуг использовать логистический инструментарий как для постоянного улучшения предоставления транспортных услуг, так и для выявления потребительских предпочтений и рыночных возможностей. Это станет основой стратегии развития сферы услуг, способствующей генерации и внедрению инноваций. Поэтому необходимо учитывать как положительные, так и отрицательные аспекты развития сферы сервиса РФ в сравнении с зарубежными странами в процессе интеграции России в мировое хозяйство, признавая их активную роль. Значение развития логистической инфраструктуры страны растет в связи с изменением политической, экономической стратегии Российской Федерации. В логистической инфраструктуре системообразующим элементом является логистический центр (ЛЦ). Практика взаимодействия экономик мира отражает значимость логистических центров в совершенствовании взаимодействия, интегрированного управления товарно-материальными потоками, результатом чего стало сокращение расходов и времени на доставку.

Механизм предоставления конкурентных преимуществ логистических систем транспортной инфраструктуры на рынке международных товаров и услуг для стран ЕАЭС предполагает освоение инновационного, предпринимательского подхода к управлению логистикой, что соответствует экономическим и социальным интересам этих стран и обеспечит интеграцию российских предприятий и регионов в глобальные цепи поставок.

Анализ концептуальных подходов к организации логистических центров подтверждает необходимость единого подхода к формированию логистических центров на экономическом пространстве стран ЕАЭС. Это возможно при выполнении следующих условий:

- развитие логистической инфраструктуры РФ с концентрацией полного комплекса логистического сервиса в их основном звене – логистическом центре;
- приоритет государственно-частного партнерства при формировании логистических центров;
- расширение площади логистических центров и их локализации в рамках международных транспортных коридоров.

Классификация логистических центров происходит по таким признакам: вид собственности, административный уровень обслуживаемой территории и масштаб, размер занимаемой территории и выполняемые функции, участвующие виды транспорта, характер специализации терминалов в составе ЛЦ и степени интеграции с обслуживаемыми предприятиями промышленно-сти и торговли, вид обрабатываемых грузов.

Для экономики страны значение имеют субъекты РФ со специфическими экономическими потребностями, географическим положением и инфраструктурой, в которых компании создают региональные, межрегиональные, национальные и глобальные цепи закупок, производства и физического распределения, отвечающие возрастающим запросам клиентов. Зарубежная практика организации ЛЦ показывает заинтересованность в этом процессе государства, которое предоставляет площадь для застройки, помогает формировать инфраструктуру, инвестирует средства в строительство. Логистический центр отличается от терминала наличием выделенного участка земли и объединением нескольких компаний с целью обеспечения синергии. Логистический сервис совершенствуется по всей логистической цепи, гармонизируя взаимосвязи между элементами логистических систем, ее технологическими компонентами. Логистический сервис стимулирует развитие экономических связей между производителями и потребителями продукции, что играет важную роль в период развития интеграционных процессов и становления практики несырьевого экспорта страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Выявлено, что страны СНГ сегодня прошли этап признания преимуществ логистического подхода, учитывая при этом, что экономия 10 % ресурсов при оптимизации потоков дает тот же результат, что увеличение объемов продаж на 10 %.

2. Показано, что вектор экономик направлен на инновационное развитие и, соответственно, на внедрение в логистику инновационного подхода, проявляющегося в моделировании цепей поставок при их международной интеграции и формировании различных форм партнерств, в том числе государственно-частного партнерства [18].

3. Представлена классификация видов цепей поставок по их признакам в таблице 2. Для развития несырьевого экспорта страны на основе формирования индустриально-логистических кластеров в перспективе должны объединяться следующие участники цепей поставок:

1) государственные и муниципальные органы: Министерство финансов, Комитет таможенного контроля, Министерство транспорта, службы санитарно-эпидемиологического и ветеринарного контроля;

2) организации по сотрудничеству: торгово-промышленные палаты, ассоциации ученых и предпринимателей, некоммерческие организации;

3) отраслевые предприятия: а) организации, выполняющие прямые функции (распределительные центры, транспортные и экспедиторские компании, складские комплексы); б) организации, выполняющие обеспечивающие функции (страховые компании, сервисные центры, дорожно-строительные компании, кредитные организации); в) организации, выполняющие дополнительные функции (занимающиеся утилизацией отходов, производящие упаковку); г) организации, выполняющие технические функции (разработчики логистических информационных систем и технологий складов, складских процедур и операций);

4) университеты: научные парки, исследовательские институты, учебные центры подготовки и переподготовки персонала;

5) финансовые институты: венчурные компании, частные инвестиционные фонды, банки;

б) медиаорганизации: организации, формирующие и продвигающие бренд логистического кластера, создающие истории успеха, распространяющие опыт проектов развития.

Международное сотрудничество, взаимосвязи входящих в сформированные международные цепи поставок

Таблица 2. Виды цепей поставок по признакам их классификации

Признак	Виды цепей поставок
Национальная принадлежность	Региональные Межрегиональные Международные Глобальные
Инновационность продукции/стандартность	Инновационные для самой инновационной продукции на новейших рынках Бережливые для стандартной продукции на существующих рынках Клиентоориентированные для относительно инновационной продукции на новых рынках
Разнообразие поставляемых ресурсов	Монопродуктовые Мультипродуктовые
Способ транспортировки	Униmodalные Интерmodalные
Периодичность поставок	Постоянные Периодические Разовые
Регулярность поставок	Регулярные Нерегулярные
Дифференциация	Однородные Дифференцированные
Уровень рентабельности	Высокорентабельные Среднерентабельные Низкорентабельные

организаций и развитие услуг логистических систем должны быть направлены на создание цепей добавленной стоимости [19; 20].

В целом, по нашему мнению, результаты исследования могут иметь прикладное значение для прогнозирования результатов деятельности по организации несырьевого экспорта; формирования новых отношений грузоперевозчиков с их бизнес-партнерами. Вследствие этих процессов оптимизируются экономические связи внутри всего транспортного комплекса/отдельных компаний, модели интеграции совершенствуются в виде кластеров. Достижение высокого уровня развития логистических систем в субъектах Российской Федерации позволит ускорить процесс кластеризации экономики страны и, как следствие, увеличить долю несырьевого экспорта.

В соответствии с этим основные усилия должны быть направлены на формирование индустриально-логистического кластера для ускорения развития транспортной инфраструктуры страны, формирования логистических систем и цепей поставок во взаимодействии с приоритетными и отраслевыми промышленными кластерами (агробиотехнологическим, нефтехимическим и лесопромышленным), которые формируются в рамках осуществления стратегии социально-экономического развития субъектов РФ.

Необходимо дальнейшее исследование использования механизма государственно-частного партнерства странами, участвующими в международных цепях поставок ЕАЭС, что позволит достичь основной цели модернизации транспортной инфраструктуры – согласованного развития видов транспорта и транспортных узлов на основе сопряжения интересов между государственными органами управления, транспортно-экспедиторскими и инвестиционными компаниями.

Межстрановая интеграция цепей поставок, предполагающая торгово-промышленную кооперацию с целью получения эффекта от масштаба логистического сервиса, становится необходимым условием выживания в конкурентной среде. Процесс интеграции цепей поставок позволит транспортно-логистическим услугам страны достичь уровня мировых стандартов качества, необходимых для реализации потребительских ценностей клиентов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Представлена классификация видов цепей поставок по их признакам.

Проведено обсуждение перспектив развития рынка транспортных услуг в контексте формирования новых структур, в том числе индустриально-логистических кластеров.

Определено, что объединение (синергия) ресурсов государства и транспортно-логистического бизнеса на основе внедрения государственно-частного партнерства позволит решить проблемы дефицита финансирования субъектов транспортного комплекса.

Формирование кооперационных связей между организациями-участниками кластера на основе эффективного управления цепями поставок, технического перевооружения участников кластера, развития транспортно-логистической инфраструктуры оказывает решающее влияние на развитие промышленности субъектов РФ и формирование конкурентоспособной логистической системы региона, направленной на взаимодействие

и координацию всех видов транспорта. Взаимовыгодные партнерские отношения участников индустриально-логистического кластера позволят поднять уровень производимой продукции и оказываемых услуг до уровня международных стандартов качества и наилучшим образом использовать транзитный потенциал страны в целом и ее субъектов, что послужит развитию несырьевого экспорта.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рынок логистического аутсорсинга: итоги 2017–2018 и прогноз до 2022 года. М.: Исследовательское агентство М.А. Research, 2019. 450 с.
2. Спартак А.Н., Кнобель А.Ю., Флегонтова Т.А., Исмагилова О.Д., Коваль А.А., Левашенко А.Д., Пыжиков Н.С., Снег М.Л., Хохлов А.В., Якубовский И.В. Перспективы наращивания Российского несырьевого экспорта. М.: Российский экспортный центр, 2018. 132 с.
3. Гильяно А.А., Кочергина Т.Е., Мозолева Н.В. Международные интеграционные процессы: инновационные, инвестиционные и инфраструктурные аспекты. Ростов н/Д.: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2015. 176 с.
4. Lakshmanan T.R., Anderson W.P. Transportation Infrastructure, Freight Services Sector and Economic Growth // ResearchGate. URL: researchgate.net/profile/T_Lakshmanan/publication/239790133_Transportation_Infrastructure_Freight_Services_Sector_and_Economic_Growth/links/02e7e53518b3c063c9000000/TransportationInfrastructure-Freight-Services-Sector-and-Economic-Growth.pdf.
5. Hesse M., Rodrigue J.-P. The transport geography of logistics and freight distribution // Journal of transport geography. 2004. Vol. 12. № 3. P. 171–184.
6. Борисова В.В. Логистические кластеры как инструмент экологического развития территории // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1-1. С. 359–361.
7. Брыкин А.В., Шумаев В.А. Управление логистическими цепями поставок в кластерах: организация, структуры, инструменты // Механизация строительства. 2015. № 4. С. 58–61.
8. Khaïrov B.G., Novikov D.T., Prokofyeva T.A., Protzenko I.O., Khaïrova S.M. Reflexive governance of import substitution mechanism in clusters // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20. № 3В. P. 470–483.
9. Вордлоу Д., Вуд Д., Джонсон Дж., Мерфи П. Современная логистика. М.: Вильямс, 2016. 720 с.
10. Прокофьева Т.А., Хаиров Б.Г., Клименко В.В. Кластерные модели развития логистической инфраструктуры и формирования интегрированной транспортно-логистической системы на территории Омской области // Вестник транспорта. 2017. № 2. С. 15–21.
11. Прокофьева Т.А., Хаиров Б.Г. Логистические кластеры в экономике России. М.: ИТКОР, 2016. 418 с.
12. Эксперт: анализ и перспективы рынка транспортно-логистических услуг // Эксперт online. Совместно с журналом «Русский репортер». URL: expert.ru.

13. Новиков Д.Т. Формирование логистической поддержки продвижения научно-технических разработок // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2012. № 4. С. 24–29.
 14. Хаиров Б.Г. Развитие механизма импортозамещения в инновационных территориальных кластерах // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. 2017. № 3. С. 182–189.
 15. Слабинская И.А., Стрябкова Е.А. Кластерная политика и перспективы инновационного развития российских регионов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2013. № 7. С. 28–34.
 16. Сосунова Л.А., Хаирова С.М. Оптимизация транспортных услуг на основе адаптивности управленческих решений // Экономические науки. 2018. № 160. С. 28–36.
 17. Хаирова С.М. Автотранспортные предпринимательские структуры в формировании конкурентоспособной цепи поставок // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2012. № 1. С. 134–137.
 18. Хаиров Б.Г. Теоретические основы формирования механизма государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2018. С. 271–305.
 19. Бауэрсокс Д., Клосс Д. Логистика: интегрированная цепь поставок. М.: Олимп-Бизнес, 2008. 640 с.
 20. Иванов Д.А. Управление цепями поставок. СПб.: Политехн. ун-т, 2009. 660 с.
- REFERENCES**
1. *Rynek logistycznego outsourcingu: итоги 2017–2018 и прогноз до 2022 года* [The market of logistics outsourcing: the results of 2017-2018 and the forecast up to 2022]. Moscow, Issledovatel'skoe agentstvo M.A. Research Publ., 2019. 450 p.
 2. Spartak A.N., Knobel A.Yu., Flegontova T.A., Ismagilova O.D., Koval A.A., Levashenko A.D., Pyzhikov N.S., Sneg M.L., Khokhlov A.V., Yakubovskiy I.V. *Perspektivy narashchivaniya Rossiyskogo nesyrevego eksporta* [Prospects for building up Russian non-primary exports]. Moscow, Rossiyskiy eksportnyy tsentr Publ., 2018. 132 p.
 3. Gilyano A.A., Kochergina T.E., Mozoleva N.V. *Mezhdunarodnye integratsionnye protsessy: innovatsionnye, investitsionnye i infrastrukturalnye aspekty* [International integration processes: innovation, investment and infrastructure aspects]. Rostov-on-Don, Rossiyskaya tamozhennaya akademiya, Rostovskiy filial Publ., 2015. 176 p.
 4. Lakshmanan T.R., Anderson W.P. Transportation Infrastructure, Freight Services Sector and Economic Growth. *ResearchGate*. URL: researchgate.net/profile/T_Lakshmanan/publication/239790133_Transportation_Infrastructure_Freight_Services_Sector_and_Economic_Growth/links/02e7e53518b3c063c9000000/TransportationInfrastructure-Freight-Services-Sector-and-Economic-Growth.pdf.
 5. Hesse M., Rodrigue J.-P. The transport geography of logistics and freight distribution. *Journal of transport geography*, 2004, vol. 12, no. 3, pp. 171–184.
 6. Borisova V.V. Logistic clusters as a tool for the ecological development of the territory. *Vestnik fakulteta upravleniya SPbGEU*, 2017, no. 1-1, pp. 359–361.
 7. Brykin A.V., Shumaev V.A. Managing the logistics supply chain cluster: organization, structure, tools. *Mekhanizatsiya stroitelstva*, 2015, no. 4, pp. 58–61.
 8. Khairov B.G., Novikov D.T., Prokofyeva T.A., Protseiko I.O., Khairova S.M. Reflexive governance of import substitution mechanism in clusters. *European Research Studies Journal*, 2017, vol. 20, no. 3B, pp. 470–483.
 9. Vordlou D., Vud D., Dzhonson Dzh., Merfi P. *Sovremennaya logistika* [Contemporary Logistics]. Moscow, Vilyams Publ., 2016. 720 p.
 10. Prokofeva T.A., Khairov B.G., Klimenko V.V. Cluster models of the development of logistics infrastructure and the formation of an integrated transport and logistics system in the territory of the Omsk region. *Vestnik transporta*, 2017, no. 2, pp. 15–21.
 11. Prokofeva T.A., Khairov B.G. *Logisticheskie klasteri v ekonomike Rossii* [Logistic clusters in the Russian economy]. Moscow, ITKOR Publ., 2016. 418 p.
 12. Expert: analysis and prospects of the transport and logistics services market. *Ekspert online. Sovmestno s zhurnalom "Russkiy reporter"*. URL: expert.ru.
 13. Novikov D.T. Formation of logistic support for the advancement of scientific and technical developments. *RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsya*, 2012, no. 4, pp. 24–29.
 14. Khairov B.G. Development of import substitution mechanism in innovative territorial clusters. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo avtomobilno-dorozhnogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 182–189.
 15. Slabinskaya I.A., Stryabkova E.A. Cluster policy and perspectives of innovation development of Russian regions. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2013, no. 7, pp. 28–34.
 16. Sosunova L.A., Khairova S.M. Optimization of transport services on the basis of adaptability of management decisions. *Ekonomicheskie nauki*, 2018, no. 160, pp. 28–36.
 17. Khairova S.M. Motor business structures in the formation of competitive supply chain. *Vestnik Sibirskoy gosudarstvennoy avtomobilno-dorozhnoy akademii*, 2012, no. 1, pp. 134–137.
 18. Khairov B.G. The theoretical basis for the formation of the mechanism of state support of small and medium-sized businesses. *Aktualnye problemy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*. Hamburg, Anchor Academic Publ., 2018, pp. 271–305.
 19. Bauersoks D., Kloss D. *Logistika: integrirovannaya tsep postavok* [Logistics: an integrated supply chain]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2008. 640 p.
 20. Ivanov D.A. *Upravlenie tsepyami postavok* [Supply Chain Management]. Sankt Petersburg, Politekhn. un-t Publ., 2009. 660 p.

**THE INFLUENCE OF LOGISTIC SYSTEMS
ON THE DEVELOPMENT OF NON-RESOURCE EXPORTS OF THE STATE**

© 2019

B.G. Khairov, Doctor of Sciences (Economics),
professor of Chair of Banking and Finance, Deputy Director for Science
Omsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk (Russia)

S.M. Khairova, Doctor of Sciences (Economics), Professor,
Head of Chair of Management of Quality and Manufacturing Systems,
Director of Institute of Graduate and Postgraduate Education
Siberian State Automobile and Highway University (SIBADI), Omsk (Russia)

Keywords: transportation and logistics services; non-resource exports; industry and logistics cluster; supply chain.

Abstract: The paper analyzes the actual directions of cooperation of logistics systems in the context of globalization of the Eurasian economic area and the development of non-resource exports of the state. The dynamics of cargo traffic export of Russia in the period of 2008–2017 is shown in comparison with the dynamics of cargo traffic import. The authors note that the export potential of the state is related as well to the reduction of import ratio in the inner market.

The authors estimated the state of the Russian market of the transportation and logistics services (TLS) taking into account its specifics, carried out the analysis of global trends of the logistics services development. Both the changes in the TLS structure and re-orientation of international cargo transportation of Russia to the markets of Asian countries are observed.

The paper pays special attention to the analysis of the strategy of development of the partnership relations in the supply chains in which the potential for the decrease in the cost of the goods and services lie. The authors note that it is possible to develop the technique of optimization of the logistics transportation costs for the countries-members of the integrated process of the Eurasian Economic Union on the base of the innovative logistics concept only which allow simulating the processes within the supply chain in order to align transport processes, specify the competition rules, harmonize the legislation for better use of transit potential and cargo transfer.

The study showed the significance of the industry and logistics clusters for the development of the economy of the RF entities and the role of the logistics systems of the state economy entities in their formation on the basis of public-private partnership. The authors determined that the state economy entities should integrate to the international supply chains through the complex implementation of the cluster, logistics approach to the management of multiple supply chains in the regions.

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2019

Р.М. Шайдуллина, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
филиал в г. Октябрьском, Октябрьский (Россия)

Ключевые слова: Республика Башкортостан; социальное государство; уровень жизни; индекс развития человеческого потенциала; индекс образования; индекс ожидаемой продолжительности жизни; реальные доходы.

Аннотация: Региональные проблемы повышения уровня и качества жизни населения не теряют своей актуальности в современных условиях, так как они взаимосвязаны с социально-экономическим развитием страны в целом. Каждый субъект Российской Федерации, в силу своего социально-экономического потенциала, имеет особенности в достижении уровня и качества жизни населения. В статье рассмотрено современное состояние уровня и качества жизни населения Республики Башкортостан, проведен анализ показателей, характеризующих уровень жизни населения исследуемого субъекта РФ; изучена их динамика, выявлены факторы, влияющие на динамику показателей. Раскрыто понятие и сущность метода оценки уровня жизни населения – расчет индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), определены основные показатели уровня жизни населения; произведен сравнительный анализ показателя ИРЧП Российской Федерации и Республики Башкортостан. Проведенный анализ динамики ИРЧП продемонстрировал ослабление позиций Башкортостана в рейтинге регионов. Негативные изменения наблюдаются по всем компонентам человеческого потенциала. Замедление роста ИРЧП в республике обусловлено такими факторами, как низкая оплата труда, утрата интереса к развитию человеческого капитала и стимулов к повышению производительности труда, коммерциализация здравоохранения и образования, недостаточные темпы их модернизации. В статье показаны ключевые точки социально-экономической политики по повышению уровня жизни населения в анализируемом регионе.

ВВЕДЕНИЕ

Темы снижения уровня и качества жизни населения, социального неравенства, обнищания социального большинства ради обогащения социального меньшинства вопреки известной конституционной норме о России как социальном государстве стали наиболее злободневными в постсоветской России в последнее время. Так, по данным Росстата, в 2017 г. при прожиточном минимуме в 10 088 руб. в месяц за чертой бедности оказались 19,3 млн россиян – почти в два раза меньше, чем 18 лет назад, но на треть больше, чем в 2012 г. [1]. Одновременно возрастают степень и масштаб социального неравенства. Согласно данным исследователей Парижской школы экономики, 1 % богатейших граждан России получает 20 % доходов всей страны [2]. Такая ситуация создает предпосылки для роста потенциала противоречий в обществе [3; 4].

Уровень жизни современными исследователями рассматривается как экономическая категория и социальный стандарт, характеризующий степень удовлетворения физических и социальных потребностей людей [5–7]. Основные показатели уровня жизни населения страны отражаются в таких официальных статистических показателях, как средняя оплата труда работников предприятий и организаций; покупательная способность населения; минимальный потребительский бюджет и прожиточный минимум по основным социально-демографическим группам населения; численность населения, имеющего среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума; показатели дифференциации доходов населения (децильный коэффициент, индекс Джини и др.). Качество жизни как категория имеет более широкое значение. Под ним понимается возможность индивида использовать денежные доходы, здоро-

вье, образование, семейные и социальные связи, гражданские права и другие ресурсы для управления собственной жизнью [8; 9]. Как утверждают исследователи, качество жизни становится интегральным индикатором социальных программ, проектов, определителем условий жизнедеятельности [10; 11]. Немало исследований посвящены региональным сопоставлениям и анализу социально-экономических факторов, влияющих на качество жизни населения в отдельных регионах страны [12; 13]. В них указывается, что каждый субъект Российской Федерации, в силу своего социально-экономического потенциала, имеет свои особенности в достижении уровня и качества жизни населения.

Следовательно, улучшение качества и уровня жизни в стране целом и регионах в частности является важнейшей стратегической задачей на современном этапе общественного развития. Страны и регионы с высокими показателями уровня жизни, как правило, экономически эффективны и социально справедливы.

Цель работы – анализ современного состояния уровня и качества жизни населения Республики Башкортостан (РБ), выявление их динамики и сравнение со среднероссийскими показателями, определение ключевых точек социально-экономической политики по повышению уровня жизни населения в анализируемом регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основной задачей социальной политики государства является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, снижение социального неравенства, повышение доходов населения, обеспечение всеобщей доступности граждан к социальным благам (здравоохранению, образованию,

культуре и пр.). По существу речь идет о решении стратегической проблемы – повышении уровня и качества жизни населения страны.

Для осуществления действенной и адекватной социальной политики необходимо иметь полную информацию об экономическом и социальном положении населения. Показатели оценки уровня жизни населения страны, в том числе в контексте межстранового и межрегионального сопоставления и анализа, имеют важное исследовательское и прикладное значение. Важнейшим показателем уровня или качества жизни, используемым в мировой практике для международных сравнений, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Методика расчета этого индекса учитывает три показателя, для которых оцениваются свои индексы:

– индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Качество жизни оценивается как уровень развития медицины, состояние окружающей среды, качество питания, доступность для населения лекарств и пр.;

– индекс образования, измеряемый как среднее количество лет, потраченных на обучение. Оценивает доступность для населения базовых образовательных услуг, что в дальнейшем отразится на качестве трудовых ресурсов. Индекс образования отражает уровень грамотности взрослого населения (две трети значения) и комбинированный показатель совокупной доли учащихся (одна треть значения). Уровень грамотности позволяет узнать, сколько процентов населения овладело чтением и письмом, в то время как совокупная доля учащихся указывает процент учащихся, начиная с детских садов и заканчивая послевузовским образованием;

– индекс валового национального дохода: достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). Чтобы рассчитать ВНД, нужно сложить прибыль от всех произведенных в стране продуктов с прибылью граждан и компаний, которую они получают из-за границы. Из этого числа вычитаются доходы, вывозимые за пределы страны.

В рамках Программы развития ООН в ежегодных отчетах о развитии человеческого потенциала Российская Федерация в рейтинге 2016 г. заняла 49-е место с ИРЧП 0,815. С показателями продолжительности жизни (71,87 года), средней продолжительности получения образования (15 лет), ВНД на душу населения (\$ 23 286 в год по ППС, выраженному в долларах США в ценах 2011 г.) РФ смогла приблизиться к группе стран с высоким ИРЧП (более 0,8). По данным 2017 г. ИРЧП России составил 0,816. Динамика этого показателя (2000 г. – 55-е место, в 2012 г. – 52-е место, 2017 г. – 49-е место) позволяет констатировать, что реализация в последние годы национальных программ в области здравоохранения, образования, социальной политики дала положительный результат [14].

ИРЧП рассчитывается и для субъектов России. Республика Башкортостан является одним из крупных и развитых регионов России и обладает таким потенциалом, как выгодное географическое положение, развитая транспортная инфраструктура, богатый и разно-

образный природно-ресурсный потенциал, развитая промышленность, рекреационные ресурсы, институциональный потенциал, деловая репутация, научный, образовательный и инновационный потенциал. В 2001 г. среди субъектов федерации республика занимала 6-е место с ИРЧП 0,772, что превышало среднероссийский показатель (0,761) [15]. Однако с 2007 г. ситуация меняется, и рейтинг РБ начинает падать (в 2010 г. – 18-е место (0,832) [16], в 2014 г. – 32-е место (0,855) [17]). В докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 г. отмечено, что в 2016 г. Республика Башкортостан стала занимать уже 43-е место с показателем ИРЧП 0,854 [18]. К факторам ухудшения динамики ИРЧП республики относят снижение рождаемости, рост смертности, ухудшение здоровья населения, миграционную убыль, отставание по уровню грамотности РБ от населения РФ, отставание по уровню ВВП на душу населения (83,8 % к среднему по РФ душевому ВВП) [19; 20].

Рассмотрим сложившуюся ситуацию по составляющим компонентам показателя ИРЧП и сравним их по республике и РФ в целом. Российская экономика в 2017 г. дала противоречивые показатели. ВВП перешел к росту (1,5 %). Инфляция опустилась до 2,5 %. Рост реальных зарплат россиян в этом году стал устойчивым, но не привел к восстановлению более важного показателя – реальных доходов. Среднедушевые денежные доходы россиян в 2017 г. выросли на 2 % по сравнению с предыдущим периодом и составили 31 477,4 руб. При этом номинальная среднемесячная заработная плата выросла в 2017 г. на 7,2 % до 39 085 руб. Реальная зарплата выросла за год на 3,4 %. В декабре уровень зарплаты составил 50 500 руб. (+7,2 % к декабрю 2016 г.) [21]. Вывод один: инфляция не дала особых поводов для беспокойства, потому что была ограничена низким потребительским спросом в связи с падением реальных доходов населения. Граждане страны выбрали сберегательную модель поведения. Реальные же располагаемые доходы жителей России (те, что остаются после уплаты всех обязательных платежей с учетом инфляции) в 2017 г. снизились на 1,7 % (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, такая динамика характерна и для показателей по денежному доходу населения РБ. Например, номинальная среднемесячная заработная плата в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 2 040,8 руб. (7,25 %). В то же время наблюдается снижение реальных доходов населения, начиная с 2015 г. Республиканский показатель инфляции оказался ниже общероссийского (1,6 %) [19; 20]. При растущих зарплатах реальные доходы населения снижаются, хотя темпы снижения сократились.

Другим компонентом ИРЧП является ожидаемая продолжительность жизни. Данный показатель не только характеризует уровень развития медицины в стране, но и интегрирует в себе влияние многих социально-экономических факторов на качество жизни и здоровье людей. В 2000 г. РБ по ожидаемой продолжительности жизни занимала 16-е место среди субъектов федерации (66,70 лет против среднероссийского уровня – 65,34 года). Но уже в 2010 г. этот показатель стал ниже значения по России, и в 2016 г. по данному показателю среди субъектов федерации РБ уже занимает 40-е место (рис. 1) [22].

Таблица 1. Динамика основных социально-экономических показателей уровня жизни населения РБ и РФ [20; 21]

Показатели	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника в РБ, руб.	6 612	16 377	24 987	25 927	28 108	30 148
Реальные располагаемые денежные доходы населения РБ (в месяц), руб.	6 886	17 498	25 970	27 730	28 140	28 402
Реальные располагаемые денежные доходы населения РБ, в % к предыдущему году	118,6	101,1	101,2	94,1	96,4	98,0
Реальные располагаемые денежные доходы населения РФ (в месяц), руб.	8 112	18 958	27 766	30 467	30 744	30 942
Реальные располагаемые денежные доходы населения РФ, в % к предыдущему году	111,1	105,9	99,3	96,8	94,2	98,3

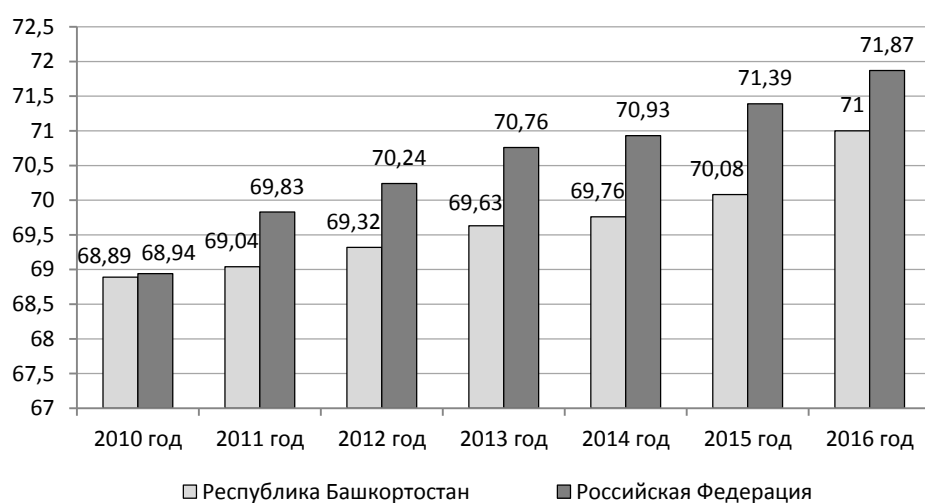

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан за 2010–2016 гг. [22]

За последние несколько лет показатель средней ожидаемой продолжительности жизни в России и регионах растет. По данным 2016 г., ожидаемая продолжительность жизни в Башкортостане составляет 71 год (у мужчин – 65,3 года, у женщин – 76,8 года). Этот показатель на 0,87 года ниже общероссийского, на 0,08 года ниже среднего показателя ПФО. От самого высокого показателя в ПФО в 2016 г. Башкортостан отстает на 2,6 года (Татарстан – 73,6 года в 2016 г.) [22].

Сложившаяся ситуация отражает влияние на данные показатели таких факторов, как неэффективная кадровая политика (по данным Минздрава РБ, в 2017 г. в отрасль прибыло 1 770 специалистов, уволилось 1 443, республике не хватает более 1 500 врачей); увеличение очередей в медицинских учреждениях и, как следствие, низкое качество обслуживания; уход высококвалифицированного персонала в сферу платных медицинских услуг. Не меньшее влияние оказывают: безработица (5,6 % в 2017 г.), снижение реальных доходов населения (98,0 % к уровню 2016 г.), рост уровня бедности (четверть населения республики имеют среднедушевой доход ниже 15 000 тыс. руб. в месяц, только за последний год к черте бедности приблизились порядка 0,5 млн чел. [20]).

Но есть и положительная динамика – демографическая ситуация. С 2010 по 2016 г. динамика показателей характеризовалась естественным приростом населения. Однако в 2017 г. показатель изменил свою динамику – число умерших жителей республики превысило число родившихся (рис. 2). Если в 2016 г. естественный прирост населения в РБ составлял +0,8 на 1 000 чел., то в 2017 г. убыль составила –0,3 на 1 000 чел. [20].

Что касается следующего компонента ИРЧП – индекса образования, в Башкортостане наблюдается его отрицательная динамика (рис. 3). Причины такого положения в первую очередь связаны с неблагоприятной для вузов республики тенденцией: ежегодно почти четверть выпускников школ уезжают в университеты Москвы и Петербурга. Их не устраивает отсутствие в местных вузах востребованных специальностей, современной инфраструктуры для учебы и перспектива трудоустройства. Выпускники вузов уезжают на работу в другие регионы ввиду отсутствия рабочих мест с достойной оплатой. Миграционная убыль, например, в республике за январь – сентябрь 2018 г. составила 4 889 чел. Испытывает проблемы и школьная система образования: уровень средней заработной платы учителей

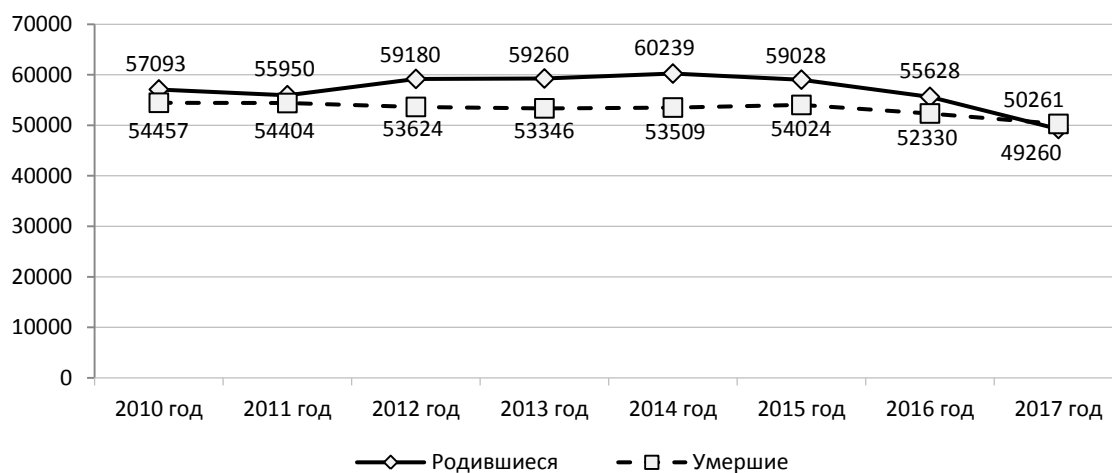

Рис. 2. Динамика показателей естественного движения населения Республики Башкортостан, чел.

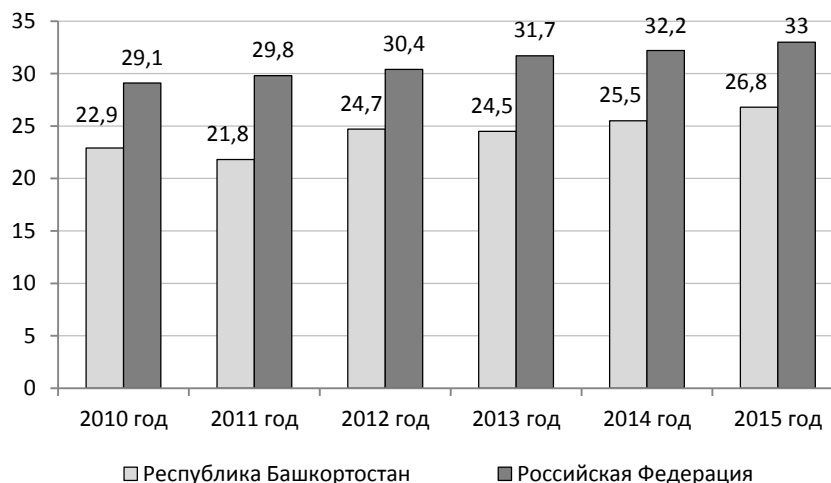

Рис. 3. Доля занятых в экономике Республики Башкортостан и РФ с высшим профессиональным образованием в общей численности занятых в экономике, % [23]

в регионах в 3 раза ниже оплаты труда в столице. В 2017 г. средняя заработная плата педагога общего образования в г. Москве составляла 72 000 руб., в Башкортостане – 27 000 руб. [23].

Вполне очевидно, что конечная цель экономических преобразований и реформ, осуществляемых в стране, – не рост ВВП как таковой. Это только материальная база улучшения благосостояния населения страны. Однако проблема социального неравенства в российском обществе стала наиболее злободневной в последние годы. По оценкам исследователей Парижской школы экономики, 10 % наиболее обеспеченных слоев населения в России получают 45 % доходов страны [2]. Самым информативным индикатором социального неравенства является индекс Джини, или коэффициент концентрации доходов, а наглядное представление фактического распределения совокупного дохода, приходящегося на каждую группу населения, дает кривая Лоренца. Для построения кривой Лоренца по обе оси координат наносят процентную масштабную шкалу (от 0 до 100 %). По абсциссе отображают процентные группы населения, ус-

ловно разделяя на 5 групп по 20 % от общей численности, а по оси ординат – такие же процентные группы доходов населения. Равномерное распределение доходов будет представлено биссектрисой, а неравномерное – «кривой Лоренца», отклонение которой от биссектрисы и характеризует степень неравномерности (таблица 2, рис. 4). Как видно из таблицы 2, расхождения несущественные, поэтому кривые Лоренца по РБ и РФ будут практически совпадать.

Коэффициент Джини рассчитывается для характеристики распределения совокупного денежного дохода между группами населения (индекс концентрации доходов населения). Чем больше этот коэффициент, тем выше поляризация общества по уровню доходов. Данные по РФ и РБ представлены в таблице 3 [21; 24].

Коэффициент Джини изменяется в пределах от 0 до 1. Всемирный банк считает неравенство высоким, если значение коэффициента превышает 0,4. Как видно из таблицы 3, данный показатель по России в последнее время снижается, однако остается достаточно высоким. По Башкортостану тенденция такая же.

Таблица 2. Распределение денежных доходов населения РБ и РФ в 2016 г. по 20%-ным группам населения [20; 21]

20%-ные группы населения	Доля денежных доходов в группе, % (Российская Федерация)	Доля денежных доходов в группе, % (Республика Башкортостан)	Сумма накопленных доходов (РБ), %
Первая (с наименьшими доходами)	5,3	5,3	5,3
Вторая	10,1	9,9	15,2
Третья	15,0	14,9	30,1
Четвертая	22,6	22,6	52,7
Пятая (с наибольшими доходами)	47,0	47,3	100,0

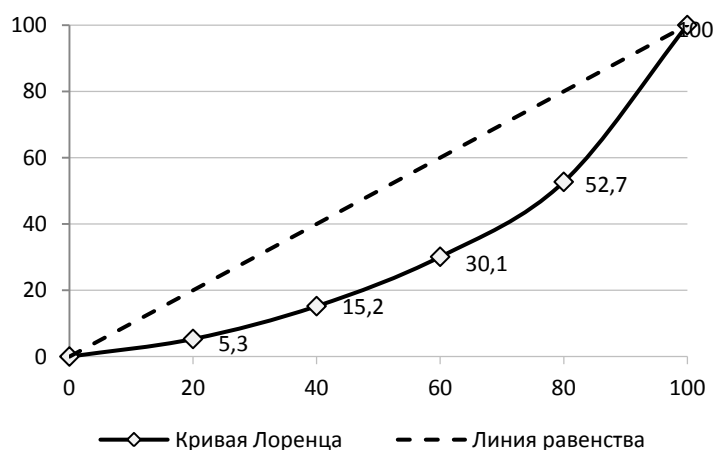

Рис. 4. Кривая Лоренца по данным Республики Башкортостан, 2016 г.

Таблица 3. Индекс Джини (коэффициент концентрации доходов)

	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Индекс Джини, РФ	0,421	0,416	0,413	0,412	0,410
Индекс Джини, РБ	0,429	0,425	0,414	0,416	0,416

Для того чтобы Республика Башкортостан стала комфортным для проживания регионом страны, необходимо сделать ее привлекательной для инвестиций через участие в национальных проектах, государственных программах; создавать благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса в целях создания дополнительных рабочих мест; реализовывать проекты, направленные на улучшение демографической ситуации, социальную поддержку малообеспеченных слоев населения. Таким образом, решение обозначенных проблем в области развития общества, экономики, образования и инфраструктуры позволит республике преодолеть отставание от других регионов страны и обеспечить ее высокую конкурентоспособность.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ динамики регионального ИРЧП продемонстрировал ослабление позиций Республики Башкортостан по данному показателю. Негативные изменения наблюдаются по всем компонентам человеческого потенциала. Замедление роста ИРЧП в республике связа-

но как со сложившейся ситуацией в стране (падение темпов роста ВВП, сокращение реальных располагаемых доходов населения, рост численности населения, живущих за чертой бедности), так и с наличием ряда проблем в самой республике, приводящих к снижению уровня жизни населения. В 2017 г. темпы снижения реальных доходов населения республики составили 2 % против 1,7 % в среднем по России. Отрицательная динамика наблюдается и в таком компоненте ИРЧП, как индекс образования. Доля населения с высшим профессиональным образованием в общей численности занятых в экономике РБ ниже, чем в РФ на 7–8 %. Ключевыми направлениями социально-экономической политики по повышению ИРЧП республики являются:

– по материальному доходу – формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе, сглаживание различий по уровню развития муниципальных образований РБ, создание новых рабочих мест в результате реализации инвестиционных проектов на территориях муниципальных образований, стимулирование инновационной и предпринимательской активности молодежи;

– по продолжительности жизни – повышение качества и доступности первичной медико-санитарной помощи, укомплектованность системы здравоохранения высококвалифицированными и мотивированными кадрами, укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения, снижение смертности граждан трудоспособного возраста;

– по образованию – сокращение территориальных диспропорций в уровне оплаты труда работников образования, повышение качества и доступности высшего, среднего профессионального образования, развитие новых актуальных образовательных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Федеральная служба государственной статистики.
URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc.
2. Novokmet F., Piketty Th., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *The Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 1. № 2. P. 189–223.
3. Свиридов Н., Грабова О. «Ловушки бедности»: тенденции и трансформации // *Экономика образования*. 2015. № 2. С. 168–175.
4. Лукьянчикова Т., Ямщикова Т. Теория и реальность социального неравенства // *Экономист*. 2016. № 11. С. 28–35.
5. Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. 324 с.
6. Нилова И.В. Уровень и качество жизни населения: сущность и основные показатели (на примере Ульяновской области) // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. Т. 8. № 2. С. 58–61.
7. Сухарев О.С. Уровень и качество жизни населения как критерии измерения результатов экономического развития // *Дайджест-финансы*. 2013. № 2. С. 57–64.
8. Кривошей В.А., Школкина Н.В. Качество жизни и показатели уровня жизни // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2013. № 4. С. 3–6.
9. Захаркина Н.В. Социально-экономические факторы качества жизни населения: региональный аспект // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2018. № 7. С. 38–43.
10. Гуменюк И.С. Индекс развития человеческого потенциала как инструмент оценки уровня социального развития стран Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9. № 3. С. 63–81.
11. Шайдуллина Р.М., Габдрахманова Д.М., Дремин Н.А. Социальная коррекция рынка: проблема, индикаторы, реализация социальной политики на примере Республики Башкортостан // *Материалы 45-й Международной научно-технической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов*. Уфа: УГНТУ, 2018. Т. 2. С. 201–203.
12. Афанасьева К.Е. Уровень жизни населения Республики Башкортостан // *Современные научные исследования и инновации*. 2017. № 1. С. 449–451.
13. Гайнитдинова В.И., Лобанова В.А. Современное состояние уровня жизни населения Республики

Башкортостан // *Экономическая наука и практика: материалы IV международной научной конференции*. Чита: Молодой ученый, 2016. С. 97–100.

14. United Nations Development Programme. Human Development Reports.
URL: hdr.undp.org/en/composite/trends.
15. Агранович М.Л., Кожевникова О.Н., Зайцева О.В. Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации: профессиональное образование: статистический информационно-аналитический сборник.
URL: stat.edu.ru/doc/Prof_educ_region_fin.pdf.
16. Устойчивое развитие: вызовы РИО: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации 2013 / под ред. С.Н. Бобылева. М.: РА ИЛЬФ, 2013.
URL: undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf.
17. Цели устойчивого развития ООН и Россия: краткая версия доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при правительстве РФ, 2016.
URL: ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf.
18. Человек и инновации: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при правительстве РФ, 2018.
URL: ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf.
19. Отчет о результатах деятельности правительства республики Башкортостан в 2017 г. // Правительство Республики Башкортостан: официальный сайт.
URL: pravitelstvorb.ru/upload/iblock/.
20. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.
URL: bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/.
21. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики.
URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/.
22. Продолжительность жизни населения Республики Башкортостан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.
URL: bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/f911950044fa039daf6dff03adde5d95/OПЖ+2016.pdf.
23. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики.
URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor4-17.html.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики.
URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

REFERENCES

1. The number of inhabitants with money income below than the minimum subsistence amount and money

- income deficiency. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*.
URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc.
2. Novokmet F., Piketty Th., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 189–223.
 3. Sviridov N., Grabova O. “Traps of poverty”: Trends and Transformations. *Ekonomika obrazovaniya*, 2015, no. 2, pp. 168–175.
 4. Lukyanchikova T., Yamshchikova T. Theory and reality of social inequality. *Ekonomist*, 2016, no. 11, pp. 28–35.
 5. Kapustin E.I. *Uroven, kachestvo i obraz zhizni naseleniya Rossii* [The standards of living and lifestyle of the population in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 324 p.
 6. Nilova I.V. The standard of living of the population: the nature and main indicators (on the example of the Ulyanovsk region). *Natsionalnye interesy: priorityety i bezopasnost*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 58–61.
 7. Sukharev O.S. The standards of living of the population as criteria for measuring the results of economic development. *Dayzhest-finansy*, 2013, no. 2, pp. 57–64.
 8. Krivoshey V.A., Shkolnikina N.V. Life quality and performances of living standards. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki*, 2013, no. 4, pp. 3–6.
 9. Zakharkina N.V. Social and economic factors of the population’s life quality: regional aspect. *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamentalnye i prikladnye issledovaniya*, 2018, no. 7, pp. 38–43.
 10. Gumenyuk I.S. Human development index as a tool to assess social development in the Baltic States. *Baltic Region*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 45–57.
 11. Shaydullina R.M., Gabdrakhmanova D.M., Dremin N.A. Social correction of the market: problem, indicators, implementation of social policy on the example of the Republic of Bashkortostan. *Materialy 45-y Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov*. Ufa, UGNTU Publ., 2018. Vol. 2, pp. 201–203.
 12. Afanaseva K.E. Level of living of the population of the Republic of Bashkortostan. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 2017, no. 1, pp. 449–451.
 13. Gaynitdinova V.I., Lobanova V.A. The current state of the standard of living of the population in the Republic of Bashkortostan. *Ekonomicheskaya nauka i praktika: materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Chita, Molodoy uchenyy Publ., 2016, pp. 97–100.
 14. *United Nations Development Programme. Human Development Reports*.
URL: hdr.undp.org/en/composite/trends.
 15. Agranovich M.L., Kozhevnikova O.N., Zaytseva O.V. *Problemy i tendentsii razvitiya obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii: professionalnoe obrazovanie: statisticheskiy informatsionno-analiticheskiy sbornik* [The problems and the development trends of education in the Russian Federation: vocational education: statistical data analytics digest].
URL: stat.edu.ru/doc/Prof_educ_region_fin.pdf.
 16. Bobyleva S.N., ed. *Ustoychivoe razvitie: vyzovy RIO: doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii 2013* [Sustainable Development: RIO Challenges: Human Development Report 2013 in the Russian Federation]. Moscow, RA ILF Publ., 2013.
URL: undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf.
 17. Bobyleva S.N., Grigoreva L.M., eds. *Tseli ustoychivogo razvitiya OON i Rossiya: kratkaya versiya doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii* [The goals of sustainable development of the United Nations and Russia: brief version of the report on human development in the Russian Federation]. Moscow, Analiticheskiy tsentr pri pravitelstve RF Publ., 2016.
URL: ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf.
 18. Bobyleva S.N., Grigoreva L.M., eds. *Chelovek i innovatsii: doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii* [Man and innovations: report on human development in the Russian Federation]. Moscow, Analiticheskiy tsentr pri pravitelstve RF Publ., 2018.
URL: ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf.
 19. Report on the results of the activities of the government of the Republic of Bashkortostan in 2017. *Pravitelstvo Respubliki Bashkortostan: ofitsialnyy sayt*.
URL: pravitelstvorb.ru/upload/iblock/.
 20. *Territorial agency of Federal State Statistics Service*.
URL: bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/.
 21. Standard of living. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*.
URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/.
 22. Life expectancy of the population of the Republic of Bashkortostan. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Bashkortostan*.
URL: bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/f911950044fa039daf6dff03adde5d95/OИЖ+2016.pdf.
 23. The results of federal statistical survey in the sphere of salary of certain categories of employees of social sphere and science for 2017. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*.
URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog-monitor/itog-monitor4-17.html.
 24. Regions of Russia. Socio-economic indicators. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*.
URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

**THE DYNAMICS OF INDICATORS OF LIVING STANDARDS OF THE POPULATION
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION:
THE COMPARATIVE ANALYSIS**

© 2019

R.M. Shaidullina, PhD (Pedagogy), assistant professor of Chair of Humanities and Socio-Economic Sciences
Ufa State Petroleum Technological University, branch in Oktyabrsky, Oktyabrsky (Russia)

Keywords: the Republic of Bashkortostan; social state; living standard; human development index; education index; life expectancy index; real income.

Abstract: Regional problems of improving the quality of life of the population are relevant in present-day conditions as they are interrelated with the social and economic development of the country as a whole. Each subject of the Russian Federation due to its social and economic potential has the specifics in improving the level and quality of life of the population. The paper considers the current state of the level and quality of life of the population of the Republic of Bashkortostan, analyzes the indicators characterizing the life level of the population of the RF subject under the study; studies their dynamics, determines the factors influencing the dynamics of indicators. The author describes the concept and the essence of the method of evaluation of the living standard of the population – the calculation of the human development index (HDI), identifies the main indicators of the population's living standard; carries out the comparative analysis of the HDI of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan. The analysis of the HDI dynamics demonstrated the weakening of Bashkortostan position in the ranking of regions. The negative changes are observed among all the components of human potential. The slowdown in the HDI growth in the republic is explained by such factors as low wages, loss of interest in the development of human capital and motivation for labor productivity improvement, the commercialization of health care and education, and insufficient rates of their modernization. In this paper, the author proposes the key points of the social and economic policy on the improvement of living standards of the population in the analyzed region.

НАШИ АВТОРЫ

Антонина Людмила Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры товароведения и экспертизы качества.

Адрес: Омский государственный технический университет, 644050, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 11.

Тел.: (3812) 23-43-77

E-mail: antoninalv@mail.ru

Верешко Сергей Сергеевич, студент 2 курса магистратуры Института экономики и права.

Адрес: Петрозаводский государственный университет, 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

Тел.: (8142) 57-37-25

E-mail: vereshko.s@mail.ru

Демидова Светлана Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов финансово-экономического факультета.

Адрес: Псковский государственный университет, 180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Тел.: (8112) 79-78-13

E-mail: sielitodem@gmail.com

Дубровская Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов.

Адрес: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

Тел.: (312) 219-83-32

E-mail: uliadubrov@mail.ru

Кациель Светлана Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса.

Адрес: Омский государственный технический университет, 644050, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 11.

Тел.: (3812) 23-43-77

E-mail: kats-1967@yandex.ru

Краснопевцева Ирина Васильевна, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента бакалавриата (экономических и управленческих программ).

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 903 332-75-26

E-mail: i.krasnopevtseva@mail.ru

Левкин Николай Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента.

Адрес: Петрозаводский государственный университет, 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

Тел.: (8142) 57-37-25

E-mail: levkip@mail.ru

Махотаева Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, временно исполняющий обязанности ректора.

Адрес: Псковский государственный университет, 180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Тел.: +7 951 753-92-22

E-mail: makhotaeva@mail.ru

Мурач Екатерина Владимировна, магистрант Школы экономики и менеджмента.

Адрес: Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.

E-mail: katerinka.2010@mail.ru

Николаев Михаил Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, декан финансово-экономического факультета.

Адрес: Псковский государственный университет, 180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Тел.: +7 953 239-49-10

E-mail: mihaelnikolaev@mail.ru

Панченкова Лариса Станиславовна, доцент кафедры товароведения и экспертизы качества.

Адрес: Омский государственный технический университет, 644050, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 11.

Тел.: (3812) 23-43-77

E-mail: lara_lsp@mail.ru

Селезнева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Школы экономики и менеджмента.

Адрес: Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.

E-mail: katerinka.2010@mail.ru

Суханов Дмитрий Александрович, магистрант финансово-экономического факультета.

Адрес: Псковский государственный университет, 180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Тел.: (8112) 79-78-13

E-mail: pskovmagfef@yandex.ru

Тиунов Дмитрий Александрович, магистр.

Адрес: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

Тел.: +7 919 494-50-60

E-mail: Tiunov2@mail.ru

Уляшева Лариса Геннадьевна, старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и аудит».

Адрес: Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 167000, Россия, г. Сыктывкар, ул. Старовского, 55.

Тел.: (8212) 39-03-91

E-mail: larisa08041976@mail.ru

Хаиров Бари Галимович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и кредит», заместитель директора по научной работе.

Адрес: Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 644001, Россия, г. Омск, ул. Масленникова, 43.

Тел.: +7 913 628-30-23

E-mail: hairrov@bk.ru

Хаирова Саида Миндуалиевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление качеством и производственными системами», директор Института магистратуры и аспирантуры.

Адрес: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 644080, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 5.

Тел.: +7 913 613-14-30

E-mail: saida_hairova@mail.ru

Шайдуллина Римма Макмуновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук.

Адрес: Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал в г. Октябрьском, 452620, Россия, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Девонская, 54а.

Тел.: (34767) 6-64-04

E-mail: rimmanet58@mail.ru

OUR AUTHORS

Antonina Lyudmila Vladimirovna, PhD (Engineering), assistant professor of Chair of Commodity Research and Quality Examination.

Address: Omsk State Technical University, 644050, Russia, Omsk, Prospect Mira, 11.

Tel.: (3812) 23-43-77

Email: antoninalv@mail.ru

Demidova Svetlana Evgenyevna, PhD (Economics), assistant professor of Chair of Economics and Finance, Faculty of Finance and Economics.

Address: Pskov State University, 180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.

Tel.: (8112) 79-78-13

E-mail: sielitodem@gmail.com

Dubrovskaya Yulia Vladimirovna, PhD (Economics), assistant professor of Chair of Economics and Finance.

Address: Perm National Research Polytechnic University, 614990, Russia, Perm, Komsomolsky Prospect, 29.

Tel.: (312) 219-83-32

E-mail: uliadubrov@mail.ru

Katsiel Svetlana Anatolievna, PhD (Sociology), assistant professor of Chair of Tourism, Hotel and Restaurant Business.

Address: Omsk State Technical University, 644050, Russia, Omsk, Prospect Mira, 11.

Tel.: (3812) 23-43-77

E-mail: kats-1967@yandex.ru

Khairov Bary Galimovich, Doctor of Sciences (Economics), professor of Chair of Banking and Finance, Deputy Director for Science.

Address: Omsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, 644001, Russia, Omsk, Maslennikov Street, 43.

Tel.: +7 913 628-30-23

E-mail: hairrov@bk.ru

Khairova Saida Mindualievna, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Chair of Management of Quality and Manufacturing Systems, Director of Institute of Graduate and Postgraduate Education.

Address: Siberian State Automobile and Highway University (SIBADI), 644080, Russia, Omsk, Prospect Mira, 5.

Tel.: +7 913 613-14-30

E-mail: saida_hairova@mail.ru

Koziel Svetlana Anatolyevna, associate Professor, candidate of sociological Sciences, associate Professor of the Department of tourism, hotel and restaurant business, Omsk state technical University.

Address: Omsk state technical University, 644050, Omsk, PR. Mira, d. 11

Tel.: (3812) 23-43-77

E-mail: kats-1967@yandex.ru

Krasnopevtseva Irina Vasilievna, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of the Department of Undergraduate Studies (Economic and Management Programs).

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 903 332-75-26

E-mail: i.krasnopevtseva@mail.ru

Levkin Nikolay Vladimirovich, Doctor of Sciences (Economics), professor of Chair of Economic Theory and Management.

Address: Petrozavodsk State University, 185910, Russia, Petrozavodsk, Prospect Lenina, 33.

Tel.: (8142) 57-37-25

E-mail: levkip@mail.ru

Makhotaeva Marina Yurievna, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Acting Rector.

Address: Pskov State University, 180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.

Tel.: +7 951 753-92-22

E-mail: makhotaeva@mail.ru

Murach Ekaterina Vladimirovna, graduate student of School of Economics and Management.

Address: Far Eastern Federal University, 690091, Russia, Vladivostok, Sukhanov Street, 8.

E-mail: katerinka.2010@mail.ru

Nikolayev Mikhail Alekseevich, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Finance and Economic Faculty.
Address: Pskov State University, 180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
Tel.: +7 953 239-49-10
E-mail: mihaelnikolaev@mail.ru

Panchenkova Larisa Stanislavovna, assistant professor of Chair of Commodity Research and Quality Examination.
Address: Omsk State Technical University, 644050, Russia, Omsk, Prospect Mira, 11.
Tel.: (3812) 23-43-77
E-mail: lara_lsp@mail.ru

Selezneva Elena Yurievna, PhD (History), assistant professor of Chair of Accounting, Analysis and Audit of School of Economics and Management.
Address: Far Eastern Federal University, 690091, Russia, Vladivostok, Sukhanov Street, 8.
E-mail: katerinka.2010@mail.ru

Shaidullina Rimma Makmunovna, PhD (Pedagogy), assistant professor of Chair of Humanities and Socio-Economic Sciences.
Address: Ufa State Petroleum Technological University, branch in Oktyabrsky, 452620, Russia, the Republic of Bashkortostan, Oktyabrsky, Devonskaya Street, 54a.
Tel.: (34767) 6-64-04
E-mail: rimmanet58@mail.ru

Sukhanov Dmitry Aleksandrovich, graduate student of Faculty of Economics and Finance.
Address: Pskov State University, 180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
Tel.: (8112) 79-78-13
E-mail: pskovmagfef@yandex.ru

Tiunov Dmitry Aleksandrovich, graduate student.
Address: Perm National Research Polytechnic University, 614990, Russia, Perm, Komsomolsky Prospect, 29.
Tel.: +7 919 494-50-60
E-mail: Tiynov2@mail.ru

Ulyasheva Larisa Gennadievna, senior lecturer of Chair "Accounting and Auditing".
Address: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 167000, Russia, Syktyvkar, Starovsky Street, 55.
Tel.: (8212) 39-03-91
E-mail: larisa08041976@mail.ru

Vereshko Sergey Sergeevich, master student of the Institute of Economics and Law.
Address: Petrozavodsk State University, 185910, Russia, Petrozavodsk, Prospect Lenina, 33.
Tel.: (8142) 57-37-25
E-mail: vereshko.s@mail.ru